Питер Экклс

ПРИСУТСТВИЕ СРЕДИ НАС

Размышления
о духовном распознавании

ПИТЕР ЭККЛС

ПРИСУТСТВИЕ СРЕДИ НАС

Размышления о духовном распознавании

2020

УДК 1
ББК 87
Э38

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Экклс Питер
Э38 Присутствие среди нас : Размышления о духовном распознавании / Питер Экклс. — [б. м.] : [б. и.], 2020. — 196 с. [б. н.]

Автор размышляет об основополагающем вопросе бытия: как мы воспринимаем мир вокруг нас и чем отвечаем на свое восприятие окружающего нас мира? Он считает, что научное понимание дополняет понимание, приходящее через духовный опыт, и что необходимо примирить два подхода, хотя это и не всегда бывает легко и может привести к проверке на прочность некоторых религиозных взглядов.

УДК 1
ББК 87

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Питер Экклс, 2020
© Татьяна Григорьева, перевод, 2020
© Наталья Журавенкова, перевод, 2020

Памеле с любовью и благодарностью

Природа, ты моя богиня! В жизни
Я лишь тебе послушен.[1]

Уильям Шекспир, «Король Лир», Акт 1,
сцена 2.

Девиз, принятый великим математиком
Карлом Фредериком Гауссом (1777—1855)

[1] перевод Бориса Пастернака, — *прим. пер.*

ВВЕДЕНИЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ

К тому времени, когда была прочитана эта лекция, прошло уже три года, как ко мне впервые обратились с просьбой подготовить Свортморскую лекцию на тему «Различение». Это — третья из трех успешных Свортморских лекций, прочитанных активно участвующими в основной работе нашего годового собрания Друзьями, которые размышляют о том, что они почерпнули из этого опыта и из других аспектов своей довольно разнообразной жизни. Слушая и впоследствии читая лекции Бет Аллен и Кристин Дэвис, я гадал о том, что же останется сказать мне.

Ученичество, послушание и различение (распознавание) очень тесно взаимосвязаны, будучи аспектами нашей преданной жизни. Как Бет Аллен, которая говорила об ученичестве, так и говорившая о послушании Кристин Дэвис, включили материал о различении в свои лекции, а Бет Аллен даже включила мою цитату, которую я уже рассматривал в качестве отправной точки моей лекции (см. Бет Аллен 2007, стр. 41—42 — теперь этот отрывок дополнен и составляет первую часть главы 6 данной книги). В каждой из этих лекций мы ощущали необходимость изучения своего собственного понимания Бога и того, как на-

ми воспринимается действие Бога в мире; но я надеюсь, что наши неодинаковые подходы окажутся полезными.

Я не ученый, не философ, не теолог и не историк. Тем не менее, работая над этой лекцией, я оказался вовлеченным в сферы, которые требовали осведомленности по этим предметам. Для специалистов, а возможно и для других читателей, будет совершенно очевидной моя недостаточная осведомленность, нехватка знаний. Многие из моих познаний пришли из чтения некоторых популярных описаний этих дисциплин, описаний, которых появляется все больше. В частности, сфера взаимоотношений между наукой и религией представлена весьма обширной и поразительной литературой; и время от времени я погружался в нее вместо того, чтобы работать над лекцией.

Возможно, наука обсуждается в этой лекции более подробно, чем к этому привыкли Друзья, но мне научные идеи кажутся совершенно необходимыми для понимания мира вокруг нас. Это перекликается с темой из другой Свортморской лекции. Как писала Джеки Лич Скалли (2002, стр. 103), «каждый из нас без исключения призван понять что-то из научных представлений о мире». Я бы повторил это. Научный метод познания чрезвычайно силен, и он преобразовал наше восприятие мира. «Любое научное исследование предлагает путь в творение, который… пролегает параллельно путям мистиков и стремится к той же самой вершине» (стр. 41). Я согласен с тем, что научное понимание дополняет понимание, приходящее через наш духовный опыт. Необходимо примирить два подхода, хотя это и не всегда бывает легко и может привести нас к проверке на прочность некоторых наших религиозных взглядов. Один из предыдущих свортморских лекторов Сильванус Томпсон, который тоже был математиком, писал, что «взгляды мыслящего [человека] ничего не стоят, пока он не проверит их — не пройдет через процесс их прямого рассмотрения и обдумывания их достоверности,

их авторитета; до тех пор, пока, на самом деле, он не пройдет сквозь стадию сомнения к более полной убежденности». (Сильванус Томпсон, 1915, стр. 93)

В ходе работы над этой лекцией мои представления изменились и развились, и я определенно прошел сквозь «стадию сомнения» много раз. Иногда кажется, что выйти за пределы этой стадии трудно. У меня остается так же много вопросов, как и в самом начале моего пути, но я могу подтвердить истинность утверждения Сильвануса Томпсона о том, что эти вопросы могут привести к более полной убежденности, как у Томаса Элиота в «Литтл Гиддинг»:

> И поиски кончатся там,
> Где начали их; оглянемся,
> Как будто здесь мы впервые.
>
> Т. С. Элиот «Литтл Гиддинг», V[1]

Эта лекция — попытка определить, куда я добрался в своих размышлениях об основополагающем вопросе бытия: как мы воспринимаем мир вокруг нас и чем отвечаем на свое восприятие окружающего нас мира? Я вложил в лекцию свой шестидесятилетний опыт как Друга[2], это наложило наибольший отпечаток на мое формирование. Я осознаю, что моей лептой Друзьям были скорее содействие и поддержка, оказанные другим в их видении реальных перемен, нежели мои собственные видение и деятельность. Для меня было настоящей привилегией работать с некоторыми из этих Друзей. Я также работаю математиком, главным образом, в Манчестерском университете — преподаю, учусь, а иногда и открываю что-то новое в математике. И в этом мире я также скорее помогаю, чем действую, и здесь тоже бывает привилегией работать с некоторыми замечательны-

---

[1] перевод С. Степанова, — *прим. пер.*

[2] т.е. квакера, — *прим. пер.*

ми учителями, исследователями и учеными. Сворморские лекции обычно читаются провидцами и подвижниками, и я остро чувствую ограниченность опыта, который привлекаю к выполнению своей задачи. Я также понимаю, что лекция знаменует для меня только лишь начало изучения многих выраженных в ней идей. Поэтому в ней остается множество незавершенных тем и вопросов без ответов.

Необходимо упомянуть музыкальную линию, проходящую через всю лекцию. Музыка была со мной всегда. Пение в школьном холле — единственное, что я действительно помню о своем пребывании в школе для малышей. Первым музыкальным сочинением, прослушивание которого я запомнил, было скерцо: виваче Дворжака из симфонии №7 ре минор, позывной радиопрограммы «Детский час», которой я с нетерпением ждал каждую неделю. Эта мелодия до сих пор вызывает у меня трепет всякий раз, когда я ее слышу. С тех пор я немного играл, немного пел и очень много слушал. Есть ощущение, что великая музыка вечна, существует вне времени; и это парадоксально, поскольку она обретает смысл только в определенное время. Совместный опыт музицирования, когда каждый человек вносит свой собственный вклад в целое, которое бывает бóльшим, нежели сумма его частей — это модель жизни сообщества, к которой мы стремимся. В лекции я подчеркиваю важность музыки для меня, используя цитаты, связанные с музыкальными произведениями или композиторами.

В работе над этой лекцией меня поддерживали члены моей семьи: Памела Экклс, Марк Экклс, Майкл Экклс и Хитер Роулендс; все они были убеждены в том, что подготовка лекции мне по силам. Источником поддержки и ободрения для меня был Комитет по Свортморским лекциям, и в особенности Вэл Фергюссон, Питер Фишпул и Джулия Гордон. Члены комитета не переставали верить в то, что

мне все же есть, что сказать, а критика предварительных вариантов текста со стороны всей группы или ее отдельных участников была безупречно конструктивной и полезной. На последних стадиях Дебора Пэдфилд внесла многочисленные предложения, которые помогли мне сделать текст более гладким и понятным, а Джон Фицжеральд руководил публикацией. Работать с ними обоими было очень приятно.

Я узнал, что значит быть квакером, от своих родителей, Уильяма и Глэдис Экклс, а также взрослея вместе с замечательными Друзьями в Блэкпулском собрании и Престонском месячном собрании. Затем на развитие моих религиозных убеждений повлияли Друзья в Кембридже и в Центральном комитете молодых Друзей, а также многие Друзья, с которыми я встретился, регулярно присутствуя на годовых собраниях и долгое время участвуя в Собрании в поддержку страждущих, Всемирном консультативном комитете Друзей, молодежном театре «Ливенерс» и, прежде всего, строя совместную жизнь с Пэм. На протяжении почти сорока лет наше местное собрание в Чидл-Хьюм было нашим духовным домом, а также и нашим реальным домом в те пять лет, когда мы жили в доме собраний. Друзья в этом собрании и, в общем, в графстве Чешир (теперь — Восточный Чешир) всегда были источником поддержки. Мне очень повезло.

Питер Экклс
Манчестер, июнь 2009

ГЛАВА 1. ПРИСУТСТВИЕ В ЦЕНТРЕ

Во время молитвенного собрания все кажется неподвижным. Снаружи мир продолжает жить. Мы можем слышать производимые людьми звуки: голоса прохожих и шум машин. Мы можем слышать звуки мира природы: иногда — пение птиц, иногда — бьющиеся в окна ветер и дождь. Мы можем сознавать, что Земля, на самом деле, не неподвижна, она поворачивается на своей оси и путешествует по орбите вокруг Солнца.

Здесь — спокойствие, но где-то еще земля бурлит деятельностью: люди рождаются, люди умирают, людям больно, люди радуются, люди делают ужасные вещи, люди делают изумительные вещи.

Мы пытаемся успокоить свои мысли. Но наш мозг все еще активен, он заботится о том, чтобы мы продолжали дышать и сидели прямо, мозг обрабатывает информацию, поступающую из внешнего мира через глаза, уши, осязание, обоняние и даже вкусовые рецепторы.

И все же нашему мозгу знакома неподвижность. Мы обнаруживаем себя

В неподвижной точке вращения мира
В неподвижности совершается танец
Без остановки, движенья.

Т. С. Элиот «Сожженный Нортон»[1].

В этом состоит для нас суть квакерского опыта — знать неподвижность, чувствовать вечное и, в то же самое время, осознавать танец, бурлящую активность вокруг нас. В этом совместном опыте мы «разделяем радости и печали других» (*Советы и вопросы*, 18), и одновременно мы можем осознавать радости и печали всего человечества, радость и печаль всего творения. Сплоченное собрание — это неподвижный центр всей вселенной, момент, когда время останавливается, и мы соприкасаемся с вечностью.

Данный опыт, конечно, известен не только квакерам. Автор Псалма 45 написал известные слова:

Остановитесь и познайте, что Я — Бог[2].

Эти слова из «Авторизованной» версии Библии были положены на музыку Давидом Сондерсом и Яном Смейлом (*Песня в духе 2005*, 68 и 70). Они перекликаются с действующими *Советами и вопросами* Британского Годового собрания:

Мы ищем объединяющую тишину на наших молитвенных собраниях, чтобы все мы могли почувствовать силу Божественной любви, которая соединяет и ведет нас.

Советы и вопросы, 8

Что означает «тишина»? Может оказаться полезным более поздний перевод псалма в «Новой английской Библии»:

Да будет так; узнайте, что я — Бог.

---

[1] перевод К. С. Фарая — *прим. пер.*

[2] Псалтирь 45:11, — *прим. пер.*

Итак, «быть в тишине» означает «позволить быть», принять. Я всегда предпочитал слово «тишина» слову «молчание». Молчание может казаться мертвым и пустым, в то время как тишина дает ощущение богатства возможностей.

Бывает трудно находиться в тишине или принимать что-то в мире, где, как мы знаем, присутствует столько боли и страданий, часть которых вызвана действиями человеческих существ в отношении друг друга, хотя многие другие страдания и боль возникают из самой природы творения. Но псалмопевец и наши собственные *Советы и вопросы* говорят нам, что если мы «затихаем» или «позволяем быть», тогда мы узнаем Бога, мы «почувствуем силу Божественной любви, которая соединяет и ведет нас». Этот опыт, а также то, как мы его используем в качестве руководства в нашей жизни, и будут предметом данной лекции.

Название лекции происходит из широко известной картины «Присутствие среди нас», которую написал в 1916 г. Джеймс Дойль Пенроуз, изобразив богослужение, в ранние годы квакерства происходившее в Доме Собраний Джорданс, с присутствующим на собрании Иисусом Христом. (1.1) Картина отражает представление об опыте молитвенного собрания, как о встрече с Христом, отождествлявшимся с исторической личностью Иисуса из Назарета. Сегодня некоторым Друзьям для передачи их понимания этого опыта могут потребоваться иные слова и образы.

Присутствие среди нас. Джеймс Дойль Пенроуз. 1916 г.

1.1 БОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Разговор о наших самых глубоких переживаниях труден, поскольку предполагает поиск общего с другими и удобного для нас языка. У нас может вызывать сомнения использование слова «Бог», и отчасти — из-за того, что нас не устраивает, как это слово трактуется другими. Тем не менее, мы это слово используем, и, если, к примеру, заглянуть в текущие *Советы и вопросы* Британского Годового собрания, то мы обнаружим там следующие словосочетания:

«водительство Бога» (п.1);
«Божья или Божественная любовь» (пп. 2, 8, 11, 18, 29);
руководство «водительством Бога» (пп. 3, 9, 14, 25, 27, 28);

«послушание Богу» (п. 4);
«дух Бога в работе… в опыте вашей повседневной жизни (п. 7);
«Божественное присутствие или присутствие Бога» (пп. 8, 12, 26);
«пути Господа» (п. 35);
продолжающееся «Божественное творение» п. 42).

Все эти словосочетания нуждаются в некоторой интерпретации. Слово «Христос» может быть более трудным, и сейчас оно все реже появляется в работах британских квакеров. В текущих *Советах и вопросах* это слово используется только дважды:

> Подчините всю свою жизнь водительству духа Христа (п. 2)

и также здесь:

> Честно ли вы несете свое свидетельство о том, что война и приготовления к войне не согласуются с Духом Христа? (п. 31)

Возможно, мы сейчас реже используем слово «Христос», но это не означает, что отраженный в слове опыт для нас менее важен. Совет «подчините всю свою жизнь водительству духа Христа» для меня служит ключевым положением для всех *Советов и вопросов* — в одном этом предложении заключено наше понимание того, чем мы призваны быть, и что мы призваны делать. Данная лекция изучает сферы применения этого принципа. Если мы хотим следовать этому совету, тогда нам нужно суметь определить, что требует от нас «Дух Христа». Это достигается в ходе процесса, который Друзья называют «различением».

1.2 РАЗЛИЧЕНИЕ

Значение слова «различение» определяется в Оксфордском словаре, как «определение отличительной особенности», «распознавание с помощью видения или других чувств». Это не передает значения, подразумеваемого Друзьями.

На наших богослужениях мы пытаемся через неподвижность и безмолвие узнать волю Бога для нас самих и для собравшейся группы. Наши собрания по церковным делам, где мы решаем деловые вопросы, также являются основанными на молчании богослужениями, и в них содержится то же самое ожидание того, что Божественное водительство можно распознать, если только мы действительно слушаем все вместе и друг друга (*Вера и практика*, 3.02). (1.2)

Цель данной лекции — изучить, что здесь описывается, опыт распознавания или различения того, что и как мы распознаем, и наши методы достижения различения. Традиционный религиозный язык, использовавшийся в *Советах и вопросах* и других книгах, отражает понимание природы реальности, которое больше не кажется надежной опорой. Оно возникает из религиозного видения мира, которое сводится к следующему: Бог (совершенное, благое, всемогущее, всезнающее существо) создает вселенную, в качестве дома для человечества; Бог разрешает людям свободу воли, власть принимать решения; Бог вознаграждает хорошие поступки и наказывает плохие; человеческая жизнь — подготовка к последующей лучшей жизни с Богом, которая приходит, вероятно, лишь к некоторым людям после их смерти. Я не согласен практически ни с одним из аспектов этого религиозного взгляда, и мне кажется, что большинство британских Друзей также не со-

гласятся с ним. Тем не менее, мне нравится этот язык, и я не хочу его терять. Он отражает восприятие реальности, которое нам также свойственно. Мы можем использовать этот язык метафорически, но чтобы сохранять верность собственному опыту, нам нужно делать это в рамках такого подхода, который будет для нас честным.

Итак, прежде чем перейти к исследованию различения, того, что мы узнаем из нашего личного или общего духовного опыта, мне необходимо посвятить первую половину лекции определению мировоззрения, в пределах которого я могу это сделать. Мое восприятие будет связано с историей. Оно будет сфокусировано на развитии научного понимания в Европе и его сравнении с развитием христианской мысли.

Структура лекции будет следующей:

Глава 2

П. 3.02 *Квакерской веры и практики*, как процитировано выше, упоминает «волю Бога». Чтобы начать понимать это, мне нужно прояснить свое представление о Боге и роли Бога в мироздании. Что означает восприятие Бога, как творца вселенной в контексте современного научного понимания истории мироздания? Как мы представляем себе продолжающееся «Божественное творение»? Я буду исследовать то, как наше понимание физического мира менялось от представлений о нем, как о месте, где деяния Бога (или богов) постоянно требовались, чтобы что-то происходило, до мира, который кажется развивающимся самостоятельно, без какой-либо помощи со стороны Бога.

Глава 3

Переходя к размышлению о том, как Бог тогда может действовать в таком мире, я сталкиваюсь с проблемой примирения действия Бога с управляющими мирозданием научными законами. Это приводит меня к подобной про-

блеме примирения наших собственных действий с законами науки. Итак, я должен обдумать, до какой степени наши действия определяются научными закономерностями, а в какой степени мы обладаем свободой воли. Это поднимает вопрос о месте человечества во вселенной. На одном полюсе находится традиционный взгляд, предполагающий, что мироздание было сотворено, чтобы служить домом человечеству. А на противоположном полюсе лежит представление о том, что человеческие существа, а, на самом деле, и вся жизнь, это лишь случайный сопутствующий продукт развития вселенной. Ни тот, ни другой подход не представляются приемлемыми.

Глава 4

Это подводит к вопросам о цели мироздания и задаче нашей собственной жизни, а также к вопросу о том, как страдание и зло могут сосуществовать с любящим Богом.

Глава 5

Мне тогда нужно обдумать свое восприятие окружающего мира и Бога. Это заставляет меня переосмыслить собственный опыт, в частности — те разнообразные переживания, в которых, как мне кажется, я воспринимаю Бога. Как мы это понимаем, и что означает — жить в «Божественном присутствии»?

Глава 6

Это подводит нас к размышлению о том, как мы откликаемся на свой опыт, что понимаем под «Божественным водительством», и как это отражает «волю Бога». Потребуется рассмотрение принципов, лежащих в основе квакерского процесса общего различения в нашем Годовом собрании, а также моего собственного опыта личного распознавания.

Глава 7

Наконец, я подойду к практике квакерского распознавания и своего опыта определенных техник, которые мы с годами развили. Практика различения Друзей основана на общинном богослужении, так что здесь я возвращаюсь к опыту молитвенного собрания и задаюсь вопросом, до какой степени эта практика зависит от общего понимания ученичества. Работа над этой лекцией превратилась в смиряющий, а часто и тревожащий опыт. Впоследствии я считал свое согласие сделать эту работу примером личного распознавания. Но изначально я чувствовал необходимость сказать, что мне трудно справиться с тем, что требуют от нас пункты из *Советов и вопросов* и *Квакерской веры и практики*. Поэтому я надеюсь, что мои слова будут в правильном порядке. Псалмопевец выразил это лучше:

> Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи, твердыня моя и Избавитель мой!
>
> Псалтирь 18:15 (1.3)

ГЛАВА 2. ПРОДОЛЖАЮЩЕЕСЯ ТВОРЕНИЕ БОГА

Прежде, чем родились горы и существовал мир;
из века в век Ты — Бог.

Джон Генри Ньюман, «Сон Геронтия»
по мотивам псалма 89:3[1]. Стихи положены
на музыку Эдуарда Элгара.

Пункт 3.02 о распознавании из *Квакерской веры и практики*, процитированный ранее, говорит о нашем постижении Божьего водительства. Мне нужно исследовать наше понимание этих положений. Но прежде чем приступить к этому, я должен обдумать отношения между Богом и миром. В п. 42 *Советов и вопросов* говорится о продолжающемся «Божьем творении». Что это значит? Для размышления об этом нам нужно понять природу мироздания.

В детстве летом я жил у моей тетушки Лизи и дяди Джека в их доме на Вудсайд Бэнк на окраине Дарвена в Ланкашире. Мои дядя и тетя обрели друг друга благодаря своему общему увлечению эсперанто. Эсперанто наде-

---

[1] «Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты — Бог» (Псалтирь 89:3), — *прим. ред.*

лило их интернациональным мировоззрением, побудило к путешествиям по всей Европе и общению там с местными жителями. Дядя Джек, хотя и был обычным рабочим, получил хорошее образование — в молодости он провел долгое время в Раскин-колледже в Оксфорде. Это была чудесная супружеская пара, и я многим им обязан.

Одним из многочисленных интересов дяди Джека была астрономия. У меня сохранился тот телескоп, с помощью которого он показывал мне горы на Луне, спутники Юпитера, фазы Венеры и, с привлечением множества ухищрений, кольца Сатурна. Полагаю, именно под его влиянием в детстве я захотел, когда вырасту, стать астрономом. Думаю, мне так никогда и не дорасти до этого — теперь уже слишком поздно. Но я помню, как обнаружил целую полку книг по астрономии в нашей местной библиотеке на южном берегу в Блэкпуле. К моему великому огорчению в книгах мне было отказано под тем предлогом, что нельзя брать эти «взрослые» книги на мой юношеский билет; в то время мне вероятно было лет девять или десять. Однако эту проблему вскоре удалось решить.

Для подготовки данной лекции я счел нужным вернуться к моему детскому увлечению космосом, чтобы осмыслить то, как мы представляем себе мир, как мы понимаем божественное, каково наше собственное место в этом мире, и как мы воспринимаем наши взаимоотношения с Богом.

Человечеству потребовалось длительное время, чтобы прийти к пониманию физического мира на современном уровне. Начало положил «донаучный» подход к проблеме. Каждая культура создала собственный миф сотворения мира. Все они рассматривали человечество и наши взаимоотношения с Богом (или богами), как центральное место в сотворении мира. Затем, начиная с XVII века, произошла научная революция, в результате которой установилось классическое научное, чисто механистиче-

ское и детерминистское воззрение на мир, которое не оставляло реального места Богу, разве только в качестве творца, запустившего ход событий. За последние 150 лет эти представления претерпели существенные изменения под воздействием вновь возникавших учений: направляемой естественным отбором эволюции, теории относительности и квантовой механики. Способствовали этому и наблюдения, сделанные в далеких глубинах вселенной и в микромире. В совокупности они привели к формированию современного научного мировоззрения. Успехи современной физики огромны, но эти новые учения, особенно квантовая механика, поставили сложные вопросы об истинной природе реальности. Открытие эволюции, происходящей под действием естественного отбора, поставило вопрос о месте человечества в этом мире. Это я буду обсуждать в следующей главе.

2.1 «ДОНАУЧНЫЙ» МИР

Считается общепринятым, что в анатомическом смысле современный человек, *Homo sapiens sapiens*, возник 120—150 тыс. лет назад. Полностью же соответствовать нашим представлениям о человеке, как о существе способном к социальной и культурной жизни, он стал 20—60 тыс. лет назад. Трудно точно определить, как и когда сформировался человеческий язык (см. §3—4). Письменные исторические документы относятся ко времени, которое отстоит от нашего не более чем на 5 тыс. лет (см. Крис Госден — Chris Gosden 2003 г., стр. 41—42 и стр. 10).

Наличие языка позволило сообща использовать накопленные знания и историю, таким образом дав возможность несравнимо расширить познание мира. Есть коллективное знание и мировоззрение, которое в принципе доступно всем, хотя каждый из нас может свободно оперировать только очень малой его частью. Эволюция языка должна была идти бок о бок с развитием концептуального понимания мира, например, со способностью классифицировать объекты по категориям, с умением определять причину, результат и цель, с осознанием своей индивидуальности и индивидуальности других. Все человеческие сообщества должны были пытаться каким-то образом понять мир, в котором они обитали, должны были задаться вопросом о цели человеческой жизни. Это же так естественно — задуматься о том, как устроен мир. Попытка ответить на этот вопрос приводила к созданию историй — мифов о сотворении мира, и в большинстве культур они были созданы.

Большинство из нас, видимо, более всего знакомо с историей сотворения мира Книги Бытия. Из нее следует, что все сотворено Богом, Бог предшествовал миру, был вне мира. Человечество занимает центральное место в его творении.

> И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя, — вам *сие* будет в пищу. (Бытие 1:27—9, *Библия*, Российское библейское общество, Москва 1996 г.)[1]

Таким образом, мир был создан для того, чтобы дать приют человечеству.

Бога представляли не только как исходного создателя мира, но как активно вовлеченного в повседневный процесс движения мира. Принимая эту точку зрения, мы полностью полагаемся на Бога в том, что солнце будет всходить каждое утро, времена года вовремя будут сменять друг друга; своевременно, когда это необходимо, прольются дожди, а зерно произрастет и нальется. Считалось, что Бог (или, как в некоторых религиях, боги) отвечает за все, что случается в этом мире — включая такие несчастья, как землетрясения, наводнения и засухи.

В своей Свортморской лекции в 1995 г. Анна Томас проанализировала значение различных историй-мифов о сотворении мира и особенно — истории сотворения из Книги Бытия. В ней создание человека является кульминационной точкой целого ряда событий. Единственное, что не полностью подвластно воле Бога — это поведение человеческих существ, поскольку Бог наделил нас свободой выбора. На людей была возложена обязанность давать имена всем остальным тварям. Косвенно это наделяло нас властью над их жизнью и смертью, но и накладывало на нас ответственность за них.

Бытие 1 представляет уникальные взаимоотношения между Богом и человеческими существами: Бог передает силу управления, а человек становится доверенным лицом, которому многое дается, и от которого многое ожидается. Существуют как близость, так и дистанция в отношениях между Богом и людьми. Близость — это дар человечеству; а наличие дистанции позволяет человеку быть свободным в ответном отклике к Богу (Анна Томас — Anne Thomas 1995 г., стр. 37).

---

[1] Перевод взят из русскоязычной Библии, — *прим. пер.*

Бог реагирует на поведение человеческих сообществ или отдельных человеческих индивидуумов и может одарить или наказать людей за их поведение. Такой была общепринятая точка зрения в семнадцатом столетии, и она была принята ранними Друзьями. Рассмотрим следующую запись в «Дневнике» Джоржа Фокса о событиях, произошедших 28 июня 1657 г. во Фрэндли (там и сейчас есть местное собрание, которое ныне входит в мое региональное собрание Восточного Чешира).

> Итак… мы возвратились в Англию [из Уэльса] и… приехали в Чешир к Вильяму Ганди [во Фрэндли]; и здесь у нас было собрание двух или трех тысяч человек; и вечное слово жизни было подано и получено в тот день. И было дано благословение собранию в тот день, поскольку Друзья были утверждены властью Божьей в твердыне и основании Христа Иисуса. А в это время была сильная засуха; и после окончания Общего собрания пошел мощный ливень; и такой дождь лил и на следующий день, так что Друзья сказали: они не верят, что мы сможем пройти, настолько высоко поднялась вода в ручьях и водоемах; но я полагал, что дождь был дарован в тот день, поскольку они пришли на собрание. Так и было.
> На следующий день в полдень мы вернулись обратно в область Уэльса, кругом все было в пыли и никакого дождя не было; среди людей утвердилось мнение, что когда я прихожу, то приношу с собой дождь, и так случалось много лет подряд.
> И когда была великая засуха, и Оливер Кромвель обратился к народу с воззванием поститься ради дождя, но как только распространилась Истина, на севере пошли обильные дожди и хорошие ливни, а к югу они местами даже превысили пределы желаемого и нанесли некоторый вред. И я был вынужден дать ответ на воззвание Оливера Кромвеля, что если он действительно пришел к пониманию

> своей Божественной Истины, то получает дождь, а засуха служит знаком того, что их течение жизни бесплодно, как вы можете видеть, эта книга дает ответ на его заявление. Подобное же течение событий наблюдалось за морями. Когда наступала засуха, люди обращались к квакерским Общим собраниям, так как знали, что после этого они получат дождь, и по мере того как люди постигали Истину и становились плодотворными в Боге, они получали благоприятную для урожая погоду.
>
> Джордж Фокс *Дневник,* изд. 1975 г., George Fox's *Journal,* стр.292—293

Из этого следует, что Джордж Фокс считал, что Бог вознаграждает людей, постигающих Истину Божью, посылая им дождь. Оливер Кромвель также полагал, что наилучшим средством для преодоления засухи является всенародный пост, который выполняет ту же функцию, что и так называемые танцы дождя, хотя, возможно, без большого веселья. Представление о том, что природными явлениями можно управлять с помощью ритуальных действий людей, было общепринятым в то время.

2.2 КЛАССИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ МИР

Через четыре года после того как Джордж Фокс был во Фрэндли, Исаак Ньютон поступил в Тринити Колледж в Кембридже. И со временем его работы привели к изменению нашего взгляда на мир.

Истоки научного метода заложены в представлениях древних греков. Аристотель подходил к изучению мате-

рии, базируясь на небольшом количестве фундаментальных принципов. Тем не менее, он полагал, что эти принципы можно постичь как самоочевидную истину с помощью одного лишь сознания. По Аристотелю естественным состоянием тела является покой, из которого его может вывести только приложение силы или импульса. Считалось, что Земля имеет форму сферы. (2.1) Очевидно, что она неподвижна и находится в центре вселенной. Материальные тела падают вниз в стремлении достигнуть центра космоса, если только они не являются небесными телами (светилами), в этом случае они движутся вверх к их естественному положению на небе.

Вершиной развития геоцентрической системы греков была теория, разработанная Клавдием Птолемеем примерно в 150 г. нашей эры в трактате, ныне известном, как «Альмагест» («Великая книга»). (2.2) Окружности и сферы рассматривались тогда в качестве наиболее совершенных геометрических фигур, и в соответствии с этим именно они были использованы для описания расположения и движения небес, которые, как считалось, также были совершенством. Солнце, Луна и пять видимых планет прикреплены к полупрозрачным сферам, центром которых являлась Земля. Каждое светило совершало движение вокруг Земли в результате вращения своей сферы. (2.3) Звезды располагались на внешней небесной сфере, которая также вращалась вокруг Земли. За ее пределами лежала сфера «начального толчка (первичного движителя)» (или Бога), которая поддерживала движение всего механизма.

В тринадцатом веке Фома Аквинский объединил космологию и физику древних греков с церковной доктриной: земля, по его представлениям была царством падшего человечества, небеса — обителью Бога, а ад он поместил в центре земли. (2.4)

В сущности, уже в третьем веке до нашей эры Аристарх, основываясь на своих исследованиях, показавших,

что Солнце неизмеримо больше Земли, предположил, что планеты, включая Землю, вращаются вокруг Солнца. Приблизительно две тысячи лет спустя эта теория была вновь открыта Николаем Коперником (1473—1543 гг.), который пришел к заключению о том, что система Птолемея может быть значительно упрощена, если предположить, что Солнце находится в центре космоса, а Земля и другие планеты движутся по орбитам вокруг него. Тем не менее, форма этих орбит осталась привязанной к окружности, также было сохранено большинство сложных построений системы Птолемея. Впоследствии Иоганн Кеплер (1571—1630 гг.) пытался подогнать круговые орбиты теории Коперника к последним более точным наблюдениям за движением Марса. (2.5) Он предположил, что планеты несовершенны, так же как Земля, и, соответственно, могут иметь несовершенные орбиты, орбита любой планеты — это эллипс, (2.6) а Солнце находится в одном из ее фокусов. (2.7)

Более или менее одновременно с Кеплером жил Галилео Галилей (1564—1642 гг.). В 1609 г. Галилео успешно продал вновь изобретенный телескоп венецианскому Сенату, в качестве военного оружия для обнаружения приближающихся кораблей (Артур Кестлер — Arthur Koestler 1964, стр. 369). Затем он применил телескоп для наблюдений ночного неба. Среди сделанных им открытий были: обнаружение гор на Луне, «подобных тем, что на поверхности Земли», обнаружение четырех громадных лун у Юпитера и открытие фаз Венеры, которые, как он увидел, были такими же, как лунные. Галилео полагал, что эти открытия подтверждают гелиоцентрическую теорию Коперника, так наличие лун у Юпитера показало, что есть объекты на небе, которые движутся по орбитам не вокруг Земли, что ставило под сомнение саму основу теории Птолемея.

Тем не менее, еще более важным было применение им экспериментального метода для проверки Аристотелевой

теории движения. Видимо, всем нам знакома, возможно и недостоверная история о его опыте-демонстрации, который он проделал с высоты падающей башни в Пизе. Опыт показал, что тела различной массы под воздействием сил гравитации падают с одинаковым ускорением. Это опровергало общепринятую точку зрения Аристотеля о том, что более тяжелые предметы падают быстрее. Чтобы продемонстрировать это, Галилей с особой точностью выполнил эксперименты. Ключевым его наблюдением было то, что равномерное движение экспериментально неотличимо от состояния покоя. Что-то подобное мы все можем испытать в равномерно двигающемся поезде или самолете. (2.8) Он изложил свои положения в книге «Диалоги о Великой Мировой Системе», опубликованной в 1632 г., незадолго до того, как Джордж Фокс предложил экспериментальный подход к изучению религиозных положений. Опубликование этой книги привело к хорошо известному диспуту между Галилеем и Церковью, результатом которого было судебное разбирательство инквизиции в отношении Галилео в Риме в 1633 г. (2.9)

Исаак Ньютон (1642—1727 гг.) родился в год смерти Галилея. Он продолжил и развил идеи Галилея, сформулировав три своих закона о движении. Основываясь на них и исходя из законов Кеплера, он сделал вывод, что движение планет происходит под воздействием силы притяжения к Солнцу, и величина этой силы совершенно простым образом определяется расстоянием между планетой и Солнцем. В дополнении к этому он смог продемонстрировать, что та же самая сила гравитации, которая управляет движением Луны и планет, заставляет брошенные материальные объекты падать вниз к центру Земли. Не предложив никакой идеи о механизме этой силы, он заключил, что каждый материальный объект во вселенной притягивается к любому другому объекту при помощи гравитации. (2.10)

Работа Ньютона всегда поражала меня, как одно из наиболее значительных математических достижений всех времен. Ею был заложен фундамент физики на следующие 250 лет, и это при том, что наука продолжала развиваться, в частности были открыты электромагнитные силы. Даже теперь расчеты для большинства практических целей могут быть выполнены на основании теории Ньютона. Один из выводов этой теории заключается в том, что для любого объекта вселенной, местоположение и скорость движения которого в настоящий момент времени известны, можно определить прошлое и будущее состояние. Это означает, что теория Ньютона предполагает детерминированность вселенной. Я в скором времени вернусь к тем сложностям, которые из этого проистекают.

2.3 СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ МИР

> Если вы хотите сделать человека бесполезным глупцом, учите его логике и философии. И если ранее он был пригоден для какого-то дела, то после этого он уже более ни на что не способен, как только болтать глупости.
>
> Роберт Баркли, процитировано Патрицией Уильямс — Patricia Williams 2007 г., стр. 28 (2.11)

Изучая математику в школе, я усвоил, что механика по существу является тем, что было введено еще Ньютоном, не считая некоторого развития используемой математической техники. Мое изучение механики Ньютона достигло наивысшей точки на первом курсе университета,

когда я постиг впечатляющую орбитальную теорию управления движением планет.

Однако мое обширное чтение, начало которому положили те ранние книги «для взрослых» из Южнобережной библиотеки, заставило меня сменить приоритеты — предметом моих честолюбивых желаний стало изучение теории относительности и квантовой механики.

К концу девятнадцатого века общепринято было полагать, что в физике все уже открыто. Однако это был еще не конец, и в начале двадцатого века появилось две новых теории. Теория относительности модифицировала механику Ньютона для условий высоких скоростей и выдвинула ряд странных, очевидно парадоксальных положений в отношении пространства и времени, а также эквивалентности материи и энергии. Квантовая механика трансформировала механику Ньютона для условий сверхкоротких расстояний и породила определенные трудности в понимании природы физической вселенной. Некоторые из них упоминаются в §3.3.

Основываясь на этих теориях и необычайной интенсивности новых открытий, мы теперь имеем теорию космоса, которая является усовершенствованной версией гипотезы, высказанной Артуром Эддингтоном в его Свортморской лекции 1929 г. *«Наука и удивительный мир»*. Его вселенная начинается фактически библейским путем, как пустота, совсем не густо заполненная элементарными частицами, которые затем конденсируются в галактики («островные вселенные»), в свою очередь конденсирующиеся в звезды. Одним из главных достижений Эддингтона за предшествующее десятилетие было его исследование структуры звезд. Он начал разрабатывать идею того, что разогрев звезд осуществляется за счет ядерных сил. В то время считалось признанным, что планетарные системы есть лишь у некоторых звезд, и что их создание — результат «редкого случая».

Артур Эддингтон был выдающимся ученым-физиком того времени, он играл ведущую роль в развитии и признании теории вероятности. Спустя год после своей Свортморской лекции он прочел лекцию, посвященную идее расширения вселенной (A. Vibert Douglas — А. Виберт Дуглас, 1956 г., стр. 54). За несколько лет до этого Альберт Эйнштейн высказал ту же идею в качестве вывода, вытекающего из его общей теории относительности, но, со временем, модифицировал эту теорию, подогнав ее под статичную вселенную. Однако позднее теоретические расчеты показали, что статическая вселенная невозможна. В 1929 г. Эдвин Хаббл обнаружил эффект расширения вселенной. Изучая свет, приходящий от далеких галактик, он обнаружил смещение в красную сторону спектра, показывающее, что эти галактики удаляются от нас, и чем дальше они находятся, тем быстрее удаляются. (2.12) Следовательно, если мы будем двигаться назад во времени, все объекты будут сближаться друг с другом.

В мои студенческие годы еще имели место разногласия по поводу значимости этого наблюдения. Существовала вероятность того, что вселенная началась со стадии огромного сжатия («теория большого взрыва»), но некоторые астрономы находили эту идею непривлекательной и взамен предложили схему непрерывного создания материи, заполняющей образующиеся при расширении вселенной пустоты («устойчивое состояние вселенной»). Ситуация разрешилась в 1962 г., когда было выявлено космическое фоновое излучение, существование которого предсказала теория большого взрыва.

Общепринятой точкой зрения на сегодняшний день является то, что вселенная началась примерно 14 миллиардов лет тому назад со взрыва сильно сжатой субстанции — известного под названием Большого Взрыва. Специфика начального момента заключается в том, что к нему не при-

менимы ныне известные физические законы. Поскольку время и пространство были созданы в данный момент, говорить о том, что было до этого момента, не имеет никакого смысла — как нет смысла в том, чтобы показывать направление юг на Южном полюсе (аналогия используемая Стивеном Хокингом).

С момента создания вселенная расширялась, по-видимому, очень быстро, и в начале, действительно, за очень короткое время. Сейчас разработана четкая теория развития вселенной, начиная с очень непродолжительного момента после Большого Взрыва. (2.13) Спустя несколько минут, материя во вселенной состояла из положительно заряженных ядер водорода и атомов гелия, а также отрицательно заряженных свободно движущихся электронов. Через примерно 400 000 лет большинство свободных электронов оказались привязаны к атомным ядрам, таким образом, сформировались стабильные атомы. (2.14)

Со временем эти атомы, конденсируясь, сформировали галактики, а затем первое поколение звезд. В этих звездах шло образование тяжелых элементов, преимущественно — углерода и кислорода, и, когда звезды в конце своей жизни взрывались, как сверхновые, элементы разносились по всей галактике. Следующее поколение звезд формировалось из материи, включающей некоторые из этих тяжелых элементов, по крайней мере, отдельные планеты нашей солнечной системы сформированы из тяжелых элементов. Солнце и наша Земля сформировались 4,5 миллиарда лет тому назад.

Существующие расстояния и их сравнительные величины трудно постигнуть. Так расстояние от Земли до Солнца составляет примерно 90 миллионов миль, это значит, что солнечное тепло и свет достигают Землю чуть больше чем за 8 мин — то есть Солнце отстоит от нас на расстояние чуть более 8 «световых минут». Ближайшая к нам звезда отдалена от нас на четыре световых года — что в 270 тыс.

раз больше расстояния до Солнца. Диаметр галактики Млечного Пути, к которой мы принадлежим, составляет примерно 100 тыс. световых лет — это примерно в 25 тыс. раз больше расстояния до ближайшей звезды. Наша галактика является частью «локальной группы» галактик — группы с диаметром примерно в 100 раз больше размера Млечного Пути, и ожидается, что Млечный Путь придет в столкновение с нашим ближайшим соседом — галактикой Андромеды — примерно через 3 миллиарда лет. В галактике Млечного Пути примерно 100 миллиардов звезд. Примерно столько же галактик в видимой части вселенной (т. е. той ее части, которую можно обследовать; на сегодня это зона радиусом примерно 47 миллиардов световых лет). (2.15) И мы ничего не знаем о вселенной вне этой зоны — она может быть безграничной и может резко отличаться от той области вселенной, которую мы можем исследовать, но она никаким образом не воздействует на нас.

Но что случилось с Богом? Какое место отведено Богу в этой картине вселенной. «Донаучный» мир видел Бога в качестве творца — инициатора вселенной, чья активность изо дня в день заставляет ее функционировать. Классический научный мир берет начало с тех же основ, однако победа научного метода привела к тому, что стремление понять, как устроен мир, отделилось от стремления узнать, почему он устроен именно таким образом, и попытки понять, какова его цель.

Кажется, что картина космоса, коротко обрисованная выше, не оставляет место для Бога, кроме как в исходной сингулярности Большого Взрыва, с которого все началось. (2.16) Итак, как мы можем теперь, соглашаясь с открытиями современной науки, осознать, что Бог и ныне активен в этом мире?

ГЛАВА 3. ДУХ БОГА В ДЕЙСТВИИ

Физическая вселенная по современным представлениям — это громадный космос, экстремально холодный и совершенно темный за пределами широко разбросанных по нему галактик, летящих обособленно друг от друга. Даже внутри галактик до предела разогретые звезды расположены преимущественно очень далеко друг от друга и эволюционируют крайне медленно. Хореография космического танца полностью определяется законами физики. Если бы нам посчастливилось найти место, где воздух достаточно прозрачен для проходящего света, оттуда ночью мы с изумлением смогли бы взглянуть на панораму космоса, открывающуюся перед нами с нашей планеты Земля через 14 миллиардов лет после того, как все это началось. Наше видение пополняется информацией научных открытий астрономов, использующих современное оборудование, которое ведет свой род от маленького телескопа, впервые направленного в небо Галилеем. Снимки, выполненные космическим телескопом Хаббл, открывают совершенно поразительное зрелище.

Размышление над картиной вселенной может послужить огромным опытом. Даже если мы воспринимаем космос как творение Бога, кажется, что его развитие про-

исходит согласно определенным физическим законам без какой-либо необходимости Божественного вмешательства. В конце предыдущей главы я привел некоторые сведения о размерах космоса, как в пространстве, так и во времени. Вытеснение Земли с позиции центра вселенной, проделанное Коперником, было настолько успешным, что теперь она кажется совершенно несущественной, затерянной в этой бесконечной вселенной.

И все же, эта вселенная — наш дом. Смысл и значимость вселенной может быть за пределами нашего понимания. Но мы способны размышлять о нашем месте в ней и о том, что все это значит. Думать мы можем всегда. И, странным образом, созерцание космоса возвращает нас обратно к очень личному опыту «Присутствия среди нас», который мы получаем на молитвенных собраниях, именно здесь мы находим смысл.

> И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра… И был к нему голос и сказал ему: что ты здесь, Илия?
>
> Третья книга Царств 19:11—13

Этот отрывок показывает, что мы найдем Бога не во всем удивительном величии космоса, а гораздо ближе к нам. Его также процитировал Артур Эддингтон в своей лекции в 1929 г. (стр. 17—18).

3.1 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОГА

Представление о центральном положении Бога, как творца вселенной, продержалось в донаучном мире вплоть до Ньютона. Аристотель считал, что планеты движутся под действием некой «первичной инициирующей силы», а Кеплер — что они движутся с помощью ангелов.

Ньютон рассматривал вселенную, как результат деятельности Бога и полагал, что мы сможем приблизиться к пониманию Бога посредством изучения его деятельности и его слова.

> Эта прекрасная система, включающая Солнце, планеты и кометы могла развиться только по плану и под управлением умного и могущественного Существа. И если неподвижные звезды являются центрами других подобных систем, то и они, будучи созданы по тому же мудрому плану, должны быть все объектами Его власти; особенно потому, что свет фиксированных звезд имеет ту же природу, что и свет Солнца, и из каждой системы свет идет во все другие системы; и чтобы системы фиксированных звезд не могли под воздействием гравитации упасть обоюдно друг на друга, Он расположил их на огромном расстоянии одна от другой.
>
> Isaak Newton 1995, p. 440 (3.1)

> В предметах мы видим только их внешний облик и окраску, мы слышим только их звуки, мы соприкасаемся только с их внешней поверхностью, мы обоняем их запахи и ощущаем их вкус, но их внутренняя сущность непознаваема, как для наших чувств, так и для любого рефлекторного действия нашего разума. Еще меньше представлений мы имеем о сущности Бога. Мы знаем его только по мудрейше-

> му и превосходнейшему устройству вещей и конечным целям его, мы восхищаемся его совершенством; но мы почитаем его и поклоняемся ему, признавая его господство; ибо мы поклоняемся ему, как его слуги; а бог без власти, предвидения и конечной цели есть ничто иное, как Судьба и Природа
>
> Isaak Newton, p. 442

Несмотря на то, что Ньютон придерживался несколько еретических взглядов на религию, он считал Бога всеведущим и всемогущим. (3.2)

Сейчас мы воспринимаем классическую научную модель вселенной, предложенную Ньютоном, как часовой механизм. Но это не являлось точкой зрения самого Ньютона. Он считал, что законы физики созданы Богом, однако он также полагал, что Бог активно вовлечен в работу по обеспечению того, чтобы эти законы выполнялись. «Ничего не делается без беспрестанного управления и контроля со стороны Бога». Более того, Ньютон считал, что время от времени вмешательство со стороны Бога необходимо, например для того, чтобы гарантировать стабильность Солнечной системы.

В девятнадцатом веке Пьеру де Лапласу (1749—1827 гг.) удалось доказать, что Солнечная система способна оставаться стабильной, колеблясь в заданных пределах, то есть вселенная может управляться законами Ньютоновской механики, не требуя божественного вмешательства. Этот период также положил начало разработкам теорий о естественном формировании Солнечной системы. Так развивалась детерминистская точка зрения на вселенную, о которой я уже упомянул. Она была математическим следствием теории динамики Ньютона, которая утверждала, что положение и скорость всех тел во вселенной в любой момент времени определяет их положение во вселенной в любой другой момент времени в прошлом и будущем.

Эта теория не оставляет Богу никаких других способов активности в мире, кроме как верховенства над законами природы. Даже с учетом того, что наши взгляды на законы физики значительно изменились со времен Лапласа, эта дилемма существует и поныне, представляя главным образом интерес для авторов, пишущих в области науки и религии. Конечно, большинству верующих людей не трудно считать, что Бог не ограничен естественными законами вселенной, поскольку «Бог всемогущ». Тем не менее, моей отправной точкой является то, что во вселенной есть порядок. А цель, как науки, так и религии, состоит в том, чтобы понять этот порядок — модель поведения для всего, включая Бога. Если Бог способен действовать, тогда эта модель, природный закон, должна каким-то образом предоставить ему поле для деятельности.

До сих пор я рассматривал только физическую вселенную, не касаясь живых существ, в частности человечества. А для нас даже еще большая дилемма вытекает из концепции детерминированности вселенной: а именно, положение о том, что если она верна, то и наше поведение так же детерминировано. Весь наш опыт говорит о том, что это далеко не так, что мы, конечно же, наделены элементом свободы воли.

Наша способность выбирать, как нам действовать, основывается на морали, которая без свободы выбора теряет всякое значение, и на религиозных представлениях. Таким образом, пытаясь понять, как Бог может действовать в этом мире, я перехожу к рассмотрению вопроса о том, как можем действовать мы — человеческие существа. Какова степень нашей собственной свободы воли? Если детерминированная вселенная не оставляет Богу путей для свободных действий, тогда она, определенно, не предоставляет таких путей и нам.

Итак, прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению вопроса о том, как Бог действует в мире, давайте по-

думаем о наших собственных действиях. Для этого мы должны попытаться понять, как мы пришли к тому, чтобы быть здесь, и рассмотреть вопрос, о месте человечества в мироздании.

3.2 ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

На фоне масштабов вселенной мы кажемся совершенно незначительными. По «донаучной» модели мира мы живем в мире, который был создан, как дом для нас в центре творения. Это утверждение было основой ортодоксальной христианской доктрины. Согласно же современным представлениям о космосе существование человечества является едва ли не случайным событием. Стивен Хокинг сказал, что «человеческая раса это только химическая пена (накипь) на планете средних размеров» (процитировано Полом Дэвисом — Paul Davies, 2006, стр. 251). Это утверждение идет вразрез с представлениями «донаучного» мира и, несомненно, с точкой зрения большинства верующих людей. Возможно ли, что человеческие существа и сама жизнь являются побочными продуктами эволюции вселенной? Ясно, что большая часть вселенной непригодна для жизни. Хорошо известно, что во всей нашей Солнечной системе единственным местом, где жизнь может существовать без искусственной поддержки, является наша Земля, вернее, ее поверхность и прилегающая к ней зона.

Когда Земля сформировалась, а это произошло примерно 4,5 миллиарда лет тому назад, она представляла собой раскаленное тело, чья первичная атмосфера и океаны, по всей вероятности, состояли из метана, аммиака,

воды и двуокиси углерода. На земле бушевали сильнейшие электромагнитные бури, и вулканическая активность была очень высокой. Очевидно, это была среда, непригодная для жизни, в которой человеческие существа, определенно, не смогли бы выжить. Мы еще не поняли, каким образом, но в течение последующих 1,5 миллиардов лет появились самореплицирующиеся молекулы, и с этого момента под давлением процесса возникновения случайных мутаций и естественного отбора началась эволюция более сложных организмов, которая привела к формированию растений, животных и, в итоге, самого человека.

Прошло лишь 150 лет с тех пор, как Чарльз Дарвин опубликовал свою книгу «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь», обнародовав свою теорию естественного отбора. Путь, которым идет эволюция, и который может привести к развитию таких сложных существ, как человек, был прекрасно объяснен Ричардом Докинзом. (3.3) Удивительно, что хотя прошло очень длительное время до появления самореплицирующихся молекул, но как только однажды жизнь зародилась, она вскоре распространилась практически по всей планете, за исключением нескольких совершенно непригодных для нее мест, и смогла пережить несколько глобальных катастроф.

Я познакомился с теорией эволюции еще в детстве благодаря рассказам матери, которая посещала вечерние курсы по генетике. И, может быть поэтому, навсегда принял ее на веру без доказательств и обдумываний отдельных деталей. Моя подготовка к этой лекции помогла мне оценить выдающееся значение этой теории. Возможно, нам трудно представить, как могли спонтанно возникнуть самореплицирующиеся молекулы, и затем как естественный отбор в комбинации со спонтанным мутагенезом мог создать экстремально сложные по структуре и поведению

живые объекты (такие как глаз, функция построения гнезда у птиц или социальная структура колонии пчел). Тем не менее, это становится реально выполнимым, ввиду огромного масштаба задействованного времени. Ричард Докинз — Richard Dawkins (2006 г., глава 6) детально обсуждает некоторые вероятные модели зарождения жизни на Земле. За последние 3 миллиарда лет виды возникали и снова исчезали по мере развития других видов, более приспособленных к изменяющимся со временем условиям обитания. А среда обитания изменяется постоянно в результате естественных физических процессов, таких, например, как остывание земли, или вследствие жизнедеятельности живых существ.

За историю существования нашей планеты случилось несколько катастрофических событий, которые привели к массовому исчезновению видов и, следовательно, к драматическому ускорению эволюции. Наиболее позднее и наиболее известное из них привело к вымиранию динозавров. Оно произошло 65 миллионов лет тому назад и было названо мел-третичным вымиранием. Наиболее вероятной причиной его, по-видимому, было столкновение с Землей астероида, хотя предполагаются и другие возможные причины (см. Михаэль Аллаби и Джеймс Лавлок — Michael Allaby and James Lovelock, 1983). Это вымирание позволило млекопитающим и птицам стать доминирующими среди наземных позвоночных и в итоге открыло дорогу для эволюции человеческих существ. Самое большое вымирание видов произошло примерно 251 миллион лет тому назад на рубеже пермского и триасова периодов, оно известно под названием пермское «великое вымирание». Было уничтожено приблизительно 96% всех морских и 70% всех наземных видов, включая растения, насекомых и позвоночных животных. И оно дало возможность динозаврам в свое время стать доминирующими наземными позвоночными. Таким образом, глобальные катастро-

фы, приводившие к массовому вымиранию видов, были ключевым рычагом эволюции. (3.4)

Живые существа сами влияли на среду своего обитания. Например, богатая кислородом атмосфера, необходимая для нашего выживания, была создана под воздействием целого ряда видов. Человек в свою очередь также изменял окружающую среду, особенно за счет введения земледелия, которое явилось ключевым шагом в нашем развитии. Тем не менее, с приходом индустриальной революции наше воздействие на окружающую природу стало более угрожающим, и его возможные последствия вызывают тревогу. Что более всего поражает, так это гибкость, изворотливость нашей планеты и жизни на ней. В результате нашей деятельности планета может стать непригодной для жизни человека. Но, тем не менее, не похоже, чтобы наша активность смогла сделать ее непригодной для всех форм жизни. Если люди начнут вымирать, другие виды придут и займут наше место. Жизнь проявляет замечательную стойкость.

Трудно представить себе мир другим, нежели он есть. Когда те, кого мы любили, умирают, мы с трудом приспосабливаемся к миру без них. Но мы не должны приспосабливаться к миру, где их никогда не было, и мы можем получать утешение, вспоминая о них. Я полагаю, что все мы теперь свыклись с той мыслью, что само существование нашего индивидуума с его уникальной генетической структурой, происходящей от соединения определенной спермы с определенной яйцеклеткой, — а это почти случайность, — в сущности, результат очень длинной цепи случайностей — уходящих в прошлое к тому моменту, когда жизнь впервые зародилась на земле. Я могу представить себе вселенную, в которой меня нет. На том же основании, если поразмышлять над Дарвиновской теорией эволюции, можно представить себе мир — вселенную, в которой не существует вида *Homo sapience* с его особен-

ной генетической структурой. Более того, можно предположить, что, если 1,5 миллиарда лет прошло прежде, чем жизнь зародилась, то Земля могла бы существовать и 4,5 миллиарда лет без появления на ней жизни. Тем не менее, если продолжить наши рассуждения далее и представить вселенную совсем без жизни, и, в частности — без разумной жизни, то картина получится мрачной. Это как бы лишает вселенную всякого смысла. Если вселенная имеет какой-то смысл и цель, то они, безусловно, должны быть реализованы через живые мыслящие существа. Но тогда живые мыслящие существа могли бы это высказать, не правда ли?

3.3 ПОЧЕМУ ВО ВСЕЛЕННОЙ ЕСТЬ ЖИЗНЬ?

Многие ученые работали над проблемой возникновения жизни во вселенной. По-видимому, жизнь стала возможной только потому, что законы вселенной и ряд природных констант имеют в точности именно ту величину, которую они и имеют. Для примера, есть соотношение между мощностями сил гравитации и электромагнетизма или между массами различных физических тел. Если бы эти константы были другими, то, по всей видимости, галактики и звезды не смогли бы образоваться, и химия вселенной была бы совершенно иной. Принято считать, что для возникновения жизни необходимо, чтобы законы физики привели:

— к образованию таких материальных структур, как галактики и звезды;

— к образованию такого элемента, как углерод, атомы которого способны соединяться с другими атомами в сложные биологические молекулы;

— к появлению таких условий (мест), в которых жизненно важные компоненты могли бы сойтись вместе и имели бы достаточное время для эволюции.

Конечно, можно предположить, что в совершенно другой вселенной может возникнуть жизнь, совершенно отличная от той, которую мы знаем. Тем не менее, жизнь, несомненно, требует образования структур высокой сложности, и трудно себе представить, как они могли бы образоваться другим путем. Физические «законы», необходимые, чтобы все эти события произошли, по-видимому, весьма ограничены. Пол Дэвис называет это «фактором Златовласки» вселенной.

Подобно каше в сказке «Златовласка и три медведя», вселенная оказывается «как раз тем, что нужно» для жизни многими весьма загадочными способами. Нет научного объяснения того, что можно считать законченностью вселенной, разве только что — появление модели, обладающей разумом (Paul Davis — Пол Дэвис 2006 г., стр. 3). (3.5)

Есть и другой элемент тонкой настройки, который связан со вторым законом термодинамики. Вкратце он может быть представлен следующим образом:

> Тепло не может перейти от более холодного тела
> к более горячему
> Вы можете попытаться это проделать, если хотите, но,
> увы, безуспешно
> Температура более холодного тела (охладителя)
> неизбежно повысится,
> А тепло более горячего тела (нагревателя) перейдет
> к охладителю.

Да, вы не можете передать тепло от холодного
к горячему;
Если хотите, попытайтесь, и просто сваляете дурака.
Температура более холодного тела (охладителя)
неизбежно повысится,
И это закон физики!

Михаэль Фландерс и Дональд Сван (3.6)
(Michael Flanders and Donald Swann)
«Первый и второй закон» (1963 г.)

Значение второго закона заключается в том, что он дает направление времени. Законы физики, введенные Ньютоном и Эйнштейном, в этом отношении симметричны во времени и не делают различия между движением во времени вперед или назад. Тем не менее, наш каждодневный опыт свидетельствует о наличии громадной разницы. Если смотреть фильм в обратном направлении, то увидишь много несуразного, неправильного. И дело не только в том, что люди движутся странным образом задом наперед (небольшая тренировка позволит нам это проделать), а в том, что мы наблюдаем восстановление порядка из хаоса: расплесканная вода возвращается обратно в стакан, осколки разбитой тарелки собираются в целую не разбитую тарелку. Когда я был ребенком, играя в йо-йо, я разбил висящую на стене тарелку, расписанную моей тетушкой Амандой. Моя матушка потратила уйму времени, чтобы подогнать отдельные обломки друг к другу, но собранная тарелка уже никогда не стала прежней. Теперь она висит у нас в холле и служит напоминанием о том, что глупо играть в йо-йо в доме (я больше этого никогда себе не позволял, хотя и делал другие глупые поступки). Как часто мы хотели бы повернуть время вспять, чтобы исправить упущенное: «сделать то, что следовало бы сделать, и не делать того, что делать не следовало» (из «Общей исповеди» в «Книге общей молитвы»). Тем не менее, время идет только в одном направлении, и ничего нельзя вернуть назад.

Направление времени обуславливается так называемой энтропией, которую можно понимать, как уровень беспорядочности системы. Повышение упорядоченности системы ведет к уменьшению энтропии, в то время как увеличение беспорядочности приводит к увеличению энтропии. (3.7) Второй закон термодинамики гласит, что энтропия замкнутой системы никогда не уменьшается, или, что равнозначно, повышение упорядоченности само по себе, без внешнего вмешательства невозможно. Фактически, согласно этому закону любая система движется к состоянию максимальной энтропии (беспорядочности), что иногда называют тепловым равновесием. Для примера, если вы достанете буханку хлеба из печи и оставите ее на кухонном столе, со временем хлеб остынет до температуры в кухне, а температура в самой кухне чуть-чуть поднимется, если, конечно, она лучше изолирована, чем наша кухня: «Тепло более горячего тела (нагревателя) перейдет к охладителю». Чтобы какие-то изменения произошли, вам необходимо начинать с того состояния, в котором энтропия меньше максимальной. Термически изолированная емкость, наполненная водой той же температуры, продержится в неизменном состоянии вечно.

После Большого Взрыва материя и энергия во вселенной распространялись с поразительной согласованностью, так что совокупная энтропия вселенной была экстремально низкой. Это действительно один из наиболее впечатляющих аспектов тонкой настройки ранней вселенной. (3.8) С тех пор энтропия вселенной неуклонно увеличивалась: образование галактик и звезд, ядерные реакции в звездах, взрывы сверхновых звезд, образование Земли, остывание Земли и как следствие этого землетрясения и извержения вулканов — все это показатели возрастающей энтропии.

Теперь перед читателем встает вопрос: как мы, и более того, как все живые существа встроены во все это. Ведь

мы — существа с поразительно упорядоченной сложностью. Мы же функционируем только благодаря тому, с какой изумительно искусной слаженностью действуют наши компоненты. Как мы могли появиться в этой вселенной, которая обречена на вечное разрушение? А дело в том, что, хотя совокупная энтропия системы увеличивается (если эта система, как наша вселенная, далека от равновесия), в какой-то части системы энтропия может уменьшаться, то есть, другими словами, в этой части системы может возрастать упорядоченность.

Это происходит тогда, когда тепло передается от горячего объекта к охлаждающему объекту, подобно тому, как оно переходит от буханки хлеба к кухне. Энтропия горячей буханки хлеба уменьшается по мере того, как она охлаждается, а энтропия охлаждающей кухни увеличивается, по мере того, как в ней теплеет. Тем не менее, увеличение энтропии охлаждающего объекта больше, чем уменьшение энтропии горячего объекта, так что, согласно второму закону, в итоге происходит увеличение энтропии. (3.9) Я был поражен докладом Роджера Пенроуза о важности Солнца для нашего выживания. Истинное назначение Солнца заключается не в том, что оно дает свет и тепло, а в том, что оно является первичным источником низкой энтропии. Земля излучает, более или менее, такое же количество энергии, которое она получает от Солнца, но излучаемая ей энергия имеет намного более высокую энтропию, потому что Земля холоднее Солнца. Растения могут использовать энергию с низкой энтропией в фотосинтезе, таким образом, понижая свою энтропию. Мы, в свою очередь, поедаем растения или животных, которые питались растениями, и вдыхаем кислород, выделенный растениями, и, благодаря этому, понижаем нашу энтропию (Роджер Пенроуз — Roger Penrose, 2004, стр. 705).

Один возможный ответ на вопрос, почему вселенная так тонко и точно отрегулирована, что в ней может быть

жизнь, так это — для того, чтобы в ней были живые разумные существа, которые задали бы этот вопрос. Вселенная тонко отрегулирована именно таким образом, потому что иначе живые разумные существа не могли бы существовать. Иногда это называется «антропологическим принципом», и, в сущности, он бесполезен. (3.10) Само собой разумеется, что мы находим себя живущими во вселенной, в которой возможно существование разумных существ, но это никак не объясняет того, почему такая вселенная существует.

Некоторые расценивают тонкую настройку вселенной, как свидетельство того, что она была спроектирована для жизни творцом Богом (например, см. Джон Леннокс — John Lennox, 2007 г., глава 4). Это интерпретация теории разумного замысла, которая несколько отличается от версии религиозных фундаменталистов, предпочитающих изучать разумный замысел параллельно или вместо теории эволюции под действием естественного отбора Дарвина. Исходя из теории разумного замысла в ее экстремальной форме, библейские мифы преподносятся как история, и по ним даже было вычислено, что сотворение мира произошло 23 октября 4004 г. до нашей эры в 9 часов утра. (3.11) Тем не менее, представление о том, что именно Бог тонко настроил законы вселенной, совпадает с точкой зрения на Бога Ньютона, выраженной в первой из цитат, приведенных в §3.1.

Мне действительно трудно думать о Боге, как о создателе, именно в этом ключе. Давайте проследим, как развивались эти идеи. От стартовой точки, когда сотворение и функционирование вселенной целиком считались происходящими под действием Бога. Затем — к тому состоянию, когда научные изыскания сначала заменили непосредственное участие Бога в процессе движения вселенной научными законами, но потом открыли, что эти законы настолько совершенны (так тонко и точно отрегулированы),

что они просто должны были быть разработаны Творцом, что означало возврат обратно к тому, с чего рассуждение началось.

Бог, которого я познаю на углубленном молитвенном собрании, есть часть вселенной, выражение сути вселенной, ее важнейшая и естественная часть. Я не разделяю ту точку зрения, что Бог существует вне вселенной, воздействует на нее извне. Это похоже на то, как если бы попросить действующее лицо пьесы или романа понять концепцию автора. Конечно, есть пьесы и романы, в которых герои обращаются к автору, но с моей точки зрения, это только подтверждает абсурдность такой идеи.

Я вернусь к идее Божественного намерения и нашего восприятия его в следующей главе. Сначала я рассмотрю связанный с этим вопрос о существовании разумной формы жизни, которая наделена способностью принимать решение.

Пытаясь объяснить очевидно тонкую настройку вселенной, некоторые ученые выдвинули идею множественной вселенной, в которой существуют все возможные типы вселенных и мы (конечно) находимся в той, которая прекрасно приспособлена для жизни. (3.12) Это положение не полностью снимает нашу неудовлетворенность, так как из него вытекает, что существует огромное множество мрачных безжизненных миров. Утверждение, что Земля — это единственная планета, на которой эволюционировала разумная жизнь, если принять во внимание безбрежные размеры вселенной, почти также мрачна. Основные свойства жизни на Земле — значительная выносливость и плодовитость — могут, без сомнения, проявляться и в других местах. Тем не менее, различные исследователи на основании проведенных ими расчетов вероятности эволюции разумной жизни заключили, что «маловероятно, что это событие произошло на какой-либо другой планете, находящейся в пределах обозримой части вселенной» (Джон

Барроу и Фрэнк Типлер — John Barrow and Frank Tipler, 1986 г., стр. 133). (3.13)

Другие ученые пошли по пути исследования взаимодействий между элементами тонкой подгонки в надежде показать, что для того, чтобы законы физики согласовались между собой, существует только один путь, которым может следовать вселенная. Если бы это было действительно так, то на завершающем этапе развития вселенная должна стать точно подогнанной для жизни, потому что другого пути у нее не было. Такой подход полностью удовлетворил бы математиков.

Из данного направления логически вытекает предположение о необходимости наличия разумной жизни (или наблюдателей) для функционирования вселенной. (3.14) Аргументация в пользу этого предположения исходит из природы квантовой механики, где наделенный разумом наблюдатель может играть особую роль. Квантовая механика делает огромные успехи, но это очень загадочная теория, которая, на первый взгляд, отвергает обыденную физическую реальность. Большинство современных технологий основывается на ней. Ричард Фейнмен, один из выдающихся специалистов в этой области, писал в 1967 г.: «Я думаю, я могу это сказать с полным основанием, что никто до конца не понимает квантовой механики». Это не место, где нужно вдаваться в детали проблемы, даже если бы я был вполне компетентен для этого. Тем не менее, кое-что сказать по этому поводу мне следует.

Возьмем для примера электрон, в квантовой механике он считается не только частицей или только волной, но представляется в виде волновой функции, которая является абстрактной математической концепцией. Изменение этой волновой функции во времени полностью детерминировано и определяется уравнением Шрёдингера. В конце 1920-х гг. Нильс Бор и Вернер Гейзенберг сформулировали Копенгагенскую интерпретацию квантовой

механики, которая является наиболее общепринятой интерпретацией квантовой механики. Согласно ей часть информации этой волновой функции определяет вероятность нахождения электрона в любой данной точке во время проведения измерения. (3.15) Обычно имеется некоторое ограниченное пространство, в котором наиболее вероятно нахождение электрона. При проведении измерения электрон обнаруживается в некотором особом (специфическом) месте. Само по себе проведение измерения вызывает «коллапс» волновой функции, мгновенный переход в особое состояние, которое соответствует нахождению электрона именно в том месте, где он был найден в момент проведения наблюдения.

Тем не менее, другим аспектом Копенгагенской интерпретации является принцип неопределенности Гейзенберга. Согласно ему, чем более точно вы определяете место нахождения электрона, тем менее точно вы можете определить его скорость: невозможно — не только практически, но и теоретически — определить одновременно и место нахождения и скорость с совершенной точностью. Если вы знаете, где он, вы не будете знать, куда он движется! Это можно представить себе, например, таким образом, что сам по себе акт определения места нахождения электрона нарушает его скорость. Не существует полного согласия о том, что же составляет «наблюдателя», однако представляется, что это понятие включает в себя сознание.

Истоки квантовой механики лежат в изучении сверхмалого, на уровне атомов и элементарных частиц. Тем не менее, согласно этой теории все может быть представлено на уровне волновой функции, но для больших объектов величина неопределенности в местонахождении и скорости обычно очень мала в сравнении с размером объекта. Несмотря на это, согласно Копенгагенской интерпретации свойства всех объектов «создаются» наблюдением за ними.

Я еще вернусь к вопросу о том, как мы изучаем окружающую вселенную (§5.1). В данный момент моя цель — подвести итог сказанному. Несмотря на то, что мы, по-видимому, должны отказаться от идеи создания Богом вселенной в качестве обители для человечества, и, хотя человечество, да и вся Земля невероятно мизерны в космических масштабах, кажется неоспоримым наличие связи между точно детализированными законами природы и существованием разумной формы жизни. Наше место во вселенной остается загадкой.

3.4 ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Исторически сложилось представление о человеке, как о ком-то ином, отличном по своей природе от других живых существ. Так, например, Рене Декарт (1596—1650 гг.) в своем трактате «Рассуждение о методе» (1985 г., стр. 139) воспринимал животных в качестве биологических механизмов, созданных Богом, но лишенных разума или свободы воли. Человеческие существа отличаются тем, что они с помощью слов общаются между собой, могут размышлять и обладают интеллектом. По Декарту люди также являются биологическими механизмами. Но вдобавок они обладают специально созданной, совершенно иной субстанцией нежели тело — бессмертной разумной душой, наделенной свободой действия и способной взаимодействовать с телом и контролировать его. Декарт даже указал на соответствующее место в мозге — шишковидную железу, где происходит это взаимодействие, см., например, в его работе «Страсти души» (1985 г., стр. 340). Пред-

ставление о том, что «душа», или «разум», или «сознание» отделены от мозга, известно под названием дуализм. Есть реальные трудности в понимании того, как разум может взаимодействовать с мозгом и, более того, направлять его. (3.16) Тем не менее, эта идея продолжает существовать и занимать сильные позиции в религиозном мышлении.

В своей Свортморской лекции Артур Эддингтон выступил в поддержку дуализма и не принял всерьез предположение о том, что «колебания атомов в мозге может действительно составлять мысль» (Артур С. Эддингтон — Arthur S. Eddington 1929 г., стр. 19). Невролог Джон Экклс в своей лекции, посвященной памяти Эддингтона (я слушал ее, будучи студентом Кембриджа), пришел к тому же заключению (Джон Экклс — John Eccles 1965, стр. 42). Тем не менее, я нахожу дуалистическую точку зрения неудовлетворительной, частично — из-за трудности объяснения, как разум и мозг могут взаимодействовать, если они отдельные объекты, и частично — из-за трудности понимания, как такой разум мог появиться в результате эволюции. Я предпочитаю материалистическую концепцию, а именно, что разум каким-то образом генерируется активностью человеческого мозга. Выдающимся сторонником этой точки зрения является Дэниел Деннет.

Человеческий мозг — сверхсложная комплексная система. Количество нейронов в человеческом мозге, например, соизмеримо с количеством звезд Млечного пути — примерно 100 миллиардов, в то время, как у собирающей мед пчелы их один миллион, а у примитивного червя их 300. Каждый нейрон человеческого мозга имеет примерно 2000 синапсов (соединений с другими нейронами), т.е. количество синапсов в каждом человеческом мозге достигает 100 тысяч миллиардов. (3.17) Представляется вероятным, что в результате такого усложнения может возникнуть сознание. И действительно, Дуглас Хофштадтер — Douglas Hofstadter (2007 г.) утверждал, что ощущение ин-

дивидуальности, а также сознание есть неизбежное следствие сложной деятельности нашего мозга, систематизирующего наше восприятие окружающего мира.

В этом месте есть некоторое противоречие. Я принимаю точку зрения Джона Сёрля, что «сознание является ординарным биологическим феноменом сравнимым с ростом, перевариванием пищи, или секрецией желчи... Мозг является таким же органом, как любой другой; это органический механизм. Сознание является результатом процессов более низкого уровня, происходящих в нейронах мозга, и само по себе является функцией мозга» (Джон Р. Сёрль — John R. Searle 1997, стр. 6 и 17). (3.18) Тем не менее, по-видимому, наша обычная модель единичного «потока сознания», происходящего линейно во времени, является большим упрощением, даже несмотря на то, что большую часть времени мы ее ощущаем именно так. Кажется неоспоримым, что наш мозг оперирует, как параллельный процессор с чрезвычайно сложной сетью соединенных между собой нитей, по которым проходят «мысли», большинство из них — в нашем подсознании. Так, пока я писал этот текст и был сконцентрирован на подборе слов, я одновременно воспринимал солнце в саду, еду, которую я принялся готовить несколько минут назад, математическую проблему, которую я разрабатываю, а также, без сомнения, много других различных вещей; в определенный момент любая из них может стать превалирующей и потребовать внимания.

Дэниел Деннет рассматривает, как сознание могло эволюционировать (Daniel Dannett 1993 г., глава 7). Он обсуждает, как эволюция смогла сначала привести к «жесткой проводке» — к безвариантной строгой работе мозга, которая позволяет живым существам выполнять удивительно сложные действия, такие как постройка гнезда или плетение паутины. Затем в ходе эволюции мозг становился пластичным, позволяя получать все большее количество

элементов обучения от проведенных экспериментов. Многие живые существа рождаются в полной готовности для независимой жизни — они могут не иметь никакого контакта со своими родителями. Тем не менее, большая зависимость человеческих детенышей от взрослых особей является решающим моментом в их социальном развитии: им необходимо жить рядом со своими родителями (или кем-то из взрослых) в течение нескольких лет. Таким образом, отсутствие «жесткой проводки» в человеческом мозге очень полезно, даже не смотря на то, что это на некоторое время вызывает определенную уязвимость людей. Дэниел Деннет предполагает, что человеческий мозг, этот «экстремально сложный мозговой комплекс с непревзойденной пластичностью», возник в результате эволюции уже примерно 150 тысяч лет тому назад.

Ключевым фактором в эволюции человека является развитие языка, которое происходило параллельно развитию социальных взаимоотношений и культуры.

Письменность появилась в обиходе только 5 или 6 тысяч лет тому назад, но с каких времен берет начало разговорная речь, не известно. Робинс Берлинг считает, что эволюция способности объясняться с помощью языка могла занять несколько миллионов лет (2005 г, стр. 150—151). Он связывает резкое увеличение мозга, которое началось у *Homo erectus* (человека прямоходящего) 2 миллиона лет тому назад, с развитием языка и социальных навыков. Дэниел Деннет (1993 г., стр. 189—190), напротив, полагает, что язык сформировался уже после того, как человеческий мозг эволюционировал, и что значительное развитие умственных способностей человека произошло за последние 10 тысяч лет. Крис Госден считает значимым произошедший примерно 40 тысяч лет тому назад взлет человеческой символики — наскальной живописи, вырезания фигур и появление предметов декора (Chris Gosden 2003 г., стр. 118). По наиболее распространенной точке зрения

устная речь существует на протяжении примерно 50 тысяч лет, и общепринято мнение о том, что речевая способность жестко вписана в человеческий мозг.

Определенный уровень сознания есть и у других существ. Нет четкой разграничительной линии между существами, наделенными сознанием и не наделенными им. Человеческие особи отличаются главным образом уровнем своего сознания и, в частности, самосознанием или осознанием собственного Я. К тому же, использование языка кардинально усилило работу нашего мозга, что позволило ему осуществить грандиозное социальное развитие.

Так же как индивидуальное сознание, групповой интеллект и групповое сознание очень важны в том случае, когда взаимосвязь между членами группы приводит к поведению и знанию, которые могут быть выражены только участием всей группы. Мы осознаем это, когда наблюдаем за скоплением птиц, летящих в небе, которые движутся как единый организм, или за поведением пчелиного роя, или за муравейником. Люди также демонстрируют поведение толпы, особенно в ситуациях большого скопления народа, например во время спортивных мероприятий, когда поведение отдельного индивидуума модифицируется под воздействием его общности с группой. Тем не менее, наша эмфаза (упор, ударение) на индивидуальность требует усиленной планомерной работы для того, чтобы развить групповое поведение, скажем, при репетиции музыкальной или театральной постановки или на тренировке игровой команды. Молитвенное собрание — это групповая активность, в ходе проведения которой мы обнаруживаем, что наше индивидуальное знание модифицируется под воздействием группового поведения. Эффективное участие развивается с практикой.

3.5 КАК ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВУЕТ В ЭТОМ МИРЕ

Так что же такое свобода воли? Возможно ли это — вообразить себе сознание и самосознание без свободы воли? И действительно, Дэниел Деннет и Дуглас Хофштадтер оба полагают, что свобода воли или иллюзорна, или же совершенно бесполезна. Тем не менее, как я уже заметил выше, реальность свободы воли очень важна для нас, так как она с необходимостью должна присутствовать, если мы действительно реально сами принимаем решения, и, соответственно, если мораль действительно имеет какое-то значение. Рассмотрение философами понятия свободы воли даже более рискованно, чем изучение сознания. При подготовке к этой лекции я обнаружил, что невозможно с легкостью пройти эту тему из-за тех трудностей, с которыми я столкнулся в понимании опубликованного материала. Наиболее полезной книгой, которую я нашел, является «Современное введение в понятие свободной воли» Роберта Кейна (Robert Kane, 2005).

Основная проблема заключается в следующем. Если вселенная детерминирована, из этого следует, что каждое событие определено предыдущими событиями. Таким образом, каждое событие является неизбежным. Из этого следует, что, если человеческое сознание определяется деятельностью нашего мозга, то даже наши мысли детерминированы и, таким образом, любой выбор, который мы делаем, детерминирован, хотя и может показаться, что мы сделали этот выбор свободно. С другой стороны, даже если вселенная не полностью детерминирована, и имеется некоторый элемент случайности, такой например, как в Копенгагенской интерпретации квантовой механики, то-

гда, в определенной степени, этот элемент случайности распространяется и на наше сознание, и наш выбор детерминирован этой случайностью.

Это трудно увязать с нашим ощущением того, что мы действительно все время фактически делаем какой-либо выбор. И, тем не менее, удивительно узнать, что по этому поводу говорят философы. Роберт Кейн объясняет, что «в современной философии возрастает популярность доктрины «совместимости», которая отрицает, что есть противоречие между детерминизмом и свободной волей (2005 г., стр. 12). Данный подход требует от нас делать различие между свободой действия и свободой принятия решения. Свобода воли идентифицируется со свободой действия, что означает, что нет ограничений, препятствующих мне делать то, что я хочу делать. Тем не менее, выбор, который мы делаем, детерминирован прошедшими событиями, в том числе предшествующими состояниями нашего мозга; и решение, которое мы принимаем, является кульминацией последовательности произошедших событий, включая наши мысли. Однако есть реальные решения, за которые мы должны нести ответственность, даже несмотря на то, что детерминизм подразумевает, что возможно лишь одно единственное будущее.

Я полагаю, это очень перспективный подход. Если бы мы могли охватить взглядом всю картину, то смогли бы увидеть, что будущее детерминировано (четко предопределено). Но нам, как участникам действия, знать это невозможно, и мы ограниченно видим то, что считаем истинным выбором. Примерно так же персонажу романа, с которым мы, читая роман, отождествляем себя, может показаться, что он совершает истинный выбор. Эта точка зрения, кажется, подводит к тому же выводу, что свобода воли — лишь иллюзия, но я подозреваю, что ее сторонники с этим бы не согласились. Они могут возразить, что наш опыт свободы воли требует

считаться с последствиями наших действий и отвечать за них.

В идее «совместимости» есть зерно истины — так мы все больше узнаем о том, как наши решения зависят от совокупности наших генов и воспитания, с их помощью формируются мысли нашего подсознания. Мы никогда не можем быть уверены, что полностью контролируем ситуацию. Есть странная взаимосвязь между временем и сознанием. Так, например, наша память может неправильно воспроизводить порядок произошедших событий, а действия, которые, как мы полагаем, мы желали бы совершить, могли иметь место прежде, чем наше сознание совершило их выбор. Это означает, что решение могло быть принято неосознанно, и наше убеждение, что решение принято осознанно, является иллюзией (см. Роджер Пенроуз 1989 г., стр. 568 и далее).

Тем не менее, установки детерминизма, по-видимому, не оставляют места для человеческого творчества. Невозможно представить себе, что все создания человеческого ума и духа или уже существовали в зачатке во вселенной с ее начала, или же, напротив, являются результатом случая. Возникновение комплексных структур, жизни и разумных организмов, скорее всего, было неизбежным. Точная же форма этих структур и живых организмов стала, вероятно, хотя бы отчасти, результатом случая. Так, хотя я могу находить красоту в изображении колец Сатурна, в очертании гор или пении птиц, их точная форма, тем не менее, не имеет особого значения. Мы можем восхищаться тем, что эти создания возникли, произошли от Большого Взрыва, но мы также, по-видимому, можем признать, что их создало сочетание детерминизма и случая. Они представляют собой часть «фундаментального искусства», и наше распознавание их красоты уже является творческим актом. С другой стороны, высочайший полет творчества, как, например, создание струнных квартетов

Бетховена, кажется, обретает новое значение. Говорят, что Бетховен агонизировал над каждой нотой, прежде чем включить ее в свое произведение. Переходя от возвышенного к смешному, должен заметить, что даже в этой Сворт-морской лекции есть кое-что новое, и я осуществлял постоянный выбор относительно того, что включить в нее, и какие слова использовать. Именно свобода воли допускает такой род творчества.

На первый взгляд может показаться, что дуализм способен разрешить эту проблему: мой разум (или душа, реальное «я», что-то, воспринимаемое отдельно от тела) действует как агент, контролирующий мое тело примерно так же, как марионетку, предположительно используя некий элемент неопределенности в физическом мире. Я решаю поднять руку, и я действительно поднимаю руку, а мой мозг играет при этом роль некой струны между моим разумом и моей рукой. Тем не менее, из этого вытекает проблема, которую сложности понимания детерминизма и случайности отбрасывают назад к поведению моего разума: детерминированы ли действия моего разума моими собственными предшествовавшими ментальными состояниями, или в том, что делает мой разум, присутствует элемент случайности. Нет ясности в том, как свобода воли, реальное «я», может находиться в отдельном разуме; и не более понятно, как она может находиться в разуме, детерминированном мозгом. Так же нет определения тому, что именно означает сам по себе «разум», отделенный от «мозга».

3.6 ОБЪЯСНЕНИЕ СВОБОДНОЙ ВОЛИ

Ученые начинают искать возможные способы осуществления свободной воли, совместимые с современными научными представлениями. Я уже упоминал о вероятностных аспектах квантовой механики: элементарные частицы представляются «волновой функцией», которая при наблюдении за частицей определяет возможность получения различных результатов. Это означает, что при проведении наблюдения результат бывает заранее неопределенным и, соответственно, может вносить элемент случайности в развитие вселенной. Роджер Пенроуз (Roger Penrose) предположил, что есть некоторая процедура, которая определяет результат наблюдения таким образом, что результат фактически не является случайным (1989 г., стр. 558 и стр. 577—578). По его представлениям это могло бы разрешить главные трудности в примирении теории относительности и квантовой механики. Он предположил, что, как только [эта процедура] на самом деле будет найдена, станет возможным объяснить феномен сознания в ее терминах.

Другой подход к проблеме осуществления свободы воли предлагает Джон Полкинхорн (John Polkinghorne). Его лекции по квантовой механике я посещал, будучи студентом. С тех пор он стал англиканским священнослужителем и плодовитым писателем в области науки и религии, в обеих сферах придерживаясь традиционной теологической точки зрения. Он исследует вопрос, как человек и Бог могут быть свободными в действии, но отклоняет предположение, что неопределенность в квантовой механике может обуславливать механизм для свободы действия (см. в качестве примера Джон Полкинхорн 2005 г., стр. 34).

Взамен он предлагает следующее: «Конгломерат, состоящий из отдельных случайных событий, на более высоком уровне представляет собой уже высоко прогнозируемую структуру». Это положение, видимо, основано на том факте, что более крупные объекты обычно действительно ведут себя детерминистическим способом.

Альтернатива утверждению Джона Полкинхорна заключается в следующем: «комплексные динамические системы обладают тонкими нюансами поведения». Важно понять, что есть реальное различие между детерминированным поведением и поведением предсказуемым. Когда мы бросаем монету, результат, по-видимому, *детерминирован (определен)* той силой и углом щелчка, которые мы придаем монете, а также высотой, с которой ей предстоит падать, и, возможно, током воздуха вокруг монеты — но он не является предсказуемым. Фактически это отсутствие предсказуемости остается обычным явлением. Исторически физика была сосредоточена на изучении простых предсказуемых систем, таких как вращение планет вокруг звезд (взаимодействие двух тел) или качание маятника. Они предсказуемы, так как незначительное изменение в состоянии системы вызывает незначительные изменения в ее поведении. Тем не менее, большинство систем действуют не так. Если вы рассмотрите вращение двух планет вокруг звезды (трехкомпонентная система) или движение двойного маятника, то в этом случае поведение может стать совершенно непредсказуемым, потому что даже очень маленькое изменение в состоянии системы может вызвать кардинальные изменения в ее поведении. А так как мы можем определить состояние системы только приблизительно, то мы не можем даже приблизительно предсказать ее будущее поведение. Это иногда называют «эффектом бабочки». Он заключается в том, что волнение воздуха, вызванное бабочкой, на одной стороне планеты может через некоторое время повлиять на погоду на дру-

гой стороне планеты. Потому что погода не является простой системой, и небольшие изменения в состоянии системы (вызванные взмахами крыльев бабочки) могут позже, при будущем развитии системы привести к большим изменениям.

Этот пример может ввести в заблуждение, поскольку все мы знаем, что погода непредсказуема, так как земная атмосфера — очень сложная система. На самом деле, очень простые математические системы могут обусловливать в значительной мере непредсказуемое или «хаотичное» поведение. Это означает, что хотя система может быть, в принципе, детерминированной, предсказать будущее системы, даже приблизительно, не представляется возможным. Проблема в том, что, во-первых, невозможно с полной точностью определить состояние системы в данный момент, а, во-вторых, что любая система, в принципе, находится под влиянием всех остальных объектов обозреваемой вселенной. (3.19) Джон Полкинхорн полагает, что «если вы реалист и верите… что то, что мы знаем… и что есть на самом деле… очень близко соотносится друг с другом, то будет естественно интерпретировать такое состояние дел, как отражение существенной открытости в поведении этих систем» (2005 г., стр. 35). Он полагает, что данная открытость обеспечивает гибкость системы, необходимую для «целенаправленных действий Бога в этом мире».

Эта открытость не означает полного беспорядка. За последние 40 лет или около того математики открыли, что такие хаотичные системы могут проявлять модели поведения, поддающиеся изучению. Определить эти модели можно только на основании изучения не одной только, а всего комплекса вероятностей поведения системы. Джеймс Глейк (James Gleick) дает вполне читабельный отчет по этому вопросу с математическими выкладками и областью применения в своей книге «*Хаос: создание новой науки* (1987 г.).

Другой взгляд на эту проблему был у квакера ученого Джорджа Эллиса (George Ellis). (3.20) По его мнению ключевой идеей здесь является иерархия сложности структуры.

Позвольте мне кратко обозначить суть вопроса. Мы иногда воображаем, что для того, чтобы что-то понять правильно, нужно обследовать его составляющие. Этот метод называется редукционизмом. Однако он очень часто не действенен, поскольку как только мы начинаем рассматривать составляющие компоненты, исчезает смысл. Например, если вы примените редукционизм к отдельной части музыкального произведения, музыка исчезнет. Данная нота может быть прекрасной, но это только одна часть музыки. Сама музыка возникает только во взаимосвязи нот. Фактически есть целая структурная иерархия. Отдельные ноты образуют аккорды, мелодии и ритмы, и структура музыки рождается во взаимоотношении между ними. И в конечном итоге «смысл» музыки (все, что она может означать) ложится в контексте целого ряда совместных музыкальных переживаний между композитором и слушателем.

Может быть, эта идея станет более очевидной, если рассмотреть ее на примере языка, так как концепция значения для него является основополагающей. В чем заключается значение отрывка прозы? Каждое слово имеет значение, но часто их несколько, и требуется осмыслить фразу целиком, чтобы выбрать подходящее. Бывает, что и само предложение требует осмысления целого параграфа — а тот в свою очередь может зависеть от всего документа и даже, как и в случае с музыкой, от целого ряда совместных взаимоотношений между писателем и читателем.

Подобным же образом мы можем изучать мир вокруг нас на различном уровне (обсуждение этой темы см. у Джорджа Эллиса — 2008 г., глава 3). Например, в случае

изучения поведения человека низшим уровнем из всех возможных будет атомная физика, которая изучает частицы, составляющие атом. Примерами более высокого уровня являются химия (изучает молекулы), биология (клетки и живые организмы), затем физиология (разум) и социология (сообщества). Исходя из теории редукционизма, поведение на каждом уровне обусловлено поведением на более низком уровне, так что в итоге все начинается с самого низкого уровня; «восходящий тип причинно-следственных отношений и только он». Джордж Эллис настаивает, что есть также «нисходящий тип действия в этой структурной иерархии: верхние уровни влияют на то, что происходит на более низких уровнях. Они это делают *inter allia*[1], создавая среду, в которой происходит активность более низкого уровня, и, таким образом, стимулируют интеграцию функций более низких уровней, создавая функции более высокого уровня». Затем, чтобы наглядно проиллюстрировать это, он приводит примеры человеческих действий: каким образом наш мозг «способен координировать активность многих миллионов электронов и протонов так, чтобы по моему желанию заставить руку двигаться». Свойства системы, которые не могут быть сведены до более низкого уровня, называются «возникающими (производными)».

Я не буду утверждать, что все это досконально понял. Тем не менее, для меня был полезен сам подход к теме. Он не устраняет проблемы детерминации источников свободы в разумном сознании, поскольку «должна быть некая вариативность в причинно-следственном порядке — так сказать, спад в основании, чтобы событие не являлось причинно сверх-детерминированным» (Нанси Мёрфи и Джордж Эллис 1996 г., стр. 36). Обнаружение этой вариативности причинно-следственного порядка в неопреде-

---

[1] *(лат.)* между прочим,

ленности квантовой механики может быть неудовлетворительным, как я уже говорил. И все же, как указал Кит Уорд (Keith Ward — 2006 г., стр. 94), квантовая неопределенность демонстрирует то, что нет научного барьера для неопределенности на каждодневном уровне. «Раз твердая рука детерминизма слабеет на квантовом уровне, мы можем быть более открытыми для тех возможностей макроскопической вселенной, которые не ограничены детерминизмом».

Роберт Кейн обращается к чему-то, называемому «реально существующим или глубинным *Я*, с которым люди отождествляются, или которому они преданны всем сердцем», и, как считают некоторые философы, это «не может... быть полностью определено чем-то, находящимся вне или за пределами вашей собственной сущности (личности, *Я* или эго). Вы сами должны быть в некоторой степени ответственны за то, какой вы есть (Роберт Кейн 2005 г., стр. 172—173). Данная идея согласуется с подходом Джорджа Эллиса, но оставляет невыясненной проблему механизма свободы воли.

Это крайне сложная область. На первый взгляд, все просто. Я осознаю, что на решение, которое я принимаю, сильно влияют, а порой даже его определяют моя натура, мое воспитание, а часто и воздействия, мной не осознанные. Тем не менее, я остаюсь убежденным, что имею некоторый выбор, в частности моральный или творческий, и что, в итоге, я отвечаю за свои решения. Мы, по-видимому, можем сказать, что элемент свободы воли является производным свойством нашего разума. Тем не менее, как только мы начинаем поиск механизма для этой производной способности, то сталкиваемся с серьезными трудностями. Несмотря на это, в качестве упоминания в этой лекции я допускаю, что такой выбор действительно есть.

Я сам для себя непостижим.

Заключительные слова Майкла Типпета
Видение Святого Августина

В конце очень сложного музыкального фрагмента, хор в унисон просто проговаривает эти слова.

ГЛАВА 4. ЗАМЫСЛЫ БОГА

Современная научная мысль, кажется, не способна заниматься вопросами значения и цели, хотя именно эти вопросы первыми приходят в голову, когда мы начинаем думать о жизни во вселенной. Чтобы понять, что же такое разум и свобода воли, необходимо идти по пути исследования высших уровней сложности, определенных Джорджем Эллисом. Если мы не можем понять, как способны действовать мы сами, то, по-видимому, у нас мало шансов понять и действия Бога.

Интересное развитие подход Джорджа Эллиса получил в работе Кена Уилбера (Ken Wilber). Представление о ней я получил из квакерской теологической книги Патриши Уильямс: «Квакерство: теология для нашего времени» (2007 г.)[1]. Кен Уилбер рисует перед нами «огромное гнездо бытия» в виде иерархии, в основании которой находится физика (материя), выше — жизнь (биология), затем — разум (физиология), душа (теология) и, наконец, дух (мистицизм). Каждый последующий уровень прибавляет некоторые черты, которых не было на более низких уровнях. Кен Уилбер представляет современность, как совокупность трех «сфер культурных ценностей». Первая — искусство.

---

[1] Patricia A. Williams, *Quakerism: A Theology for Our Time*

Оно стремится к красоте и говорит на языке «я». Вторая — мораль, которая занята поиском доброты и говорит на языке «мы», и третья — наука, она ищет истину и говорит на языке «это». Он считает эту дифференциацию, возникшую в европейской культуре XVII века, прогрессивным шагом, приведшим к развитию либеральной демократии, признанию прав человека и достижениям в области медицины. Тем не менее, разобщение трех сфер ценностей привело, по его мнению, к доминированию науки — к научному материализму, который пытается трактовать наш внутренний опыт, искусство и мораль в чисто научных терминах. Как результат, наблюдается коллапс в «гнезде бытия», подход ко всем вопросам осуществляется посредством изучения нижнего уровня — физики. В то время как ученые признают только внешний эксперимент, Уилбер ратует за необходимость признания и интеграции различных видов опыта — внутреннего и внешнего, индивидуального и коллективного. Каждый вид опыта имеет свою иерархию сложности, и те, что даны Джорджем Эллисом, связаны с внешним опытом. Представляется очевидным, что для обретения удовлетворительного взгляда на мироздание, который бы включал и результаты научных исследований, и наш религиозный опыт, мы должны признавать не только высший уровень сложности, но также и все другие доступные нам виды опытов. Патриша Уильямс полагает, что квакерство способно достичь этого.

Квакерство возникло, когда наука начала пронизывать культуру Британии, поэтому квакерство заимствует у науки ее сосредоточенность на эксперименте, уважение к интуиции и рассудку, общинные (коллективные) черты, тенденции к реформизму без фетишизации последнего. У науки и квакерства общие добродетели — честность, терпеливость, скромность, миролюбие и одухотворенность. Наука и квакерство отвергают ортодоксальную веру в авторитеты и древние истины. А возросшая за последние три сто-

летия мощь науки по мере ослабления ортодоксальной веры укрепила и позиции квакерства (Патриша Уильямс 2007 г., стр. 141).

Если нам нужно понять, как Бог работает во вселенной, тогда мы должны воспользоваться своим внутренним опытом.

4.1 КАК БОГ ДЕЙСТВУЕТ В МИРЕ

Возвращаясь к рассмотрению деятельности Бога в этом мире, мы сталкиваемся с составляющей ее проблемой того, как можем действовать мы сами.

Говоря о Боге, мы используем метафоры, которые ищем, опираясь на наиболее сложную из известных нам систем — человеческий разум. И поэтому Бог в нашем изложении действует так, как действуем мы, хотя и обладает большей силой и властью. Джон Полкинхорн написал (1998 г., стр. 1):

> Основной смысл веры в Бога состоит в том, что за историей развития вселенной стоит Разум и Замысел.

Я в этом не так уверен.

Идея наличия Разума, стоящего за историей вселенной, представляет Бога в ипостаси дизайнера. Она исходит из того, что вселенная является системой, управляемой общемировыми законами, выражаемыми в виде математических формул, и, следовательно, она (вселенная) именно таким образом была придумана (спроектирована). Я признаю, что математика, с замечательной эффективностью

описавшая структуру построения физического мира, сказала что-то действительно чрезвычайно мудрое о природе вселенной. Но, как я уже указывал (в §3.3), мне крайне трудно принять идею дизайнера. Для меня Бог — это Дух, а не Разум, это всепроникающая созидательная сила, действующая во вселенной. Тем не менее, сложности человеческого сознания и свободной воли, о чем говорилось в предыдущей главе, обогащают человеческий разум метафорами, которые употребляются в разговорах о Боге.

Я вспоминаю воодушевление моего школьного учителя по поводу опубликованной в то время работы «Феномен человека» (1959 г.). В ней Пьер Тейяр де Шарден пишет о «внутренней стороне вещей»: все сущее имеет внутренний элемент духовной энергии, которая скрыта, пока ее не побудит к движению возросшая химическая сложность зарождающейся жизни (стр. 79); затем возникает внезапное изменение состояния и появляется самосознание (стр. 186). Наше самосознание кроме того имеет растущее духовное осознание: осознание правды, доброты и красоты; всепроникающей созидательной силы, действующей во вселенной, которая и есть Бог. Это осознание является нашим внутренним опытом, и я буду рассматривать его далее в следующей главе.

Итак, Бог действует как творческая сила, работающая во вселенной. Если это и есть та внезапно возникающая направленная от вершины вниз сила, которая описана Джорджем Эллисом, тогда, по-видимому, эта иерархия с Богом во главе включает и нас. «То, что от Бога внутри нас» определяет наше место в иерархии. Наше духовное осознание означает, что Бог, эта созидательная сила, «основа нашего существования» действует через нас, и, в действительности, все, что только мы ни делаем, является отражением данной созидательной силы. Эти слова Пауля Тиллиха (1962 г.) процитированы Джоном Робинсоном в книге «Быть честным перед Богом»[1], которая про-

извела огромный переполох в тот год, когда я заканчивал школу.

4.2 КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ

Джон Полкинхорн также указывает на существование «цели, скрывающейся за историей развития вселенной». Он видит ее в тонкой настройке вселенной для жизни. Кажется, что именно жизнь есть то, что придает значение вселенной, и в этом смысле жизнь является целью всех тех миллиардов лет, в течение которых вселенная оставалась безжизненной. Возможно, и наши жизни тоже будут вытеснены чем-то более значительным. Как бы то ни было, моя озабоченность понятием цели объясняется тем, что из него следует обретение значимости наших собственных жизней через то, к чему они приводят, как в масштабах всего мира, так и каждого из нас, людей.

Недавно с задней стороны автобуса в Манчестере я увидел рекламу Альфа-курса по «изучению христианской веры». В рекламе представлялось, что мы спрашиваем Бога: «Это оно?». Я думаю, что в ней содержался намек на то, что ответом Бога будет «Нет» с отсылкой в будущую жизнь. А я подумал, что ответом Бога могло бы стать «Чего же еще ты хочешь?». Возможно, нам следует стремиться сделать лучшее из того, что мы имеем, а не надеяться на что-то большее. Брать от каждого момента по максимуму.

---

[1] John Robinson, *Honest to God*, 1963

Я не уверен, что концепция «конечной цели» имеет какой-то смысл. Люди обычно видят цель любого действия в его будущем эффекте, а многие верующие люди, кажется, воспринимают существование Бога, как нечто подразумевающее конечную цель; физическая вселенная существует для некоторой цели помимо себя. Эта идея дополняет представление о том, что физическая вселенная была создана чем-то существующем вне нее. Наш мозг, по-видимому, так организован, что мы никак не можем избежать поиска причины и следствия — обычно это очень полезно для нас. Я полагаю однако, что для поиска значения это неверный вопрос.

Нелегко рассматривать нашу жизнь просто как период самосознания, которое быстро нарастает в раннем детстве, затем поддерживается на каком-то уровне, потом начинает ослабевать и сходит на нет: *niente*[1], безмолвие. (4.1) Так ли это? При условии, что вы не умираете слишком рано или не испытываете голод и не страдаете серьезными заболеваниями в течение жизни, ответ может быть резонно таким: «Чего же еще ты хочешь?». Многое в религии связано с нахождением цели нашей жизни в чем-то помимо нашей смерти. Это, тем не менее, никогда не имело для меня хоть какого-то смысла — даже не смотря на то, что мне нелегко думать о своей собственной смерти или смерти близких мне людей.

Может быть, даже еще тяжелее следить за умиранием нашей культуры или нашего вида. Когда культура действительно умирает — если выходит из употребления язык, что случается слишком часто, а вместе с ним исчезают ассоциированные с ним культуры. Мы можем изучать ушедшие в небытие культуры и даже воскрешать некоторые их творения, но наше восприятие этих творений бывает лишь

---

[1] (*итал.*) ничего

бледной тенью первоначального опыта. Наша планета когда-нибудь погибнет, и если даже мы будем в состоянии перебраться куда-то еще, возможно, что в конечном итоге некуда будет уйти, и человеческое существование окончится. Действительно, второй закон термодинамики явно означает, что, в конечном итоге, любая другая жизнь во вселенной также придет к концу. (4.2)

> Все труды поколений, вся религиозная набожность, все вдохновение, весь полуденный блеск человеческого гения обречены на уничтожение.
>
> Бертран Рассел, «Почему я не христианин», цитировано из Пола Дэвиса 1994 г., стр. 13

Меня не покидает ощущение того, что наша потребность воображать себе свое существование, продолжающееся по ту сторону смерти, зиждется на ограниченности нашего опыта, заключенного во времени. Людей обуревает огромное желание сохранить состояние вещей на века. Поэтому мы идем по миру, тщетно пытаясь сохранить, удержать каждое мгновение, запечатлев его на фото, сделав записи, в надежде снова оживить все в будущем. Иногда мы прилагаем больше усилий к записи момента, чем к наслаждению им.

В конце 1999 г. у моей жены Памелы случилось кровоизлияние в мозг, и в течение нескольких недель было непонятно, будет ли она жить. Я не мог даже представить себе жизнь без моей Пэм, но ее внезапная, нежданная и негаданная болезнь научила меня стремиться брать по максимуму от каждого момента, пока мы вместе. Это придавало мне силы, ведь ее здоровье долго не восстанавливалось, она могла умереть в любой момент. Никакие конечные цели ничего не значили — ни смысл вселенной, ни нашей собственной жизни. Если значимость нашей жизни обуславливается яркостью нашего существования, как социальных творений, тогда наша цель — максимально повышать яркость каждого момента, как для самих се-

бя, так и для других. И не имеет значения, что как только каждый момент проходит, его не вернуть назад.

И в творчестве я радость
Хочу найти сполна;
Хотя она виденьем
Пройдет, как с пробуждением
Мечта пустого сна.

Роберт Бриджес, «Люблю я все красоты»[1]

Невозможно задержать и сохранить всю сущность каждого мгновения. Возьмите, например, музыкальное представление — большинство самых глубоких впечатлений моей жизни связано с музыкой, которую я исполнял или слушал. Конечно же, исполняемое музыкальное произведение в наше время можно записать с высоким качеством записи, но прослушивание такой записи лишь частично отражает опыт. А большинство исполняемых произведений не записывается. Чтобы исполнить музыкальное произведение, мы репетируем и потом исполняем, а затем наступает конец, *niente*, безмолвие. Опыт окончен, его нельзя пережить снова, но как часто его воздействие бывает благотворным!

В целом в нашей жизни происходит то же самое. Мы начинаем свою жизнь как беспомощные младенцы, и очень часто кончаем ее хилыми стариками. А между этими событиями мы находимся под влиянием других людей и сами оказываем на них влияние. В жизни большинства из нас случаются как периоды наибольшего благоприятствования, так и периоды, когда мы страдаем. Нас призывают жить как можно лучше, но большинство из нас даром теряет время. Состояние наивысшего удовольствия может возникнуть от общения с другими людьми, от физической активности, от творческой деятельности, от мистического

---

[1] перевод А. Лукьянова, «Короткие стихотворения», книга IV, 1

опыта. В такой момент мы можем испытать желание, чтобы он длился вечно, и действительно, иногда он кажется бесконечным. Но затем пережитое состояние занимает свое место в вечности, и наше сознание от него удаляется. Примечательно, что те впечатления, которые остаются для нас наиболее яркими, бывают достаточно приземленными; это обычные эпизоды, в которые вовлечены наши родители или дети, но по ясности воспоминаний они становятся бесценными моментами.

Бывают и другие моменты, когда мы мучаемся от непомерной боли, возможно, отягощенные своими собственными неудачами или муками совести из-за того, что мы кого-либо подвели, или же мы бываем переполнены информацией о страданиях в этом мире. Нам бы хотелось, чтобы таких моментов никогда не было, но они также занимают свое место в вечности.

> Мы сами созданы из сновидений,
> И эту нашу маленькую жизнь
> Сон окружает
>
> Уильям Шекспир, «Буря», акт IV, сцена 1[1].
> Этот отрывок соотнесен Ральфом Воан-Уильямсом (Ralph Vaughan Williams) с финалом его симфонии №6 ми минор

В своей «Оде к греческой вазе» Джон Китс размышляет над тем моментом — сценкой, которая запечатлена на вазе — и воображает себе, что вопреки времени этот момент остался в вечности, на вазе сохранились неизменными повседневные надежды, радости и печали людей. Этих людей теперь никто не знает. Есть нечто удивительное в сохранении момента и грусть от того, что он никогда не повторится. Каждый момент нашей жизни нами заранее предчувствуется, потом мы его воспринимаем, пере-

---

[1] перевод М. Донского, изд. «Искусство», 1960, т. 8

живаем, а затем теряем навсегда. И каждый момент занимает свое место в вечности.

Никогда не забуду то восхитительное солнечное утро конца августа, когда после рождения нашего младшего сына Марка я шел из больницы Степпинг Хил через парк Брамхам домой в здание собрания Чидл-Хьюм. Рождение — это момент перехода, когда мир становится другим, появляются новые возможности.

> В прекрасном — правда, в правде — красота
> Вот знания земного смысл и суть.
>
> Джон Китс «Ода к греческой вазе»[1].
> Ода положена на музыку Густавом
> Холстом в его симфонии для хорала.

4.3 СТРАДАНИЯ, БЕДЫ И ГРЕХ: БОЖЬЯ ЛЮБОВЬ

Это все очень хорошо. Но, пока я работал над этой главой, Израиль бомбил Газу, и каждый день мы становились свидетелями все новых сцен ужаса: как убивают и калечат людей, как убивают и калечат их семьи и как разрушают их дома.

Если мы полагаем что Бог — это творческая сила, действующая во вселенной и в нашей жизни, и понимаем, что жизнь приобретает значение благодаря богатству нашего опыта, тогда что же мы можем сказать о тех страданиях, которые люди причиняют друг другу?

---

[1] перевод В. Микушевича

Сложности природного мира можно удивляться, но от его жестокости трудно не впасть в шок. Однако все не так просто и однозначно, ведь животные, например, охотятся друг на друга, добывая пропитание, и сражаются между собой за право обладания самкой. Эти действия являются существенным компонентом естественного селекционного процесса, в результате которого возникли и мы. Есть даже паразитические создания, которые могут существовать только за счет разрушения организма хозяина или причинения ему сильной боли.

Размышляя о человеческих страданиях, мы можем разграничить страдания от «естественных», не связанных с человеком причин и те страдания, которые люди причиняют друг другу. К естественным страданиям можно отнести защитные механизмы или реакции предупреждения, которые, например, включаются, когда мы хватаемся за что-то очень горячее, воздействия на нас других организмов, некоторые из которых (например, вирусы и бактерии) могут выживать только вследствие этого воздействия на нас; химический дисбаланс в нашем теле, вызывающий, например, некоторые психические расстройства. И также отнесем сюда физические повреждения, генетические «дефекты», природные катаклизмы, такие, как извержения вулканов, землетрясения, наводнения, засухи, и несчастные случаи.

Кроме защитных механизмов, все это — страдания, которые мы предпочли бы избежать. Тем не менее, генетические дефекты и взаимодействия с другими организмами очень существенны для эволюции. И я уже останавливался на том, как катастрофические природные события придают гигантский стимул эволюции. Так что этот тип страданий представляется неизбежным следствием процесса эволюции жизни.

Трудность заключается в том, что для многих людей эти события означают получение огромного опыта, о кото-

ром я упоминал в предыдущем разделе, совсем не по их выбору. У большинства людей на протяжении почти всей истории, борьба за жизнь, пищу и кров отнимала практически всю энергию. Некоторые люди страдают от голода, холода и болезней всю или почти всю свою жизнь. Тем не менее, большинство людей имеют возможность испытать любовь и получить опыт какой-то человеческой общности. Высока доля и тех, кто лишен этой возможности, из-за действий других людей.

Рассмотрев способы, которыми люди причиняют страдания друг другу, мы можем идентифицировать следующее:

— одно лицо стремится контролировать другое лицо «для его же блага», так родитель наказывает ребенка;

— одно лицо стремится контролировать другое для своей собственной выгоды, как при рабстве, или для выгоды сообщества; это происходит тогда, когда лицо, представляющее опасность, берется под стражу, или криминальные действия предотвращаются под угрозой наказания;

— одно лицо стремится причинить другому страдания;

— ничем не вызванные действия одного лица против другого;

— равнодушие одного к другому;

— действие или бездействие сообщества (изгнание из социума, общее непризнание, одиночество);

— нереальные ожидания на счет самих себя;

— нереальные ожидания на счет других людей;

— боль, причиненная самому себе.

Некоторые, из перечисленных случаев, являются следствиями соперничества в борьбе за жизнь и, соответственно, могут рассматриваться как естественное проявление конкуренции, которая имеет место и у других видов организмов. Но присущая человеку изобретательность, кажется, довела ее до значительно более экстремального уровня.

В целом этот вопрос был главным лейтмотивом в Свортморской лекции Джоселин Бернелл в 1989 г. Она предложила некоторые подходы к проблеме, но при этом заметила, насколько наше понимание боли и страданий фрагментировано и пристрастно. Она отвергла традиционное понимание страдания как наказания, посылаемого Богом, страдания как часть непостижимых замыслов Бога, страдания с целью облагородить нас или мобилизовать наши внутренние силы. Мне приходится согласиться с ней в том, что боль и страдание есть существенная часть тех условий, которые «даны» человеку в этом мире.

Вместо того, чтобы спрашивать, почему в этом мире существует зло, нам стоило бы поинтересоваться происхождением добра. До того как жизнь появилась, космос не имел морали, добро или зло не имели значения. Зарождающаяся на земле жизнь не изменила это положение мгновенно. Однако с появлением сознания начались страдания. Предположительно эта ситуация касалась высокоорганизованных животных, например млекопитающих. Основанием для страданий обычно были защитные механизмы животных. Несмотря на то, что мы можем сожалеть по поводу наличия страданий и находить их крайне мучительными, они не являются злом, они естественны. С появлением человека ситуация изменилась, не только потому, что мы обладали сознанием и самосознанием, но и потому, что мы также обладали способностью распознавать других, как сознательных существ; такая способность, видимо, в зачаточном состоянии есть и у других приматов. Это означает, что когда мы причиняем страдание другому, мы способны представить себе его боль, даже находя в этом удовольствие. То есть мы можем быть злыми, мы можем грешить. С появлением самосознания мы вкусили с древа познания добра и зла. Как сказал Джон Паншон в своей Свортморской лекции в 1990 г.: «Грехопадение, вот что сделало нас по-настоящему людьми» (стр. 46).

Традиционный взгляд на грехопадение, как на потерю совершенства, кажется неправильным. Пока мы не вкусили с древа, мы были существами без морали, мы были несведущими, а не совершенными. Мы не могли грешить, но также и не могли быть добродетельными. Вкусив с древа, мы познали не только «зло», но и «добро». Единожды вкусив с древа, мы смогли осознать свой «первородный грех», наше животное естество. Примечательно, что из «естества, с кровавыми зубами и клыками» (4.3) — в эволюции, движущие силы, которой представляются столь жестокими — возник альтруизм. Его корни могут лежать в родовой или стайной жизни некоего высшего млекопитающего, но теперь длительный процесс эволюции создал людей, которые признают себя тождественными всему человечеству и другим живым существам.

> Добродетель — это, действительно, благодать, или инстинкт... Это нечто, принятое на веру, притянутое к себе, заветное. Это не то, за создание чего мы должны бороться против сути человеческого естества... Это инстинктивный и полезный смазочный материал, часть нашей природы. Поэтому вместо попыток организовывать человеческие институты, чтобы посредством их сдерживать людской эгоизм, возможно, предпочтительнее было бы организовывать их таким образом, чтоб обращаться к человеческой добродетели.
>
> Мэт Ридли 1997 г., стр. 144

Наше ощущение одних действий, как правильных и добродетельных, а других, как неправедных и греховных — это и есть наша совесть. Мэт Ридли описывает, как данное чувство могло эволюционировать. Тем не менее, наша совесть укрепляется и видоизменяется под воздействием нашей духовной осведомленности, ощущения, что мы являемся частью чего-то большего, чем мы сами — того сознания всепроникающих созидательных сил, о которых

говорилось в начале этой главы. В своей Свортморской лекции в 1954 г. Вильгельм Аарек предупреждает нас, что

> ...для обычных людей было бы глупо слишком увлекаться мистическим опытом... Необходимо помнить, что жизнь с соблюдением норм морали является необходимым условием для религиозного опыта и сверхсознательного видения, не менее значима, чем ее результат. Реально присутствующий в человеческой жизни вопрос связан со способностью и желанием *жить в соответствии со светом, озаряющим нас в каждый конкретный момент.* (стр. 37)

Из этого совсем не следует, что «простые люди» не могут получать мистический опыт; едва ли нам нужно слишком расстраиваться, если с нами не случилось такого ошеломляющего духовного события, как у Павла по дороге в Дамаск (Деяния 9:3—9). У большинства из нас божественные видения менее драматичны, чем у Павла, но они ничуть не менее важны.

Конечно, нам часто не удается следовать тому, к чему призывает наша совесть, и мы поддаемся другим воздействиям. А затем мы бываем вынуждены жить с последствиями в виде угрызений совести, стыда и чувства вины. (4.4) По большей части, наши неудачи происходят из-за нашей же слабости; мы знаем, что нам следует делать, и намереваемся делать это, но из страха или лени не выполняем этого и терпим неудачу. Другие наши недостатки являются результатом таких чувств как жадность, которая фокусируется на нашем собственном комфорте, или злость и ненависть, которые могут вызвать желание причинить боль другим.

Несколько дней назад я был на исполнении оратории Себастьяна Баха «Страсти по Матфею». Одна из наиболее волнующих частей та, что описывает измену Петра Христу. Петр настаивает на том, что он не изменит Христу, и он

действительно так считает, поскольку даже не может себе представить возможности такой измены. Но потом, при виде враждебно настроенной толпы, он испытывает страх перед последствиями своего признания связи с Христом и оказывается неспособным действовать согласно своему намерению. Христос знал слабости этого импульсивного человека, но от этого любил его ничуть не меньше. Он разглядел его потенциальные возможности и знал, что когда будет нужно, он сможет быть стойким и на него можно будет положиться. Традиционно считать, что Петр, в свою очередь, и сам был распят в Риме. После того как Петра спросили о связи с Христом, он мог бы оправдать себя тем, что его признание не смогло бы помочь Христу, тем не менее он сполна пережил свое собственное падение и слабость, рыдая, стыдясь и мучаясь угрызениями совести. Мы сочувствуем ему, так как испытывали все эти переживания.

Евангельское повествование идет дальше, к утру следующего дня, когда Христос был схвачен и представлен Пилату, и к реакции Иуды на это событие. В отличие от Петра Иуда предпринимает активные действия для предательства Христа, возможно в гневе, потому что почувствовал, что Христос разочаровался в нем; а может быть из-за жадности, так как это сулило ему получение денег. Матфей рассказывает нам, что Иуда, осознав, что его действия привели к смерти невинного человека, тоже испытывает сожаление. Остается неясным, до какой степени Иуда ответственен за случившееся, но бесспорно, что он участвовал в заговоре с теми, кто ответственен. Чувствуя, что его действия непростительны, возвратив деньги, он убивает себя.

Безусловно, масштаб этих действий различен. Мы все действуем, подобно Петру, и подводим сами себя. Но наши действия также причиняют страдание другим, или, по крайней мере, мы невнимательны к страданиям других.

В большинстве случаев мы точно знаем, как именно нам следует поступить. Время от времени мы сталкиваемся с ситуациями, при которых любое из возможных действий представляется затрудняющим ситуацию, но даже тогда мы обычно знаем, что некоторые варианты выбора непозволительны. Когда нам не удается следовать нашим канонам, мы мучаемся угрызениями совести и осознанием своей вины; в глубине души, в нашем реальном глубинном *Я* мы стыдимся.

В своей Свортморской лекции Джэнет Скотт говорила о том, как мы справляемся с этим:

> Когда мы честно признаем нашу недостойность, когда разделяем с другими боль самопознания, боль мировых разрушений, мы находим, что в глубине души, в самых глубинах человеческих страданий всегда присутствует Бог, который всегда укрепляет и дает утешение, постоянно несет наш крест. (стр. 47—48)

И именно такой была ответная реакция Петра. Он знал, что Иисус понял. Он знал, что Иисус ждет от него, чтобы он пошел дальше и учел свои неудачи. И он так и сделал, став ключевой фигурой в становлении церкви, в частности способствуя ее распространению за пределы еврейской общины. Это восстановление после падения, конечно же, от Бога, от его деятельности в нашем мире. Иуда тоже знал, что Иисус понял его провал, но Иисус также знал, что чувство вины, которое будет испытывать Иуда, слишком тяжело, чтоб его нести. Иуда был не способен отвечать на любовь Бога, так как он был не способен честно признать свою недостойность. Послание Иисуса состоит в том, что нам следует признать нашу слабость и наше падение; если мы будем стремиться преодолеть их, мы найдем необходимые для этого силы.

4.4 НАШЕ ВОСПРИЯТИЕ БОГА

Итак, мы встречаемся с Богом, когда мы слабы.

Эта справедливо и для Иисуса. Его служение началось с периода пребывания в пустыне в размышлениях о том, что он должен сделать. Мы можем представить себе, что это был период неуверенности и сомнений. Библия описывает различные искушения, мы можем рассматривать их, как свидетельство его поисков пути, который позволил бы ему избежать того, что, как он, конечно, уже тогда знал, будет тяжелым. Мы можем представить его, осознающим свою слабость, сомневающимся в успехе своего служения на захваченной врагом земле. Но к концу своего пребывания в пустыне он почувствовал себя дееспособным, «был укреплен силой Духа»[1].

Мне бы было трудно продвинуться дальше периода пустыни. Вокруг себя я вижу красоты мира и в ежедневной жизни встречаю все богатство человеческого опыта, радость взаимоотношений с другими людьми, в особенности с семьей и друзьями, и удовлетворение от достижения чего-либо, будь то выпекание каравая хлеба, участие в музыкальном представлении, чтение хорошо принимаемого курса лекций, помощь студентам в преодолении личных дилемм, решение математических задач, ведение собрания, которое, по ощущениям, проходит хорошо. Но эти моменты мимолетны, а сомнения и неуверенность остаются внутри, и я осознаю свою слабость и затем, после этого, осознаю что-то большее, чем я, что дает мне силы и поддерживает меня.

Также я видел бездну мрака и смерти, но и беско-

---

[1] Лука 4:14. Исправленное издание английской Библии — Revised English Bible

нечную бездну света и любви, которая струилась над бездной мрака. И в этом тоже я видел бесконечную любовь Бога.

Джордж Фокс, *Журнал* (1975, стр. 19);
Квакерская вера и практика, 19.03

Эта способность воспринимать Бога, Святого Духа, Внутренний Свет возникла в нас в длительном процессе эволюции. Она должна была быть заложенной во вселенной с самого начала ее возникновения, а иначе откуда бы она появилась? Когда она проявляется в нас, мы творим вместе с Богом. Возникает вопрос, является ли это восприятие объективной реальностью, или же оно — только порождение нашего мозга. Я буду рассматривать вопрос о том, до какой степени восприятие информирует нас о реальности, в следующей главе. Тем не менее, возможно, все, что мы можем сказать — это то, что данный опыт человек получал на протяжении всей истории.

Наконец мы подошли к процессу распознавания присутствия Бога, Присутствия среди нас — то есть к тому, ради чего замышлялась эта лекция.

ГЛАВА 5. БОЖЕСТВЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Эта лекция началась с рассмотрения нашего опыта присутствия Бога на молитвенном собрании. Чтобы поместить этот опыт в контекст, я счел необходимым рассказать о том, что говорит наука о природе мира, пусть даже ее положения пока еще умозрительны, (отчасти) предварительны и оставляют много вопросов без ответа.

В предыдущей главе, размышляя над понятием конечной цели, я пришел к заключению, что цель эта находится не в каком-то будущем событии, а в ощущении (прожитии) каждого момента. Таким образом, я возвращаюсь к рассмотрению того, что любой из нас переживает в каждый момент, и, в частности, как мы воспринимаем Бога.

5.1 НАШЕ ВОСПРИЯТИЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

В «Оклахоме!», — творении Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерстайна, — Кёрли поет «О, какое прекрасное утро», он наслаждается виденьем окружающего мира — «золотистой дымкой» и кукурузой «высотой на уровне слоновьего глаза».

Я собираюсь начать с рассмотрения того, как мы воспринимаем мир, в котором живем. На протяжении нашей жизни мы получаем информацию через глаза и уши, посредством осязания и обоняния. Благодаря этой информации мы постигаем и распознаем мир, мысленно выстраиваем для себя его образ. Насколько правдиво наше восприятие окружающего мира?

Представим себе радугу. Это прекрасный символ вечного завета между Богом и всеми живыми существами на земле (Бытие 9:17). Где находится радуга, которую вы видите? Если вы и я будем стоять рядом, увидим ли мы одну и ту же радугу?

Я припоминаю, что кульминацией моего изучения физики уровня «А» была физика радуги, в частности — вычисление угла между солнцем и радугой по преломлению солнечного света водой. Радуга формируется каплями воды, преломляющими свет. Дождевые капли действуют как призмы, так как величина преломления света связана с его цветом. Мы видим радугу, как дугу, проходящую через небо, потому что наш мозг полагает, что свет приходит к нам по прямой линии, и мы видим источник света в том направлении, откуда он к нам приходит. В действительности же свет идет от солнца, но дождевые капли отклоняют его по направлению к нам. Я был поражен тем, что усилием лишь одной мысли (используя достаточно простую

в моем понимании математику) и простого измерения величины преломления света водой («коэффициента преломления» воды), можно определить, где появится радуга, когда одновременно светит солнце, и идет дождь.

Это наводит нас на мысль о том, что радуга не является объективной реальностью, нет, она — конструкция, порожденная нашим мозгом/разумом, интерпретирующим тот свет, который попадает в наши глаза. В этом смысле, вы и я, стоящие рядом, будем видеть разные радуги: каждый из нас видит радугу, сконструированную его собственным мозгом в ответ на отдельный пучок света, попадающий в наши глаза. Но мы можем обсудить ее, заметив, насколько она ярка и насколько поразительна на фоне темных туч «за ней». Мы даже можем сфотографировать ее. Да, действительно, радуга реальна.

Давайте обратимся к чему-то более материальному, например — к полированному деревянному столу. Мы видим, что он твердый и гладкий. Мы можем провести по нему пальцами и ощутить, какой он скользкий. Мы можем опереться на него и почувствовать его твердость. В нашем сознании мы рисуем его, как определенную геометрическую форму: возможно, что крышка стола — непрерывное плоское пространство, часто прямоугольное. Имеет ли стол объективную реальность? Наш обычный способ проверки — на что это «реальное» похоже — заключается в проведении более тщательного обследования.

Произведя его, мы убеждаемся, что крышка стола отнюдь не непрерывная и не гладкая. В конечном счете, мы откроем, что этот стол является по большей части свободным пространством, совокупностью атомов, а затем, если бы мы продолжили наши изыскания вглубь тонкой структуры стола, стало бы уже трудно сказать, что же мы нашли. Ведь мы дошли бы до элементарных субатомных частиц, которые могут быть адекватно представлены при помощи таинственной волновой функции квантовой меха-

ники — известной нам, как математическая абстракция. Последняя для большинства людей ничего не означает. Таким образом, твердый, гладкий стол — это тоже лишь конструкция нашего ума, базирующаяся на внешних раздражителях, одни из них получены нашей сетчаткой в виде света, попадающего в наши глаза, другие — нервами наших пальцев, когда мы проводим ими по столу. Фактически наше восприятие всего физического мира происходит точно так же; а именно — построением в своем собственном мозге/уме конструкции, представляющей «реальный» мир, в котором мы живем.

Вот пример из совсем другой области. Когда вы слушаете какой-то музыкальный фрагмент, где он находится? Он создается серией звуков, воспроизводимых музыкантами. Но где эти звуки? В концертном зале? Нет, в зале имеется только вибрирующий воздух; эти звуки являются ощущением нашего мозга, которое вызвано восприятием вибрирующего воздуха. То есть, это буквальный вариант старой загадки: «Производит ли шум падающее в лесу дерево, если вокруг нет никого, кто мог бы его (этот шум) услышать?»

И более того, восприятие музыкального фрагмента включает интерпретацию звуков. Вам следует услышать его, а не только прослушать, и, возможно, для этого вам потребуется определенная степень знакомства с этим фрагментом или похожими на него фрагментами. Восприятие слушателя музыкального произведения отражает весь его музыкальный опыт. Дэниел Деннет (1993, стр. 387) сравнивает наш опыт прослушивания одной из хоральных кантат И. С. Баха с опытом человека, постоянно посещавшего Лейпцигскую Лютеранскую церковь и услышавшего кантату на ее первом представлении в 1725 г. Из-за различий в культуре наше восприятие будет совершенно другим. «Наше музыкальное воображение было обогащено и во многих отношениях стало более сложным (благодаря Моцарту, Чарли Паркеру, Битлс), в то же

время, оно утратило некоторые ассоциации, на которые рассчитывал Бах.

Хорошо мне знакомый пример касается сюиты Густава Холста «Планеты». Одной из ее наименее удачных частей является «Юпитер, даритель радости», тем не менее, в ней, бесспорно, есть изумительнейший мотив, который впоследствии Холст разрешил использовать для гимна «Я клянусь тебе, моя страна». Я с удовольствием слушал бы этот мотив несведущими ушами, но, к сожалению, он необратимо ассоциируется у меня со словами гимна, которые возрождают в памяти неприятные моменты из моих школьных дней, когда я чувствовал себя всегда не в своей тарелке на ноябрьском празднике патриотизма и милитаризма. Я уже никогда не смогу услышать этот мотив в его первозданном виде.

Музыкальный пассаж — это мысленная конструкция нашего мозга/разума, и в таком случае совершенно ясно, что эта конструкция является ответной реакцией на раздражители, полученные нашей сенсорной системой и истолкованные в свете нашей памяти о предшествующем опыте. Это верно и для ранее приведенных примеров с радугой и столом. Если бы мы никогда не видели и не слышали о столе ранее, то при первом ознакомлении с ним на вид и ощупь мы бы реагировали совсем по-другому.

Все наше восприятие мира, в действительности, есть восприятие модели, сконструированной в нашем мозге, модели, которая отражает как полученные сенсорные раздражители, так и наш предыдущий опыт. В большинстве случаев имеется общее понимание этих моделей, и с помощью языка они становятся общественными моделями. Когда мы обращаемся к столу, мы имеем в виду не его специфический внешний вид — столы могут быть самыми разнообразными — а объект с определенными функциями.

Таким же образом мы воспринимаем других людей. Мы ясно сознаем объективную реальность того, кого мы хорошо знаем, но это тоже просто конструкция в нашем мозге. Даже наше ощущение самих себя является такой же конструкцией (эта мысль пространно обсуждается Дугласом Хофстадтером в его «Я — странный виток спирали», 2007 г.[1]). Я не отрицаю объективной реальности вещей; я только говорю, что все, что мы действительно знаем, является нашей ответной реакцией на свое собственное восприятие объективной реальности.

А что же в отношении Бога? Как было сказано в предыдущей главе, у нас есть опыт, который мы называем мистическим или духовным — это тяга к добру, верность, сострадание, побуждение к активному действию — все, что, казалось бы, приходит к нам извне. Этот опыт признается всеми человеческими сообществами, и люди сочли его полезным и действительно мощным, воспринимая его нисходящим от Бога, потому что он снабжает нас языком, для того, чтобы говорить о нем друг с другом и познавать опыт друг друга. Разные народы используют разные модели для своего опыта — иные способы его выражения и пути понимания «Бога», что порой создает проблемы в общении. Мы должны научиться относиться с уважением к любым моделям.

Обучение осознанию этого духовного опыта, водительства Святого Духа, Внутреннего Света и обмен этим друг с другом — важная составная часть нашей религиозной жизни. А теперь мне следует рассказать кое-что о себе.

---

[1] *I am a strange loop*

5.2 Я ВЫРОС В КВАКЕРСКОМ СОБРАНИИ

Мои родители приехали в Блэкпул в 1930-х гг. и в течение нескольких лет посещали местное собрание квакеров. Там в 1945 г. я и родился — единственный сын, долгожданный и очень любимый. Таким образом, получилось, что я регулярно посещал собрания всю свою жизнь.

В те дни Блэкпулское собрание достигло своего наивысшего расцвета. Когда я был маленьким, там был детский класс, но примерно к возрасту десяти лет я оказался практически единственным ребенком, регулярно приходившим на собрание. Затем к нам присоединилась группа интересующихся молодых людей — учеников 6 класса местных грамматических школ, и так была основана группа молодых Друзей. Примерно с 12 лет я начал принимать участие в их деятельности. Она, по большей части, сводилась к крайне горячим спорам на темы, которые были гораздо выше моего понимания: помню несколько бесед о поэме Т. С. Элиота «Четыре квартета» и дискуссии о политике и экономике. Не думаю, что я много чего сказал. Во всяком случае, я был изрядно застенчив. Но принимали меня очень приветливо. Немного позже я стал участвовать в деятельности молодых Друзей Престонского месячного собрания, а затем Ланкаширского и Чеширского квартального собрания молодых Друзей.

Ребенком я присутствовал на собрании для молитв только в течение первой четверти часа. Полагаю, что единственным устным служением, которое я слышал, было регулярное чтение из *Советов и вопросов* (читал всегда один и тот же старейшина, который делал это систематически, в принятой тогда манере), а также чтение из Послания Годового собрания.

> Обращайте внимание, дорогие Друзья, на побуждение любви и честности в ваших сердцах, которые направляются Святым Духом Бога. Не сопротивляйтесь Его устремлению к вам. Это Его свет указывает нам на нашу темноту и приводит к искреннему раскаянию. Это Божья любовь притягивает нас к Нему, искупительная любовь, выраженная в Иисусе Христе, во всей Его жизни и, более всего, на кресте. Это он — и Путь, и Правда, и Жизнь.
>
> *Общие советы*, 1931 г.

Один из наиболее приятных моментов пребывания на собрании в качестве единственного ребенка, или одного из немногих детей, было то, что меня никогда не воспринимали как «кого-то из детей», но именно как меня — Питера Экклса. Летом мои родители обычно не ходили на молитвенные собрания по воскресеньям — они были заняты курортным бизнесом. Подобно многим семьям в Блэкпуле, летом мы принимали квартирантов, что тяжким грузом ложилось на плечи моей матери, а отец в это время работал на Блэкпулском пляже. Но я помню, как ходил на собрания один, не припоминаю только, с какого возраста. Друзья ожидали от меня участия в жизни собрания. Была ежемесячная воскресная вечерняя школа для взрослых — программированное собрание с парой гимнов и приезжим лектором. Будучи еще совсем юным подростком, я получил предложение вести одну из этих сессий, на которую приехал Друг из Манчестера — Давид Блэмайрес, он выступал на тему: «Мейстер Экхарт — средневековый мистик». В какой-то год меня попросили приготовить ежегодный отчет о «состоянии собрания», который Друзья делали по очереди. На определенном этапе моего отрочества было упразднено «временное членство» — статус многих квакерских детей в то время, и я обнаружил, что как-то незаметно стал членом месячного собрания. Я, конечно, чувствовал себя частью сообщества Друзей,

но не уверен, что отважился бы обратиться с заявлением о принятии меня в члены, если бы это от меня потребовалось.

Мое первое посещение Дома Друзей (и фактически мой первый приезд в Лондон) состоялось в мае 1964 г., мне было тогда 18 лет. Престонское месячное собрание послало меня на конференцию по делам заключенных, результатом которой стал запрос Собранию в поддержку страждущих (5.1) создать комитет по делам заключенных. Я совершенно растерялся на этой конференции, так как ничего не знал о тюрьмах. И я не могу ничего вспомнить о ней сейчас; мне пришлось прояснить детали в квакерском журнале «Френд». Тем не менее, конференция дала мне возможность в первый раз посетить Королевский концертный зал. Итак, в 3 часа дня в воскресенье 24 мая 1964 г. я сидел на одном из мест для церковного хора Королевского концертного зала и слушал в первый раз «вживую» струнный квартет. Струнный квартет *Амадеус* исполнял последний завершенный квартет Йозефа Гайдна. Я был поражен. Это было одно из сильнейших впечатлений моей жизни. Мог ли я предполагать тогда, что в следующий раз я буду сидеть на этих местах 25 лет спустя в составе квакерского хора.

Я безмерно благодарен всем Друзьям из Блэкпулского собрания Престонского месячного собрания того времени за их поддержку и за то, как они ожидали от меня полноценного участия в жизни собрания. Возможно, мне тогда было трудно рассуждать о своей вере. Но я узнал подлинную реальность молитвенного сообщества.

5.3 ТРАДИЦИОННАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЛИТУРГИЯ

Мое знакомство с другими христианскими церквями было более поверхностным. В бойскаутах нам полагалось ходить раз в месяц на службу в церковь прихода Саут-Шор, но мне она казалась малопонятной, я наслаждался пением гимнов, но не псалмами. В средней школе утреннее собрание было по существу англиканским, поскольку директор школы был англиканским священником. Я помню, что время от времени читались тексты из молитвенника, и мне нравились точность и изящество языка. Руководитель религиозного образования до определенной степени поощрял различные традиции, и я помню свое короткое сообщение на тему «Почему я квакер», мне было тогда 15 лет. Хотя я не могу восстановить в памяти, что же именно я сказал тогда. Примерно в это же время за наше религиозное образование взялся школьный директор, и я помню, с каким удовольствием прочел Евангелие от Луки. Я прочитал его, как исторический документ со всем разнообразием его первоисточников, изучением того, кто написал его, для кого оно было написано и как связано с другими Евангелиями. Это сделало текст более убедительным.

В пору своего студенчества в Кембридже я стал посещать капеллу колледжа Клэр Кембриджского университета, и, в частности, утреннюю воскресную службу. Хотя я, естественно, не мог принимать вещественные элементы причастия, регулярные посещения службы помогли мне ощутить силу литургии, этого регулярно повторяемого образца богослужения, на который может опираться вся жизнь. Динамика службы выстраивается медленно, начинаясь с «литургии слова», которая включает чтение Библии и символа веры, после чего следует исповедь, отпущение грехов и пригла-

шение к причастию. К коллективному разделению хлеба и вина приступают в самом конце, а затем служба быстро завершается (это происходит, когда руководящий представитель духовенства совершает омовение — меня всегда поражал этот символ очищения в англиканском причастии), и вы возвращаетесь в обычную жизнь. В колледже оставшийся не использованным хлеб совместно съедался за завтраком, и я с удовольствием присоединялся к общей трапезе.

Через капеллу я оказался вовлеченным в группу, называвшуюся Кембриджским пасторатом, которая располагалась в местной англиканской церкви. Я даже отправился вместе с ними принять участие в церковной миссии в Стретеме в сентябре 1965 г. Участвуя в этой группе, я должен был научиться ясному изложению своей собственной веры, а также многое узнал о богатстве англиканских традиций, в частности, о значении причастия для большинства христиан. Члены группы были очень доброжелательны к странному квакеру; и я помню, что они пробовали включать в нашу совместную молитву период молчания.

Я постоянно посещал собрания. На четыре года моего пребывания в Кембридже им стало Кембриджское собрание (в 1964 г. было только одно собрание Джизус-Лайн, а с 1966 г. начало действовать и собрание Оаст-Хаус), и кембриджские молодые Друзья составляли мою основную духовную общину в течение четырех лет, которые я провел в Кембридже. У кембриджских молодых Друзей я получил свой первый опыт служения клерком, а Кембриджский студенческий христианский совет, где я некоторое время представлял молодых Друзей, дал мне навыки довольно разнообразных обязанностей по проведению собрания. И я навсегда благодарен за то чувство товарищества, которое ощутил в капелле колледжа и в Кембриджском пасторате в течение первых двух лет моего пребывания в Кембридже.

Традиционная христианская месса, мощь которой так потрясла меня, когда я впервые столкнулся с ней в студенческие годы — это один из откликов нашему восприятие Бога.

Agnus Dei,
Qui tollis peccata mundi,
Dona nobis pacem.

Агнец Божий,
Ты, искупивший грехи мира,
Дай нам мир.

В этих словах есть сила, которую я не могу не признавать. В них заключены ответная реакция на мир, устрашенный страданиями и бедствиями, и страстный порыв к примирению. Для меня фраза «Агнец Божий» отражает уязвимость и хрупкость Божьего пути, которые проявились в жизни и смерти Иисуса. Я отсылаю вас к концу предыдущей главы в то место, где говорится о нашем стыде, когда мы поддаемся своим слабостям и подавляем водительство Духа. Вера в то, что Агнец Божий мог «искупить грехи мира» есть вера в то, что при всей этой уязвимости и хрупкости, если мы признаем свой позор (или другими словами, раскаемся), то сможем найти поддержку и силы, чтобы двигаться вперед.

Эти слова никогда не переставали волновать меня. Есть сила в словах, которые произносились в течение сотен лет. В последние годы я обычно сталкивался с ними, когда пел или слушал мессу в концертном исполнении.

Трудно достичь простоты, имея дело с тем огромным разнообразием, с каким люди воспринимают Бога, что по существу неописуемо, в особенности, если принять во внимание, что язык, на котором говорят о Боге и духовности, перегружен столетиями ассоциируемых значений. Тем не менее, Друзья пытаются выразить свою веру про-

стым языком, им не подходит замысловатая теология, построенная церковью в качестве каркаса нашего восприятия Бога. Для нас привычнее использовать слова другого типа:

> Есть дух, который я чувствую, тот, что рад не делать зла, не мстить за несправедливость, но с удовольствием переносит все в надежде обрести свое в конце. (5.2)
>
> Джеймс Нэйлер (1660),
> *Квакерская вера и практика*, 19.12

Эти слова являются выражением того же опыта, что и «Агнец Божий». Для нас они имеют особое значение, потому что мы знаем о великих страданиях, перенесенных Джеймсом Нэйлером под конец его жизни.

5.4 КВАКЕРСТВО В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

В 1967 г. Четвертая всемирная конференция Друзей состоялась в Гринсборо, Северная Каролина. На это событие Лондонское Годовое собрание послало 90 Друзей, включая представителей от каждого месячного собрания. На последнем этапе выбыл один из назначенных Престонским месячным собранием Друзей, и вместо него послали меня. Я никогда прежде не бывал за пределами Британии.

Молодые Друзья Северной Америки совместно со Всемирной конференцией организовали серию встреч молодых Друзей, так что я пробыл в Соединенных Штатах около восьми недель. До этого времени я ничего не знал о Друзьях в других странах. В то лето я узнал очень мно-

гое о Друзьях и о себе самом. До Всемирной конференции я никогда испытывал, что это такое — 900 Друзей в одном помещении, и хотя большинство из них придерживались либеральных традиций, было много и относящихся к другим традициям Друзей, которым был более приемлем традиционный религиозный язык.

После конференции мы впятером — по одному из Америки, Ямайки и Новой Зеландии и двое из Британии — в течение трех недель посещали Друзей, главным образом, в Северной Каролине и Флориде. В Северной Каролине мы сначала побывали на встрече небольшого консервативного годового собрания, там нам оказали очень теплый прием, а их практика не была для нас в новинку. Затем мы посетили ряд крупных церквей Друзей, принадлежащих к Объединенному собранию Друзей (Friends United Meeting — FUM), где нас также радушно встретили, но те из нас, кто были не из Америки, пережили некоторый шок. Эти церкви имели в штате пасторов и проводили «программированные» собрания с порядком службы, состоящим из чтения Библии, гимнов, устных молитв и подготовленных посланий, которые обычно читал пастор, но иногда и другие люди. Очень часто бывает и период открытого богослужения, укорененного в молчаливом ожидании, но оно обыкновенно продолжается не дольше нескольких минут. Кроме того, все это происходило в разгар Вьетнамской войны, и призыв в армию грозил многим молодым людям. Хотя для моего поколения в Британии это уже не являлось проблемой, и я вырос в мире, в котором принято, что большинство квакеров-мужчин (и некоторые женщины) отказываются от военной службы по своим убеждениям. Многие из американских Друзей, с которыми я встречался в Нью-Йорке и Вашингтоне перед Всемирной конференцией, находились в активной оппозиции к войне. Этого нельзя было сказать в отношении молодых людей,

принадлежавших к церквям Друзей в Северной Каролине. Я спрашивал себя, что же делает этих людей квакерами. Их форма богослужения была более или менее свободной церковной службой, они не придавали такого сильного значения мирному свидетельству, и их религиозный язык был традиционно христианским, с сильным акцентом на Библию. Но они ясно ощущали себя квакерами, могли оглядываться назад, на писания ранних Друзей, идентифицируя себя с ними — также как и я — хотя, возможно, концентрируясь на тех моментах, которые я предпочел бы игнорировать.

Американское квакерство в XIX веке претерпело несколько разделений по различным причинам, в том числе из-за разницы во взглядах. Именно поэтому получилось так, что в Северной Каролине существуют два годовых собрания: большее собрание принадлежит Объединенному собранию Друзей, имеет церкви, пасторов, и «программированные» встречи, прочно замкнутые на Библию, и меньшее собрание, которое проводит в домах собраний традиционные непрограммированные встречи и основывается на Внутреннем Свете. Две группы мало контактировали между собой на протяжении многих лет до того, как они вместе собрались при планировании Всемирной конференции.

В XX веке молодые Друзья заняли лидирующие позиции в процессе воссоединения групп. Лето закончилось Конференцией молодых Друзей Северной Америки в Покипси, Нью-Йорк. Насколько я помню, на этой конференции были более широко представлены Друзья со всего континента, нежели это обычно бывает на встречах Всемирной конференции. Бывало, что некоторые из разделившихся годовых собраний снова воссоединялись, начиная с двух годовых собраний Новой Англии в 1945 г., но в 1967 г. (5.3) это представлялось еще совсем недавним событием. Моя память сохранила три отдельных события

конференции молодых Друзей: чудесное заключительное и частично программированное молитвенное собрание, вобравшее в себя лучшее из различных традиций: безмолвие объединенного в духе собрания, произносимые свидетельства, песни и танцы; наша поддержка Мардж Нельсон, собиравшейся поехать работать врачом в Куанг Най во Вьетнаме; и коробка сладостей, которая переходила из рук в руки на деловом заседании — замечательно, что они были произведены на кондитерской фабрике Дэйнти в Блэкпуле, где я начал свою трудовую деятельность несколько лет назад.

То лето в Северной Америке изменило мою жизнь во всех отношениях. Я перестал считать для себя само собой разумеющимися свои представления о квакерстве и о том, как Друзья проводят богослужение и ведут дела, какие квакерские свидетельства они принимают. И, что более существенно для меня, три года спустя я женился на Памеле Голдсбери — новозеландке из группы, посещавшей Друзей в Северной Каролине и Флориде.

В жизни большинства Друзей, участвовавших во Всемирной Конференции 1967 г., эта встреча стала единственным опытом такого рода. Но я в 1972 г. стал представителем Лондонского Годового собрания во Всемирном консультативном комитете Друзей. Мое представительство длилось почти 30 лет, в течение которых я присутствовал на восьми собраниях Комитета, проходивших каждые 3 года, а в 1991 г. я даже смог участвовать в еще одной Всемирной конференции. В течение этого времени мое знание и оценка различных традиций Друзей углублялись, по мере того как во Всемирном комитете расширялось участие Друзей, придерживающихся различных традиций. Я смог понять и принять разнообразие практики Друзей, а также то, что каждая группа Друзей эволюционировала от ранних Друзей в Британии, и что корни различия между этими группами в ка-

кой-то мере были заложены внутри сообщества ранних Друзей.

Хотя многие Друзья по всему миру не знакомы с нашей формой непрограммированных молитвенных собраний, большинство Друзей Британии, по-видимому, полагают, что опыт молчания объединенного в духе собрания является сердцевиной их квакерства. Я же, описав вкратце свое религиозное становление, возвращаюсь к рассмотрению этого опыта.

5.5 ВОСПРИЯТИЕ БОГА НА МОЛИТВЕННОМ СОБРАНИИ

Я никогда не считал, что сидеть в молчании на молитвенном собрании легко. И это несмотря на то, что посещал собрания, по крайней мере, раз в неделю на протяжении почти всей своей жизни. Я должно быть провел далеко за 3000 часов — больше 4 месяцев — сидя на молитвенных собраниях! Я недисциплинирован, мой разум легко отклоняется от темы, мне становится скучно, я так и не развил в себе способности к концентрации внимания. Я думаю, что охотно участвую в молитвенных собраниях именно потому, что я делал это всю свою жизнь. Я часто думаю, на что же похоже посещение собрания в первый раз. Возможно, это можно сравнить с моим первым прослушиванием струнного квартета.

Вот, как это мне представляется. Я иду на собрание потому, что всегда ходил на собрания. Тем не менее, несмотря на мой недисциплинированный подход к молитвенно-

му собранию, я знаю из предыдущего опыта, что в любой момент собрания могу обнаружить себя подобно Т. С. Элиоту «в любой точке вращающегося шара», возможно в результате какой-то произнесенной молитвы, которая объединила собрание, или, возможно, просто благодаря общему восприятию тишины и побуждений Духа.

Ждите, ждите и ждите в молчании,
Ждите, ждите, пусть общность соединяет,
Ждите, ждите и ждите в молчании.
Ждите, вместе с детьми Света.

Осторожно вступайте в новые миры.
Отрешитесь от себя, храните молчание.
Дайте вашей мудрости и воле
В молчании замереть внутри вас.
Сначала позвольте мыслям свободно парить,
Пока сомнения и рассеянность еще остаются в вас.
Не делайте усилий и не пытайтесь сопротивляться,
Научитесь без напряжения отрешаться от мыслей.

Искушения и тревоги появляются,
А затем исчезают в том, что совершенно чисто.
Подчинитесь тому, что несомненно,
И все затихнет и станет ясным.
Затем то, что является злом, растает,
А доброе будет возрастать.
И вы, потрясенные, встанете в изумлении.
И почувствуется Царство Небесное.

Свет есть любовь, которая освобождает,
Это — основа внутри всех нас.
Она выявляет то, что побуждает нас к греху.
Она исцеляет нас и позволяет нам быть.

В Свете ждите подкрепления сил.
Уповайте на Бога и его мир.
Глубоко в сердце оно расцветет —
Семя, вечно ищущее освобождения.

Алек Дэвисон, переложение на музыку
Тони Биггин «Огонь и молот»
(«Пение в Духе» 2005 г.)

Это замечательное описание молитвенного собрания — опыта, положенного в основу данной лекции. Мы вместе приходим на квакерское богослужение в воскресное утро или в другое время в надежде получить этот опыт. Молитвенное собрание — почти всегда хороший опыт; и совместное ожидание уже хорошо; но иногда происходит что-то чудесное: время останавливается, и мы познаем мир Бога, мир, о котором мы бы могли молиться словами «Агнец Божий», если бы придерживались иной христианской традиции. Этот мир наделяет нас уверенностью, позволяет нам отстраниться от чувства вины, но он также призывает нас быть стойкими, стать лучше, быть совершенными. У нас, современных британских Друзей, не принято призывать к совершенству, но эта идея была важна для раннего квакерства. (5.4)

Для меня, во всяком случае, этот «опыт вершины горы» редок. В кульминационной части своей симфонии №4 ми бемоль мажор Эдвард Элгар приводит цитату из «Мольбы» Перси Шелли:

Дух Восторга, ты нисходишь редко, редко!

Тем не менее, наряду с редко происходящим «опытом вершины горы» существует менее впечатляющий, но не менее важный опыт — на протяжении продолжительного времени быть частью молитвенной группы верующих. Для большинства из нас эта группа — местное собрание. В этом отношении мне очень повезло — местное собрание было для меня домом практически на протяже-

нии всей моей жизни: и в Блэкпуле, и в Чидл-Хьюме, гостеприимными были и другие четыре собрания, которые я посещал во время своего пребывания в Кембридже, Уизеншоу (теперь Южный Манчестер), Стокпорте и Эванстоне, штат Иллинойс. Но это может быть и группа людей, регулярно собирающихся для каких-то определенных целей: комитет, группа активистов, совет попечителей. Жизнь группы может быть обогащена общей памятью совместно пережитого «опыта вершины горы». В Чидл-Хьюме мы все на протяжении долгих лет вспоминали момент в Тегз-Ноуз кантри-парке около Мэклсфилда, когда мы на некоторое время самопроизвольно замолчали во время чая на пикнике — общее воспоминание, которое делает жизнь собрания ярче. Или это может быть просто заведенный ритм встреч для молчаливой молитвы, а также регулярный «обмен радостями и печалями из жизни друг друга» (*Советы и вопросы*, 18).

На молитвенном собрании каждый из присутствующих играет существенную роль. Мы все знаем, что молитвенное собрание — это, прежде всего, возможность узнавать и вместе прославлять водительство Духа. Член группы участвует в общем эксперименте, который становится чем-то более значительным, нежели эксперимент отдельного человека, тихо сидящего в одиночестве. Иногда могут быть полезными и собрания, происходящие в абсолютном молчании, но обычно собранию помогает устное служение — высказывания из молчания. Знание того, когда говорить — это пример индивидуального выбора и проницательности.

Намерение высказаться на молитвенном собрании приходит из внутреннего побуждения, именно это требует проверки. Мне следует убедиться, что побуждение возникает из моего восприятия водительства Духа. Мне помнится, что в свою бытность студентом в Кембридже я никогда не говорил на молитвенном собрании, если не считать то-

го момента в детстве, когда в качестве одного из детей Блэкпулского собрания прочел отрывок из *Рождественской истории*. Это беспокоило меня. Я полагал, что способен это делать. Должно быть, мне оказалось трудно проверить свое побуждение, когда я в одно воскресное утро на Джизус-Лэйн действительно впервые заговорил на собрании. Возможно, служение пришло скорее из моей потребности переступить порог, чем из истинного побуждения.

До сих пор я не слишком часто говорю на молитвенных собраниях, и я благодарен тем Друзьям в моем местном собрании, которые с большей готовностью высказываются из молчания. То, что я говорю, часто зреет во мне более нескольких недель; в первые две-три недели я испытываю как сильное желание высказаться, так и ощущение, что еще не время. Нарушить тишину так трудно. Патриция Лоринг (Patricia Loring — 1999, стр. 130) указывает на то, что «прерывание молчания совместной молитвы и общения с Богом — это действие, внушающее страх... Для истинного служения выполнять молчаливую молитву предпочтительнее, чем останавливать ее».

Всё замерло. Лето,
Перед деревянным алтарем
Каменной церкви стою на коленях,
Жду, когда Бог заговорит;
Воздух — лестница для тишины;
Солнечный свет окружает меня,
Как будто я играю важную роль.
Публика неподвижна; все это скопление душ,
Как и я, ожидающих послания.
Подскажи мне, Боже;
Но еще не сейчас. А когда я заговорю.
Хотя это ты выскажешься через меня,
Когда говорю я, но что-то утрачивается.
Смысл заключен в ожидании.

Р. С. Томас «Коленопреклонение», 1955

Обычно, когда я встаю, мне бывает не совсем ясно, каким окажется послание, хотя я могу иметь наготове первую пару предложений и общее представление о теме, которая будет затронута. В идеале послание живет и воспринимается по мере выступления; его слова не являются только эхом более раннего опыта. Важно постоянно спрашивать себя, завершено ли послание.

5.6 ЖИЗНЬ В ПРИСУТСТВИИ БОГА

Конец молитвенного собрания не означает его окончание. Его надо включать в нашу повседневную жизнь. Как мы переносим полученный на богослужении опыт в каждый свой день?

Прежде всего, молчаливое богослужение должно служить ядром общины местного собрания и трансформировать ее в любящее братство. Часто в этом мы терпим неудачу. В конце концов, собрание состоит из обычных людей с их пороками и слабостями. Какие-то люди могут проявлять начальственные замашки, стремиться быть всегда в центре; другие же могут не выполнять свои обязанности. Кажется, что одним людям трудно принимать помощь, а другие слишком много говорят; кто-то, наоборот, по-видимому, не расположен хоть что-нибудь сказать, а кто-то может критиковать все и вся. Если вам нужна группа людей, которые все легко ладят между собой, и у которых совсем не случается разногласий, то возможно, собрание Друзей — не то место, куда вам следует обратиться. Если мы варимся в одном котле, тогда время от времени напряжение или непонимание нет-нет да

и возникают. Мириться с этим и помогать друг другу в сохранении сообщества — сложная задача. Очень трудно молиться вместе, если вы обижены друг на друга. Одна из существенных черт малочисленного собрания, такого как мое — то, что все друг друга знают. Я почти всегда подсчитываю количество людей на богослужении (обычно их менее двадцати), а затем думаю о каждом из тех Друзей, кого сегодня нет. После собрания мы обмениваемся новостями, как своими, так и отсутствующих Друзей.

Может показаться, что подобная группа, вероятно, будет довольно замкнутой и недоброжелательной к новым лицам. И правда, наше собрание меняется медленно при малом поступлении новых лиц. Но истинная община будет всегда открыта и гостеприимна, так что человека, пришедшего к нам со стороны хотя бы и на непродолжительное время, встретит радушный прием. Что касается моей жизни вне собрания, меня никогда не покидает чувство того, что Дух работает внутри меня, и что внутреннее спокойствие доступно мне. Это — Реальность. В любой момент я могу ощутить в себе такое спокойствие. Но затем некоторое время я могу совсем не думать об этой внутренней Реальности, хотя она остается там. Томас Келли пишет о жизни на двух уровнях (Thomas Kelly — 1943, стр. 33—34):

> Наша душевная жизнь строится одновременно на нескольких уровнях. На одном уровне мы можем думать, обсуждать, понимать, рассчитывать, удовлетворяя все потребности внешних дел. Но глубоко внутри, как бы за сценой, на более глубинном уровне, мы можем, в то же время, молиться и поклоняться, воспевать и служить, и чутко откликаться на божественное дыхание.
>
> Томас Р. Келли *«Свидетельство преданности»*, стр. 30[1]

[1] перевод на русский язык Ольги Долгиной, 1992 г.

Для меня регулярная безмолвная молитва перед едой важна как воскрешение в памяти этой сопричастности Духу. Мусульманская дисциплина, более доскональная и предписывающая молиться пять раз в день, что так важно для некоторых моих студентов, видимо, имеет ту же функцию. «Постоянно возобновляемое непосредственное ощущение, сохраняемая нами память о соприкосновении с божественным, лежит в основе религиозной жизни» (Томас Келли 1943 г., стр. 30).

Молитва может совершаться в любое время и в любом месте. Я в значительной степени планировал эту лекцию и молился о многом в ней во время своих ежедневных велосипедных поездок в университет и обратно, что занимает примерно полчаса в один конец. Как бы я ни бывал занят, поездка обеспечивала мне время для раздумий.

Конечно, случается совершенно пустое время, когда открытость внутреннего покоя вдруг пропадает. Это может быть вызвано усталостью, стрессом, беспокойством, страхом. Вы можете почувствовать себя переполненными этими житейскими проблемами и не представлять себе, как с ними справиться. Или вы можете очутиться в бесплодном месте и только хранить «угасающую память о божественном соприкосновении», которая, как сказал Томас Келли, не является адекватной. В этих случаях вы должны быть терпеливы (настойчивы). Все, что вы можете сделать, выразить свою усталость, свой стресс, свое беспокойство, свой страх и свои проблемы, и собственную закрытость, обратившись к Богу — той созидательной силе, которую вы знаете по опыту.

ГЛАВА 6.
ВОДИТЕЛЬСТВО БОГА

До сих пор я говорил о нашем осознании того, что Бог работает в этом мире. Одним из откликов на это служит изумление, оно-то и составляет существенную часть богослужения. Тем не менее, в традиционной христианской вере центральным является представление о личном Боге, который обеспечивает нас руководством — как индивидуально, так и коллективно. Оно подводит нас к сложной для многих концепции «воли Бога».

В этой главе я рассмотрю, что́ мы подразумеваем под словами «водительство Бога» и «Божья воля». А затем в последней главе обсудим, как развить практику Друзей, чтоб помочь нам распознать это водительство и то, как мы должны в результате действовать.

6.1 ВОЛЯ БОГА

Всю свою жизнь мы делаем выбор: что делать, куда идти, что есть, что носить и даже о чем думать. Я уже говорил о том, что хотя многие из этих выборов сделаны без особого напряжения осознанного мышления или даже вовсе без такового, все же это реальные выборы, за которые мы несем ответственность. Мы действительно наделены элементом свободы воли. Конечно, многое из того, что мы делаем, делается нами без выбора. Я не могу остановить биение своего сердца, моргание собственных глаз, и я не могу перестать дышать. Но есть люди, которые развили в себе замечательные способности контролировать даже эти непроизвольные функции

Все, что мы делаем, может иметь неожиданные последствия — и этот факт осознается нами все яснее. Огромная совокупность решений воздействует на путь, по которому идем мы сами, наши семьи, сообщества, наш вид и наша планета. Некоторые из них значительные, другие — и их больше — обыденные, ограничивающиеся выбором пищи, одежды, решением не попутешествовать ли нам и как. Множество основных последствий вообще непредсказуемо. От принятого однажды утром решения, когда выйти из дома или идти ли на какое-то мероприятие, зависит, состоится ли наша встреча с кем-то. И, наверное, любой из нас сможет вспомнить случайную встречу, изменившую его жизнь. Иногда возникает ощущение, что эти встречи были предопределены, но оно, по-видимому, несовместимо с идеей свободы воли и процессом творчества. В Новом Завете и, в частности, в Евангелии от Матфея, Иисус описан как выполняющий предсказание Старого Завета, и существуют свидетельства того, что Евангелие было отредактировано, чтобы усилить эту точку зрения.

Осознание этого может помочь объяснить некоторые места в Евангелии, которые нам кажутся непонятными.

Жизнь — это творческая активность. Нашу жизнь создают результаты выборов, которые мы делаем сами и которые делают другие, а также события, нами вовсе неконтролируемые. В свою очередь наши выборы влияют на жизнь других людей. Таким образом, наша жизнь это общественная импровизация. Временами наш выбор существенно ограничен, и мы в основном зависим от выборов, сделанных другими. Это бывает, когда мы еще очень молоды и пока не поняли, что можем, на самом деле, выбирать. Осознание этого становится для нас важным уроком, усвоенным в первые годы жизни. Наша способность выбирать дает нам преимущество перед другими людьми, дети этому учатся быстро.

Когда мы подходим к концу своей жизни, наши возможности выбора могут стать опять очень ограниченными в результате физической или умственной слабости. А для многих людей на земле голод и нехватка воды могут резко сузить границы возможного выбора. Но, не считая очень юных и, возможно, некоторых людей со значительно ограниченными способностями, мы все обладаем выбором того, как контактировать с другими людьми. Этот каждодневный выбор, касающийся взаимоотношений между людьми, может быть наиболее важный из тех, что мы делаем.

Когда мы говорим о Божьей воле, мы иногда подразумеваем, что каждый раз, когда мы должны сделать выбор, существует правильное решение или, по крайней мере, наиболее предпочтительное. Это языковое выражение подразумевает, что Бог знает правильное решение, в то время как наша задача раскрыть его. Загадка для нас состоит в том, почему так трудно определить, какое решение правильное. Почему часто так трудно сделать выбор?

Мне, как и многим другим Друзьям, чуждо представление о том, что Бог повелевает нам держаться определенного курса действий. Это не согласуется с моей точкой зрения на то, как Бог работает в этом мире. Поэтому, когда мы говорим о «поиске воли Бога», я понимаю это как указание на ту важность, которую мы придаем самому решению, а также на важность, которую мы придаем методу принятия решения. Если мы понимаем Бога, как созидательную творческую силу во вселенной, тогда «поиски воли Бога» или «молитва о правильном водительстве нас» являются описанием процесса, в котором мы стремимся присоединиться к творческой силе, именуемой Богом, с тем, чтобы решения, принятые нами, стали созидательными и творческими. Вдохновение может прийти извне, от других людей и из внутреннего впечатления (опыта), но в конечном итоге это наше решение. Его приняли мы.

> Мы музыки творцы,
> И грез создатели.
>
> Артур О'Шонесси «Ода».

Положена на музыку Эдуардом Элгаром[1]

Когда я в молитве просил направить меня в написании этой лекции, я не считал, что у Бога есть готовый для меня текст, который стоит только открыть. Тем не менее, я по своему опыту действительно верю, что есть слова, которые истинны и соответствуют поставленной цели. И то, что я буду сконцентрирован и открыт водительству Бога, поможет мне найти эти слова.

Опыт такого водительства может быть чрезвычайным. Конечно, большинство решений не являются важными, но часть сложной проблемы заключается в распознавании важности решения, кажущегося на вид неважным. Иногда

---

[1] Ода «Сочинители музыки» для солиста сопрано или меццо-сопрано и хора с оркестром, — *прим. пер.*

происходит смена системы взглядов и оценок, когда что-то, подразумевавшееся как само собой разумеющееся, признается знаменательным почином. Мы можем найти такие примеры в нашей собственной квакерской истории. Хорошо известен случай, описанный в «Дневнике» Джона Вулмана. Было ему тогда около 23 лет, и работал он продавцом и бухгалтером в магазине.

> Мой работодатель, имевший в собственности рабыню-негритянку, продавал ее, а мне велел оформить купчею (акт, подтверждающий рабство). Покупавший ее человек ждал. Все было очень неожиданно, одна мысль написать документ, подтверждающий рабство одной из моих ближних, была нелегка для меня. Но я еще вспомнил, что был нанят всего на год, и именно мой хозяин приказывает мне это сделать, а покупатель — пожилой человек, член нашего Общества. Таким образом, дав слабину, я уступил и написал то, что от меня требовали.
> Но исполнив это, я до такой степени расстроился, что высказал своему хозяину и Другу, что считаю рабство несовместимым с христианской религией. Это в некоторой степени облегчило мое смущение, однако почти всегда, когда я всерьез думал об этом, я приходил к мысли, что проявил бы большую убежденность, если б попросил освободить меня от этого действия, которое на самом деле противоречит моей совести. Спустя некоторое время после этого один молодой человек из нашего Общества попросил меня оформить акт, подтверждающий рабство мужчины — негра, недавно взятого в их дом. Я ответил ему, что мне нелегко это сделать, так как, хотя многие в нашем Обществе, как и в других, имеют рабов, я считаю эту практику неправильной и прошу освободить меня от написания акта. Я говорил с ним доброжелательно, и он ответил мне, что обыкновение иметь в собственно-

сти рабов противоречит и его убеждениям, но этот раб был подарен его жене и он уступил ей.

Джон Вулман — John Woolman, 1971, стр. 33

Мы можем многое извлечь из этой истории. Впервые рабство упомянуто в «Дневнике», но из этого сообщения мы можем заключить, что, несмотря на общепринятую практику рабства в Пенсильвании и даже среди Друзей, Джон Вулман был не согласен с ней. Возможно, ранее он не ощущал, что это касается его лично. А затем вдруг, совершенно неожиданно для себя, без всякого предупреждения он оказался перед необходимостью трудного решения. Отказаться писать купчую было бы очень трудно, и он почувствовал, что не способен сделать такой серьезный шаг, не раздумывая. Но он использовал возможность выразить свою позицию. Приняв решение, за которое ему было неловко перед самим собой, он не отстранился от проблемы, но думал о том, как ему следовало поступить, так чтобы он был лучше подготовлен, если подобная ситуация опять возникнет. И когда она действительно возникла, он был готов к действию, — хотя в данном случае решение стало более легким, так как он не был связан особыми обязательствами с обратившимся к нему с просьбой лицом, кроме, возможно, и немаловажных уз дружбы. Когда он сказал человеку, что не желает писать такой документ, то обнаружил, возможно, и к своему удивлению, что человек этот немного сконфужен и вынужден за приобретение раба извиняться. Так что на каждой стадии ответная реакция была созидательной. С нашей точки зрения, мораль ситуации ясна — но наша система взглядов совершенно иная, и путь к ней был проделан усилиями многих, включая Джона Вулмана. Семя, которое начало прорастать, когда Джон Вулман писал купчую на раба, дало растение, принесшее чудесные плоды уже при его жизни и после.

Чтобы быть готовым распознать существенное, даже в совершенно незначительном решении, следует жить в присутствии Бога, быть всегда открытым новому водительству, как это описано в последней главе. Это может выразиться в виде сомнений, испытываемых по поводу чего-то, сделанного нами. Действие может быть более или менее инстинктивно или бездумно. Тем не менее, размышления о нем, критическая оценка его в свете водительства Духа, которое мы осознаем, может привести в следующий раз к другой ответной реакции, как это случилось с Джоном Вулманом, или может привести к дальнейшему действию, как это случилось в свое время опять же с Джоном Вулманом.

Я нахожу, что есть сходство между принятием решения в контексте водительства Духа и попыткой решить математическую проблему. Пытаясь донести до студентов идею построения математического доказательства, я считаю полезным провести аналогию с поиском пути вверх на гору. Гора изначально существует сама по себе, и ваши исследования никак не могут ее изменить. Когда вы прокладываете путь в гору, то он неизбежно начинается со старта, и построение пути есть на самом деле просто акт узнавания, поиска этого пути. Тем не менее, хотя мы «просто» открываем, или распознаем, дорогу, действие это творческое. Вы можете прийти наверх иным путем, нежели я. Единственным критерием в математике служит то, что дорога должна следовать правилам логики, проходить путем истины. Выполняя математическое исследование, вы можете не знать, какой будет вершина. И таким образом, не только ваша дорога может быть отлична от моей, но и ваша конечная точка тоже может быть слегка в стороне от моей, и с нее вам откроется несколько иной обзор окружающего ландшафта. (Пожалуй, эта ситуация отличается от решения экзаменационного вопроса по математике, для которого у экзаменатора имеется уже готовый «типовой ответ».)

Сравнивая наши заметки, мы можем расширить дорогу и слегка удлинить ее. Действительно есть же общее совместное знание, и дороги, как в альпинизме, так и в математике, ранее рассматриваемые, как передовой край, нечто, требующее чрезвычайных усилий, стали почти обычным местом: сотни людей сейчас взбираются на Эверест; мы преподаем студентам университета математические предметы, которые казались экстремально трудными всего-то поколение назад. И из другой области — музыкальные фрагменты, которые считались неисполнимыми в то время, когда они были написаны, запросто исполняются сейчас.

Такая аналогия может быть полезна и тогда, когда мы делаем свой выбор как прожить нашу жизнь. В этом случае критерием приемлемости маршрута является его согласованность с правилами Духа и истинного Пути, и здесь, возможно, наиболее трудно быть в согласии с тем, удовлетворен ли критерий. Я вернусь к вопросу о наших авторитетных источниках — тема, которая порой составляет проблему для Друзей. Но иногда, кажется, вы просто знаете, что маршрут правилен. В ряде случаев при решении математической проблемы все внезапно встает на свои места, и вы поражаетесь, как же это просто. (Вспоминаю, что при выполнении своей исследовательской работы я испытал такое состояние только три раза, но это довольно часто случалось, когда я изучал работы других.) Даже еще не проверив все в деталях, вы понимаете, что это верно. Это как завершающая стадия составления из отдельных фрагментов сложного пазла, когда после мучительных усилий подогнать каждый фрагмент вы вдруг просто не успеваете достаточно быстро их складывать. Следует помнить, что, так же как в математике, иногда момент очевидной ясности может быть заблуждением. Вы должны всегда перепроверять свои жизненные решения. И все же, мы надеемся на эту ясность в наших жизненных выборах.

Существует также общее групповое знание. Сначала люди должны прилагать усилие, чтобы следовать примеру провидца, подобного Джону Вулману, затем при надлежащем течении событий последствия выбора, сделанного, казалось, с большим трудом, или, возможно, вовсе не осознанного в качестве выбора, становятся совершенно очевидными. Вспомните о нашем отношении к рабству.

Придем ли мы когда-нибудь к порядку вещей, при котором способы решения таких проблем, как наше распоряжение земными ресурсами, разрешение внутренних и внешних национальных конфликтов, справедливое распределение природных богатств, станут ясными? Я не думаю, что у Бога есть наготове «модель разрешения» этих проблем, но руководство Бога или водительство Духа предоставляют нам возможность находить созидательный ответ и оценивать свои собственные усилия. Может быть, мы не способны разрешить эти проблемы, но мы можем стремиться внести свой вклад в их разрешение.

Я когда-то выступал против точки зрения ортодоксальных христиан, которые считают, что жизнь Иисуса и его смерть некоторым образом трансформировали взаимоотношения между человечеством и Богом. Тем не менее, в контексте идеи группового знания это имеет некоторый смысл. Иисус показывает нам то, что может быть возможным. Его праведность и любовь предполагали, что он сможет принять собственную смерть без ненависти. И его смерть помогла нам изменить взгляд на мир. Она помогла всем нам стать верующими; и мы можем думать о многих других, кто принес себя в жертву, как это сделал он.

6.2 КОЛЛЕКТИВНОЕ ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ: КВАКЕРСКИЙ ДЕЛОВОЙ МЕТОД

Квакерское понимание божественного водительства и его применимости ко всему оказывает глубокое воздействие на то, как мы вместе принимаем решение. Наша процедура принятия решения обычно рассматривается как отличительная черта Религиозного общества Друзей. Друзья действуют демократически в том смысле, что право принятия решения ложится на людей в целом, а не в том, что каждый имеет равное право голоса.

Основополагающий принцип системы голосования состоит в том, что мнение каждого имеет одинаковый вес, а правильным решением является то, за которое высказалось большинство. Хотя возможно и более двух вариантов решения, тогда точность последующей процедуры значительно затрудняется, и математики с удовольствием анализируют эффект использования различных возможностей. Друзья отвергают этот путь принятия решений по ряду причин. Мы даже не стремимся к компромиссу, который минимизирует волнение. Мы полагаем, что если мы верим в групповой поиск, то сможем для данной группы людей в данное время найти верный путь.

Может быть полезным рассмотреть причины, почему мы не придерживаемся мнения большинства, поскольку время от времени возникает разочарование в квакерском методе ведения дел и поступают предложения использовать систему голосования, по крайней мере, при принятии повседневных решений. Вот что мы читаем в «Книге дисциплины» 1931 г.:

> На собрании по церковным делам и во всех случаях, когда возникают дела, требующие от Друзей реше-

ния, оно (решение) должно соответствовать корпоративному чувству собрания и не может быть просто желанием большинства.
Это наше свидетельство и наш опыт; он заключается в том, что мы получаем руководство во всех своих делах, когда ищем его, но его полное осознание порой требует размышлений и терпения. По этой причине, если Друзья видят, что они не согласны между собой, различные мнения надо выдвигать с откровенностью и сдержанностью, и всем следует искать нового руководства, которое бы могло привести их к единству.

«Церковное управление» — Church Government 1931, V.3

Голосование — очень эффективный способ принятия решений, особенно решений «да» или «нет». Тем не менее, оно отклоняется Друзьями по ряду причин.

Во-первых, голосование приводит к оборонительно-наступательным отношениям. Обычно большинство людей приходит уже со своим четким мнением. Построение дебатов позволяет представителям каждого мнения изложить свою позицию в надежде убедить людей без определенной точки зрения принять их сторону. Маловероятно, что те, кто отстаивают свое мнение, его изменят.

Во-вторых, голосование не поощряет творческий подход. Творческий подход требует от нас рассмотреть со всей серьезностью различные мнения и их взаимосвязь друг с другом. Голосование же побуждает людей быстро поддержать свою исходную точку зрения. Перед теми, у кого решение еще не сложилось, стоит задача просто составить свое собственное мнение.

В-третьих, меньшинство, которое поддержало проигравшую позицию, исключается из принятия решения. Их мнение никак не учитывается в решении.

И, наконец, то, что вытекает из этого — голосование

ведет к разделению внутри группы. Оно никак не укрепляет чувство общности и взаимоуважения.

В противовес этому, квакерский метод поиска чувства собрания можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, разглагольствование не поощряется. От привлеченных к подготовке предложения Друзей ждут, что они объяснят это предложение и его мотивы, но только в духе подачи информации. В таком же духе тот, кто находится в крайней оппозиции к данному предложению, должен объяснить свои доводы, однако не для того чтобы склонить других согласиться с ними, а только для предоставления информации.

Эмоции также не приветствуются, хотя признано, что люди иногда могут быть расстроены принятым решением или трудностью его достижения. Собрание будет обычно поддерживать того, кто явно чувствует себя несчастным.

Во-вторых, мы все участвуем в обсуждении правильного пути вперед. Это означает, что мы все в это время должны пытаться определить потребности и обязанности собрания и понять, к чему мы ведомы. Особое значение придается самому процессу, все присутствующие исполняются чувством сопричастности каждому моменту: слушание и поддержка Друга, который выступает; стремление разглядеть за его словами водительство; размышление в моменты тихого ожидания. В частности, каждый из нас должен тщательно обдумать, нужны ли собранию в данный момент слова, которые мы, возможно, хотим высказать, и находятся ли они в Свете. И если мы говорим, то говорим обоснованно, так чтобы сказать только то, что необходимо.

В-третьих, в окончательное решение включены все. Это не означает, что все с ним согласны, но каждый осознает, что это решение для собрания правильное. Оно сформулировано в протоколе, в котором отражено и мнение Друзей, не согласных с результатом, так что и они включены в него.

И, наконец, то, как мы решаем вопрос, является более важным, чем сам результат. Первичная задача обсуждения заключается в настройке группы, которая должна стать восприимчивой к водительству Духа.

> В лучшем случае квакерский метод не сводится к компромиссу. Не похоже, чтобы компромисс мог удовлетворить любого. Цель квакерского метода найти Истину, которая удовлетворяла бы каждого полнее, чем это делала любая выдвинутая ранее позиция. Каждый и все могут тогда сказать: «Это как раз то, чего я хотел, но не осознавал этого». Чтобы понять, чего мы действительно хотим (в сравнении с тем, что мы вначале думали о своих желаниях), нам нужно погрузиться под поверхность наших эгоцентричных желаний на более глубокий уровень, где находится наше истинное *Я*. У всех наиболее глубинное *Я* — это *Я*, которое мы разделяем со всеми остальными. Это одна виноградная лоза, ветвями которой мы все являемся, это жизнь Бога, на которой базируется наша собственная индивидуальная жизнь. Желать того, что желает Бог, следовательно, означает желать того, что мы действительно хотим.
>
> Говард Бринтон — Howard Brinton 2002, стр. 133

> В каком-то смысле окончательное решение собрания — это музыкальная композиция, в которую каждый участник вложил хотя бы одну ноту; и если утраченных нот много, тема теряет свою красоту и, даже возможно, становится неузнаваемой.
>
> Майкл Дж. Ширан — Michael J. Sheeran 1983, стр. 55

Есть существенное различие между методом Друзей, когда решение принимается путем поиска общей сути собрания, и принятия решения путем консенсуса. Это весьма тонкое различие, и я не уверен, что вижу его так же ясно, как это ясно Барри Морли в его памфлете, опубликован-

ном издательством Пендл Хилл. Автор представляет это различие таким образом:

> Консенсус достигается посредством процесса убеждения (аргументации), в котором здравомыслящие люди ищут удовлетворительного решения. Но мы в поиске на общем собрании открываем себя руководству, ведущему нас к совершенному решению в Свете, к месту, где мы сидим, как единое целое в совместном внутреннем Присутствии. Посредством консенсуса решаем мы сами, посредством общей сути собрания мы передаем вопрос, позволяя ему быть решенным…
>
> Консенсус — это продукт интеллектуального процесса. Суть собрания — это ориентация на веру.
>
> Барри Морли — Barry Morley 1993, стр. 5

Он полагает, что «суть собрания — это квакерский эквивалент причастию» (стр. 24).

У меня достаточно большой опыт в достижении решений с помощью консенсуса, поскольку множество университетских комитетов обыкновенно работает именно таким образом. Он действительно имеет некоторые черты квакерского метода, описанного выше. Более того, я считаю, что интеллектуальный процесс поиска консенсуса можно использовать как часть квакерского процесса принятия решения, в частности, если процесс затянулся на несколько месяцев и затрагивает различные группировки. Ключ к различию заложен в названии, данном Барри Морли: «*За пределами* консенсуса» (курсив мой), памфлет издательства «Пендл Хилл». Как правило, мы вынуждены выходить за пределы своего разума. Процесс, который приводит к наивысшему совпадению стартовых позиций участников, не будет созидательным, а именно к этому мы стремимся. Более широкое использование консенсуса для принятия решений в увеличенной по численности общине может стать проблемой для Друзей, так как это различие

не всегда улавливается вновь прибывшими. «Различие между духовным подходом и мирским зависит, главным образом, от понимания, отношений, намерений и открытости Духу тех, кто собрался» (Патриша Лоринг — Patricia Loring 1999, стр. 86).

Любопытно, но хотя считается, что метод принятия решения очень важен для нашей общинной жизни, история квакеров крайне мало говорит о его истоках и о том, насколько детально проводилось собрание по церковным делам в семнадцатом столетии. В мире элементы практики отличаются огромным разнообразием; наибольшие различия существуют между обычной практикой Друзей в Северной Америке, Британии и Ирландии.

Я полагаю, что квакерская практика основывается на более ранней практике сикеров[1]. Этой точке зрения придерживается Арнольд Ллойд:

> Наиболее вероятно, что квакерская процедура была сначала в практике сикеров, которые в их истинном смирении «не имея ни силы, ни способности идти один впереди другого из-за высокого положения или власти», смогли обеспечить идеальную почву для своих последователей, принявших практику сути собрания.
>
> Арнольд Ллойд — Arnold Lloyd 1950, стр. 24

Описание одного квакерского делового собрания оставлено нам Эдвардом Барроу, который в 1662 г. написал об основании мужского собрания в Лондоне: (6.1)

> Собрались, соблюдая порядок, не теряя время попусту, без излишних и непродуктивных дискуссий; продолжая путь к мудрости Бога… не по пути мирскому. Не как мирское собрание мужчин с его горячей полемикой, стремлением говорить лучше и превзойти

---

[1] Seekers (англ.) — «ищущие», религиозное течение в Англии первой половины XVII века, — *прим. ред.*

этим других в дискуссии, так как бывают разногласия между различными группами людей, или же две стороны ожесточенно пытаются добиться превосходства. Не путем отстаивания каких-то чисто мирских интересов в собственных целях; не решая дел путем большинства голосов или количества человек, как это делается в мире, который не имеет мудрости и силы Бога; ни одно из такого рода порядков не было допущено на ваше собрание. Но в благоразумии, любви и дружелюбии Бога, серьезно, терпеливо, мягко, в единстве и согласованности, подчиняясь один другому с мудрым смирением в сердце и полностью в Духе истины и праведности, все проводимые дела прослушивались, и решение каждого проводимого дела проходило в любви, невозмутимости и драгоценного единства. Я свидетельствую: как одна единая команда, всё для Истины Христа и для проведения работы Господа.

Абрам Робинсон Баркли (ред.). *Письма и пр. ранних Друзей* (1841, стр. 305); сокращенно в *Квакерской вере и практике*, 2.87

Этот отрывок цитирует Джек Доббс (2006, стр. 116). Но также он ссылается на мужское собрание Бристоля 1669 г. На нем вопрос о выборе нового дома собраний и о его бюджете был решен голосованием. И голосование было проведено по поводу письма-заявления на брак от Томаса Уайтхеда и Мэри Форест, поданного в 1697 г. Это показывает, что даже в семнадцатом веке, когда нужно было принять определенное решение, Друзья подчас испытывали трудности в достижении единства.

Ранние Друзья полагали, что руководство Духа, Внутреннего Света всегда есть истина: то есть оно непогрешимо. Вопрос однако состоит в том, как правильно распознать руководство Духа и при индивидуальном, и при корпоративном принятии решения. Майкл Ширан (1983, стр. 22) написал, что «Духовная проницательность — это способность

отличать верное водительство от неверного». Далее он переходит к обсуждению источников авторитета, которыми пользуются Друзья, включая Священное Писание, согласованность с Плодами Духа: «Но Плоды Духа — это любовь, радость, мир, терпение, доброжелательность, великодушие, верность, доброта, и самоконтроль» (Послание к Галатам 5:22) и сплоченное собрание. К этому перечню я мог бы добавить предшествующий опыт. Одним из поводов, приведшим к североамериканским разделениям девятнадцатого века, были разногласия по поводу того, какие источники авторитета следует считать первостепенными и, в частности, по поводу авторитета Святого Писания. Некоторые Друзья, попав под влияние евангелического возрождения, считали Библию первостепенным авторитетом, полагая, что Внутренний Свет просто помогает нам понять Святое Писание. Другие продолжали доверять Внутреннему Свету, а Святое Писание рассматривали, только как способ проверки подлинности полученного руководства (см. Бен Пинк Данделаен — Ben Pink Dandelion 2008, стр. 27—28, 43—44).

Способ, каким Друзья сообща принимают решения, считается наиболее отличительной стороной квакерства. Его корни заложены в нашем представлении о природе религиозного сообщества: как мы связаны друг с другом и с Богом. В том и состоит наш опыт, что групповое решение вопроса является действием богослужения, во время которого мы собираемся вместе, чтобы открыться присутствию Бога, открыть свое сердце и сердца других людей водительству Бога. Для того, чтобы принять действенное решение, членам группы следует быть в надлежащих отношениях друг с другом и с Богом.

Это касается даже незначительных решений. Обычно обсуждение времени проведения мероприятия не обходится без затруднений, так как любое возможное время будет для кого-нибудь неудобным, то есть кто-то из Дру-

зей будет неминуемо исключен; и поэтому способ, каким мы определяем решение, имеет очень большое значение. Хотя в подобном случае нам нужно выбрать для проведения мероприятия время, которое удобно для большинства, принять это общее решение следует методом Друзей.

Время от времени возникает необходимость принятия более важных решений. Наиболее трудные из них касаются имущественных и денежных вопросов. Я припоминаю несколько случаев, когда решение по поводу перестройки дома собраний оказывалось очень трудным. Страсти могут накалиться до предела, и порой бывает очень трудно следовать нашему подходу, о котором я говорил выше.

Значительные трудности возникают на уровне Годового собрания, отчасти из-за большого количества участников, а отчасти потому что Друзья мало знают друг друга. С другой стороны, поскольку Друзья собираются и пребывают вместе в течение нескольких дней, возможность для возникновения подлинной общности есть. На этом этапе, видимо, будет полезно рассмотреть, как мы справились с двумя вопросами, ставшими в последние годы серьезным испытанием для нашего Годового собрания. Поступая так, я сознаю, что в результате каждого из этих дел некоторые Друзья остались обиженными. Хочу быть тактичным и надеюсь не разбередить старые раны.

6.3 АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТА 1: ОТКАЗ ОТ УПЛАТЫ ВОЕННЫХ НАЛОГОВ

Вопрос надлежащего отклика на налогообложение, идущее на военные цели, был сложным испытанием для Друзей на протяжении большей части моей взрослой жизни. С принятия Закона о военной службе в январе 1916 г. и до прекращения воинской повинности в декабре 1960 г. беспокойство британских Друзей по поводу личного участия в войне фокусировалось вокруг призыва на военную службу. Тем не менее, для моего поколения британских Друзей призыв уже перестал быть проблемой.

В 1960-е гг. возникло понимание того, что характер войны для Британии изменился. Будущие войны, по-видимому, требуют значительно меньших людских ресурсов, но экстремально дорогой боевой техники. Это означало, что взнос, который большинство из нас вкладывало в подготовку к войне, производится через налогообложение.

В июле 1978 г. Стенли Кибл зачитал Собранию в поддержку страждущих записку от Корнуольского месячного собрания с предложением ввести «мирный налог». «Персонального отказа участвовать в военных действиях недостаточно, на нас ложится прямая ответственность за колоссальные военные приготовления, которые мы оплачиваем через налоги. Необходимо найти способы отказаться оплачивать войну, а соответствующую долю наших налогов направлять на мирные цели» (летнее Собрание в поддержку страждущих 1978 г. в *Документах Лондонского Годового собрания*, 1979 г., *London Yearly Meeting Proceedings*, 1979, стр. 42—43). Чтобы это стало возможным, Друзьям предлагалось начать кампанию, направленную на изменение закона. Собрание в поддержку страждущих «горячо поддержало основную идею записки и поручило Корну-

ольскому месячному собранию вместе с Комитетом мира и международных отношений продолжать изучать возможности такой кампании». Это привело к длительному периоду консультаций в рамках Годового собрания. В феврале 1981 г. квакерский Комитет мира и служения доложил Собранию в поддержку страждущих, что в то время как поддержка делу от месячных собраний была повсеместной, «степень их энтузиазма очень различалась» (*Документы Лондонского Годового собрания*, 1981 г., стр. 34). Трудности возникли в использовании фондов Годового собрания для поддержки политической кампании в виду нашего благотворительного статуса, и оказалось, что лучше было организовать независимую кампанию «Налоги на мир», которая по возможности включала бы также и не квакеров. Она была учреждена позднее в этом же году, с некоторой поддержкой от неблаготворительных фондов Годового собрания. Эта организация, ныне называемая *Совесть: Кампания за мирный налог*, работает до сих пор и поддерживается Друзьями в индивидуальном порядке. Ее последние отчеты указывают на неуклонный прогресс. Так, более чем 50 членов Британского парламента, включая Канцлера казначейства «теневого кабинета», поддерживают кампанию.

Тем не менее, в 1982 г. на уровне Годового собрания фокус внимания к этому вопросу кардинально изменился. 12 марта 1982 г. Собрание в поддержку страждущих получило письмо «от неких 25 сотрудников Дома Друзей… с просьбой к Собранию в поддержку страждущих, как к своему работодателю, содействовать им в качестве свидетеля путем неуплаты части подоходного налога (PAYE)[1]. Направленная на внесение изменений в закон,

---

[1] PAYE (pay-as-you-earn) — система уплаты подоходного налога одновременно с выплатой зарплаты; производится работодателем

эта акция сознательного протеста, таким образом, получила бы правовое признание» (6.2). Это стало стартом очень длинного пути, начиная с первых весьма детальных обсуждений данного вопроса на Собрании в поддержку страждущих и Годовом собрании. Несомненно, главной трудностью было то, что, согласно налоговой системе, именно работодатель отвечал за уплату подоходного налога наемного работника. Тем не менее, после долгих размышлений, включая даже на одной стадии черновую записку от клерка, который зарегистрировал четко выраженное решение удержать налог в следующем налоговом году, собрание утвердило оказать поддержку в принципе и назначило группу для рассмотрения дальнейшего продвижения дела.

Дело вернулось на рассмотрение Годовому собранию в мае 1983 г. Большой дом собраний был заполнен полностью. Протокол завершался так:

> Вопрос одобрить или не одобрить отказ от налогообложения, как выражение позиции против вооружения, не стоит перед Собранием в поддержку страждущих. Не является также его задачей выразить общее мнение по поводу этого действия. Собранию в поддержку страждущих предлагается публично засвидетельствовать духовно укоренившееся среди квакеров убеждение о том, что бывает такое сознательное восприятие христианского смирения, которое превалирует над официальными обязательствами христиан соблюдать мирской закон.
> Мы осознаем сложность данной проблемы, но благодарим наших Друзей за выражение их обеспокоенности. Нам бы не хотелось поддерживать краткосрочный жест на публику, и мы сознаем, какое бремя легло бы на плечи Собрания в поддержку страждущих и его членов при долгосрочном свидетельстве.
> У некоторых Друзей есть мысленные запреты, мы

должны быть деликатными по отношению к ним. Следование курсу действий, который призвано принять Собрание в поддержку страждущих, может быть опасным и может быть ошибочным. Но мы должны набраться смелости и быть готовыми нести риски и ответственность за следование руководству совести.

Мы благодарим Собрание в поддержку страждущих за то, с каким благоразумием и как глубоко оно до сих пор рассматривало это дело. Мы приветствуем согласие Собрания в принципе поддержать этот вопрос. Мы выражаем Собранию в поддержку страждущих нашу молитвенную и полную любви поддержку в продвижении этой заботы.

Мы живем в тени смертной, но мы также живем в пророческой силе Христа, чей дух направляет нас.

Следуя этому пожеланию, Собрание в поддержку страждущих после еще двух длительных рассмотрений постановило «для проверки закона» удерживать часть подоходного налога с тех служащих по найму, кто пожелает быть включенным в данную акцию. Следствием этого было появление клерка и помощника клерка Собрания в поддержку страждущих — Берил Хиббс и Мейси Бирмингем — в Государственном суде мэра и города Лондона во вторник 22 января 1985 г. Судья постановил оплачивать налог. В июне апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование, а в сентябре Собрание в поддержку страждущих получило уведомление, что апелляционный комитет при Палате лордов отклонил петицию в ее поддержку. На этом этапе Собрание в поддержку страждущих постановило, что налог следует платить, но что нужна «новая группа, чтобы придумать иные способы, которыми можно было бы поддержать сознательный протест штата служащих».

Этот вопрос продолжал находиться под неуклонным вниманием Друзей. Вновь он был обсужден на Годовом собрании 1987 г., чей протокол содержал такие слова: «Мы побуждены Духом Божьим без малейших колебаний сказать, что нам нужно поддержать право на протест совести против уплаты налога на военные цели». Тем не менее, Собрание в поддержку страждущих впоследствии столкнулось с огромными трудностями в поиске путей продвижения вперед. Вот что содержится в его докладе Годовому собранию в 1989 г.:

> Собрание сознает (в октябре 1988 г.) свою нерешительность в шагах по выполнению задачи, поставленной в протоколе Годового собрания 1987 г. Пока тот взгляд на проблему, который поддерживается Годовым собранием, не будет воспринят нашими местными собраниями, продвижение вперед будет крайне затруднительным... Собрание молилось о том, чтобы ему было дано верное водительство, так как оно стремится быть верным опыту Годового собрания 1987 г.
>
> *Документы Лондонского Годового собрания*, 1989 г., стр. 97

Но еще до того, как прошло Годовое собрание 1989 г., в марте Собрание в поддержку страждущих опять решило не платить налог. «Поскольку мы пришли к пониманию и ощущению своего места и служения в этом мире, мы восприняли явное указание на то, что у нас нет альтернативы — и мы должны, всеми возможными силами, поддержать наших наемных служащих отказом от уплаты соответствующей доли подоходного налога». Детали того, как это следует осуществить, были еще не ясны. В мае была назначена новая группа, журнал «Френд» характеризует ее скорее как «боевую группу», чем «успешную и исполнительную», так как из протоколов месячных собраний, полученных вслед за мартовским решением, было ясно,

что волнений очень много («Френд» 1989, стр. 591*)*. В июле было предложено удерживать ту часть подоходного налога, которая представляет собой налог на военные расходы, и платить ее заинтересованным служащим (работникам по найму) в добавлении к окладу. Согласно юридической консультации, это создавало скорее прецедент «неподчинения закону», а не его «нарушение». Тем не менее, стало ясно, что этот путь невозможен, так как задевает совесть тех сотрудников из финансового штата, которые полагают, что не могут отдать невыплаченный налог кому-то еще, а менее всего — самому работнику.

В октябре 1990 г. Собрание в поддержку страждущих получило предложение о том, что «шагом вперед может быть рассмотрение нашего участия в пользовании благосостоянием нашей нации для военных целей из-за требования закона собирать подоходный налог с наших наемных работников. Собрание единодушно выразило протест против нашего совместного вовлечения в подготовку к войне в качестве собирателя налогов» (*Документы Лондонского Годового собрания*, 1991 г., стр. 36—37). Соответствующим образом в сентябре 1991 г. это привело к решению «добровольно отказаться от уплаты той части подоходного налога, удерживаемого с заработных плат всех наших служащих по найму, которая относится к военным расходам» (*Документы Лондонского Годового собрания*, 1992 г., стр. 37). Тем не менее, в ноябре до того как это действие можно было осуществить, собрание узнало, что «некоторые штатные сотрудники Дома Друзей очень сильно волнуются по поводу предлагаемой акции, а также отсутствия консультации» и, соответственно, не способны к такому шагу. В декабре после еще одного длинного разбирательства собрание «почувствовало неспособность продвигать принятое в сентябре решение и постановило, что вместо этого каждый месяц, клерк будет направлять в Управление налоговых сборов письменный протест в отношении способа, каким система

сбора налогов (PAYE) лишает человека возможности действовать по своей совести». Протокол включает слова:

> Сегодня здесь многие из нас чувствуют, и многие другие Друзья будут ощущать огромное разочарование из-за того, что это все, что мы можем сделать. Нас принудили смириться с огромными страданиями мира, которые происходят, как следствие заблуждения о том, что война и насилие могут быть решением проблем. Дух Христа неизменен, и наша непоследовательность отражает неспособность услышать его должным образом. Давайте постараемся углубить нашу общую жизнь, чтобы в будущем мы стали способнее разглядеть действие, к которому призваны.

Это было мое последнее заседание в качестве клерка Собрания в поддержку страждущих после семи лет за столом, пять из них в качестве клерка. На моем первом собрании за столом мы получили сообщение о явке в суд Берил Хиббс и Мейси Бирмингем. Последним моим действием в качестве клерка было написание первого из писем, которые, как было принято, следовало посылать в Управление налоговых сборов (см. *Квакерская вера и практика*, 24.19). Отсылка писем продолжалась несколько лет, пока в 1993 г. Годовое собрание ни согласилось, что будущие действия примут форму кампании по выборам в парламент, предпринимаемой отдельными Друзьями, что, по сути дела, было возвратом к образу действий кампании мирного налога. Этот вопрос опять возник на Годовом собрании в 2001 г. после того, как три сотрудника штата попросили Собрание в поддержку страждущих составить заявление правительству, направленное, в частности, на введение Европейской Конвенции по правам человека в британское законодательство через Закон о правах человека. При поддержке Годового собрания такое заявление было составлено, но оно не было принято к рассмотрению.

Могло показаться, что это означает полный провал. Никаких изменений в законе не произошло. И хотя столько времени было потрачено на разбор этого вопроса, очень редко случалось, чтобы мы соглашались на совместные действия. А когда мы соглашались на какие-то действия, со стороны не привлекавшихся к рассмотрению Друзей часто поднимался шум о том, что акция слишком ничтожна или неправильна, что выявляло беспокоящее отсутствие доверия к нашим начинаниям.

Но в то же время это свидетельство великой преданности, с которой мы на протяжении более 20 лет стремились поддержать Друзей, обладающих ясным восприятием персонального водительства. Мы многое узнали о своей ответственности, как работодателей. У каждого из участвовавших в этом процессе бывали моменты, когда нам хотелось, чтобы забота просто ушла. Однажды закон был на рассмотрении в суде, там подтвердилось насколько трудно найти пути продвижения вперед. В 1989 г. и еще раз в 1991 г. мы принимали решение о порядке действий, но затем, в связи с доступом к расширенной информации, изменили решение в обоих случаях, согласуясь с требованиями совести штатных сотрудников. Со временем этот вопрос на Годовом собрании перестал фокусировать на себе общее внимание Друзей. Но мы все благодарны Друзьям, которые продолжают действовать в этом направлении, а также и тем Друзьям, которые сообща или индивидуально продолжают выражать другими путями свой протест военным приготовлениям.

6.4 АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТА 2: ЧЛЕНСТВО В СОВЕТЕ ЦЕРКВЕЙ БРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ

Анализ первого прецедента был связан с проблемой, когда общему собранию Друзей надо было рассматривать меру нашей ответственности в отношении вопроса индивидуальной совести. В качестве второго примера я рассмотрю ситуацию, когда общее собрание должно дать четкий ответ: да или нет. Случаи, подобные этому, требуют определенного решения, и часто для Друзей они наиболее трудны.

Вопрос о вхождении Лондонского Годового собрания в Совет церквей Британии и Ирландии (СЦБИ) и в объединенные национальные вселенские организации Англии, Шотландии и Уэльса был главным на двух Годовых собраниях: в 1989 г. на собрании с проживанием в Абердине и в 1997 г. опять же на собрании с проживанием, на этот раз в Аберистуите. (6.3)

Проблемой для Годового собрания было основание для членства в предполагаемой новой организации. Лондонское Годовое собрание ранее было ассоциированным членом Совета церквей Британии (СЦБ). Эта форма членства не требовала принятия основания для членства, но давала право полноценного участия на всех уровнях. СЦБИ был образован в результате длившегося шесть лет межцерковного процесса, с целью создания вселенского органа, который включал бы Римско-католическую церковь, церкви чернокожих и пятидесятников. Они не были членами СЦБ. Друзья активно участвовали в этом процессе. Мы узнали, что большинство церквей смогло бы присоединиться к организации, основу для членства которой мы бы расценили как при-

надлежность к христианству. Основанием для СЦБИ должно было быть следующе:

> Совет церквей Британии и Ирландии (ранее известный как Совет церквей Британии) — это ассоциация церквей Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также Ирландской Республики, которые признают Господа Иисуса Христа, как Бога и Спасителя, согласно Святому Писанию и поэтому стремятся выполнять общее предназначение славить единого Бога, Отца, Сына и Святого Духа.
>
> *Документы Лондонского Годового собрания*, 1989 г., стр. 51

Осведомленные о нашем свидетельстве против догм, другие церкви включили в статью членства в структуре СЦБИ и второе условие получения членства, а именно:

> Пункт 2 (b). Церковь, которая в принципе не имеет заявлений веры в своей традиции и, таким образом, формально не может подписаться под установками веры в этом Основании (Основном документе) может, тем не менее, подать заявление и быть принятой в качестве полноправного члена при условии, что она по мнению тех церквей-членов, которые подписались под этим Основанием, доказывает свою веру в Христа, какой она засвидетельствована в Писаниях, и приверженность задачам и целям нового экуменического органа, и что она будет действовать в духе Основания.

От комитета по христианским взаимоотношениям через Собрание в поддержку страждущих поступила четкая рекомендация Годовому собранию подавать заявку на вступление. Однако для Годового собрания это оказалось непростым делом. Друзья, вовлеченные в национальные экуменические отношения, были в восторге от тех возможностей, которые предлагала новая органи-

зация, к тому же они признали «поступком любви» (Собрание в поддержку страждущих внесло это в свой протокол) предложенный нам пункт 2 (b). Тем не менее, другие Друзья были обеспокоены тем, что пункт 2 (b) запутывает вопрос. Это не значило, что мы просто возражаем в принципе против основополагающей доктрины. Эти Друзья посчитали невозможным соотнести свою веру с языком Основания или пункта 2 (b). В конце концов, некоторые Друзья не стали бы характеризовать себя как христиан. Комитет по христианским отношениям пытался успокоить этих Друзей, уверяя, что пункт 2 (b) — это попытка описать то, как другие церкви воспринимают нас, а не то, как мы видим себя сами. Но настораживало то, что другие церкви могут в реальности не представлять себе, кто мы есть!

Здесь не место для более детального рассмотрения этой проблемы. Мне интересно то, как мы справились с ней. На годовых собраниях с проживанием возникают свои особые трудности: количество участников на них больше, чем обычно (примерно тысяча Друзей и более), Друзья встречаются в необычном для них окружении, для многих годовое собрание в новинку, и, может быть, у них весьма ограниченный опыт процесса принятия решения Друзьями из-за недостаточного посещения в большинстве местных деловых собраний. В Абердине было еще и дополнительное затруднение: поскольку Зал Музыки, где проходило заседание, находился в центре города, на некотором расстоянии от университета, где Друзья остановились; каждый день проводилось только одно трехчасовое заседание. Было решено, что на начальной сессии Годового собрания вопрос о СЦБИ будет поднят выступлением Друга, определяющим аспекты предложений, по которым Друзья высказали сомнения. Затем, еще прежде, чем вопрос будет решаться собранием, Друзьям будет предоставлена возможность обсудить детали в груп-

пах по интересам. Вся дневная сессия в четверг была оставлена для рассмотрения данного вопроса.

Помню, это было непростое заседание. Из нескольких тысяч присутствовавших на собрании Друзей мало кто был в состоянии выступить; было похоже, что многие, ощутившие побуждение высказаться, не будут вызваны, чтобы это сделать. В данном случае при достижении решения было допущено некоторое давление из-за графика СЦБИ. Многие Друзья, без сомнения, пришли уже с каким-то предпочтительным мнением.

Такие обстоятельства затрудняли принятие хорошего решения. Сути собрания было трудно вырасти. Тем не менее, решение подать заявку на членство в СЦБИ было принято, и кажется, что клерк правильно различил суть собрания. При решении типа «да/нет», вероятно, найдутся некоторые Друзья, которым трудно пережить результат, даже если они согласны с тем, что суть собрания была угадана правильно. Важно всегда отметить этих Друзей в протоколе. В данном случае в протокол внесли следующее:

> Мы осознаем, что присоединение к этим организациям не может само по себе дать нам обновленные духовные силы; эти силы приходят из другого источника и становятся доступными нам на наших собраниях и в нашей работе, а также и в составе новых структур, если мы внимаем Богу и верно слышим водительство Духа.
>
> Мы осознаем, что получили доверенность на драгоценную часть Божьей истины, и наша обязанность — следить, чтобы этот дар не был зарыт в землю, но послужил более широкой цели Бога в отношении христианских церквей. Это решение более тесно работать с другими христианскими церквями ни в коей мере не умаляет значение, которое мы придаем всем Друзьям, их проницатель-

ности и приверженности Религиозному обществу Друзей.

Ясно, что некоторые Друзья еще колеблются. Присоединение к новой организации — это новый шаг, который через нашу сокрушенность, может привести нас и наших братьев и сестер в других церквях к более тесному и более активному служению Богу.

Документы Лондонского Годового собрания, 1989 г., стр. 298

Конечно же, некоторые Друзья ушли с этого собрания огорченными, возможно, даже ощущая, что принятие решения было вынужденным. Всем нам трудно освобождаться от наших предвзятых представлений. Без сомнения, были Друзья, придерживающиеся разных точек зрения, и их ожидания не оправдались. Дисциплина заключается в том, чтобы стремиться к единству и быть готовыми принять возможное изменение точки зрения. В журнале «Френд» было напечатано, что один из Друзей, который был крайне недоволен планами вступления в СЦБИ и «не посчитал тогда возможным достичь полного единодушия, почувствовал, что Друзьям следует принять членство от лица всех» («Френд», 1989 г., стр. 1060). Так мы получили возможность дальнейшего движения.

В подобной ситуации очень важно, что происходит потом. Когда принимается решение, из-за которого некоторые люди чувствуют себя подавленными, важно поддержать этих ущемленных Друзей. Это оказывается трудным, когда решение принимается на уровне Годового собрания; и нам приходится верить, что Друзья найдут необходимую им поддержку в своих местных собраниях.

Наша заявка на членство в СЦБИ была принята на инаугурации новой организации в 1990 г. (6.3) Друг Кристина Дэвис, была назначена одним из шести президентов новой организации. В течение этого периода Комитет по христианским отношениям (КХО) посещал местные со-

брания, оказывая им помощь в рассмотрении соответствующих вопросов. Комитет доложил Годовому собранию в 1991 г., что «многие Друзья очень сильно хотят, чтобы люди из других церквей и за их пределами воспринимали основу членства Лондонского годового собрания, как не связанную с основами веры, и каждому из нас важно знать, что они это поняли. Пока они все еще убеждены в этом, однако КХО надеется, что большинство Друзей уже готово воспользоваться возможностью членства, чтобы свидетельствовать о квакерском понимании христианского учения (*Документы Лондонского Годового собрания*, 1991 г., стр. 79) В 1992 г. Комитет доложил Годовому собранию, что «некоторые Друзья продолжают оставаться в глубокой оппозиции к членству Лондонского Годового собрания в новой экуменической организации. Горечь, с которой подчас выражалось это мнение, доставляла нам большую боль, и мы продолжали, когда нас об этом просили, встречаться с Друзьями на местах, помогая всем нам прийти к лучшему пониманию соответствующих вопросов» (*Документы Лондонского Годового собрания*, 1992 г., стр. 84—85).

В феврале 1992 г. Собрание в поддержку страждущих получило записку от одного месячного собрания с требованием пересмотра членства Годового собрания в СЦБИ, но внесло в протокол мнение, что подходящее для этого время настанет тогда, «когда мы будем иметь больше опыта совместной работы». Несколько месяцев спустя был получен протокол общего собрания, «указывающий на то, что бедственное положение и разногласия внутри нашего Годового собрания являются следствием нашего членства в СЦБИ». Собрание внесло в протокол: «необходимо проявлять участие друг к другу, и необходим любящий контроль» (*Документы Лондонского Годового собрания*, 1993 г., стр. 55). В 1993 г. Собрание в поддержку страждущих договорилось, что, начиная с 1996 г., будут выходить обзоры

по нашему членству в СЦБИ (*Документы Лондонского Годового собрания*, 1994 г., стр. 41). Интересно, что в течение этого периода КХО посвящал больше времени межрелигиозной работе, а в 1994 г. он был переименован в Квакерский Комитет по Христианским и Межрелигиозным Отношениям (КХМО).

В 1997 г. группа, назначенная Собранием в поддержку страждущих для критического рассмотрения нашего членства в СЦБИ, представила доклад Годовому собранию. На этот раз все происходило на местном собрании в Аберистуите. В этом докладе Британскому Годовому собранию (как оно сейчас называется) рекомендовалось и «далее сохранять свое членство в СЦБИ» (*Документы Британского Годового собрания*, 1997 г., стр. 164). Тем не менее, «существующее соглашение о нашем членстве в СЦБИ признавалось неудовлетворительным». Внимание обращалось на то, что «с принятием членства пунктом 2 (b) мы подписались под Основанием и правилами и тем самым приняли религиозное кредо». Было сделано предложение начать дискуссию с СЦБИ по вопросу соглашения о членстве. Итогом прошедших на Годовом собрании обсуждений было решение остаться в членах СЦБИ, «невзирая на несовершенство положения». Тем не менее, при рассмотрении наших сомнений, протокол не пошел так далеко, как доклад; нашим представителям в СЦБИ поручалось:

> Передать, что нас не может не тревожить то, как они описали нас. А то, что они расценивают, как утверждение веры, для других может оказаться исключающим.
>
> Одно из наших свидетельств заключается в поиске того, что стоит за словами — чего-то более глубокого. Мы чувствуем призыв осознать, что доминирование формулировки пункта 2 (b) СЦБИ может привести к отношениям, где главенствует буква. Вместо этого мы прилагаем все усилия, чтобы жить в духе, кото-

> рый направляет нас к тому, чтобы отодвинуть это доминирование на задний план и принять наше ныне действующее соглашение о членстве в духе великодушия, в котором они и были даны.
>
> *Документы Британского Годового собрания*, 1997 г., стр. 274

Некоторые остались обиженными и после этой сессии. Меня особенно обеспокоило то, что, когда на веселом представлении в последний вечер Годового собрания Друг представил замечательную пародию «2 (b) или не 2 (b)», некоторые Друзья оскорбились и расценили ее, как насмешку над их переживаниями, чего ни у кого в намерениях не было. В то время я и не предполагал, что второе рассмотрение Годовым собранием продвинется намного дальше, чем первое. Но теперь, снова перечитав протокол, я поразился тому, что Годовое собрание действительно в этом вопросе двинулось вперед. Впоследствии КХМО продолжал работать по экуменическим и межрелигиозным вопросам непосредственно с местными собраниями.

Здесь опять, как и в случае вопроса о налоге на военные расходы, мы видим, что Годовое собрание, столкнувшись с реальными разногласиями между Друзьями, пыталось сохранить единство, но в этом случае оно было сильнее сфокусировано на вопросе, так как он касался решения типа «да/нет».

Анализ обоих случаев продемонстрировал, что поиск водительства Духа — это процесс, не завершающийся никогда. В каждом случае, на каждой стадии собрание сознавало несовершенство своей позиции. Перед любым деловым собранием стоит задача угадать способ продвижения вперед именно для этого собрания и именно в это время.

> Когда мы находимся в поиске сути собрания, мы позволяем себе быть направляемыми на решение, которое нас ожидает. В этом процессе мы полностью

> отдаемся нашей высшей натуре и распознаем тот единственно существующий Свет, даже если каждый из нас охвачен светом. В конце процесса мы пребываем в этом Свете. Мы позволяем ввести себя в трансцендентное состояние безошибочной гармонии, мира и нежной любви.
>
> Барри Морли, 1993 г., стр. 12

Тем не менее, любое решение является предварительным, так как мы должны быть открыты новому водительству. Это не означает, что решение можно постоянно подвергать сомнению. Соблюдение дисциплины каждым из Друзей, верящих в то, что собрание было проведено правильно, заключается в согласии с решением, принятым от нашего лица, даже если мы не были в состоянии присутствовать на собрании или нам не совсем нравится его результат. Не следует необдуманно и поспешно сомневаться в решении и снова возобновлять вопрос. Если Друг чувствует, что получил иное водительство, которое может продвинуть тему, тогда это водительство следует тщательно рассмотреть, прежде чем поднять вопрос. Это личное решение, принятие которого требует осторожности. И этот аспект я рассмотрю далее более детально.

6.5 ПЕРСОНАЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

Если мы согласны с тем, что у нас есть свобода воли, тогда это означает, что мы идем по жизни, принимая решения. Большинство этих решений сравнительно незначи-

тельны. Например, когда вставать, что есть на завтрак, как доехать до работы, как приветствовать соседа, встреченного на улице. Многие из этих решений принимаются в той или иной степени без раздумий, поскольку, если бы мы осознанно принимали решения по поводу каждого нашего действия, было бы очень трудно функционировать.

Ранее в §3.5 я уже высказал свое мнение о том, как наша генетическая структура и воспитание влияют на наше принятие решения. Я доказывал, что свобода воли существует. При обсуждении вопроса о свободе воли Роберт Кейн выделил несколько ее типов (2005, глава 14). Основная (базовая) свобода или то, что он называет «свободой самореализации», по существу является правом делать то, что вы хотите — это свобода действия. Остальные касаются вашей свободы принимать решения. В частности, он разграничил «свободу самоопределения», которая выражается в свободе принятия ответственности за ваше решение, и «свободу собственного формирования», то есть свободу формировать свою личную волю — формировать свой личный характер, стимулы, делать себя той личностью, которой вы и являетесь.

Последняя свобода, по-видимому, очень сильно связана с духовной дисциплиной — с тем, как мы воспринимаем наш стыд и учимся выбирать добродетель. Например, мы должны в себе культивировать такое отношение к другим людям, при котором в условиях, когда мы вынуждены очень быстро принять решение, которое не оставляет нам времени на какие-либо размышления, наши действия были бы направляемы Духом. Инстинкты самосохранения и заботы о собственных детях могут привести нас к применению силы, тогда как, если мы приучили себя к отказу от применения насильственных действий, наша ответная реакция может быть несколько иной.

Некоторые из наших сравнительно незначительных каждодневных решений могут быть приняты в контексте

их большей или меньшей значимости. Мы решаем, как нам добраться до работы, в контексте брать или не брать машину (то есть, это становится выбором одной из возможностей). Решение, где мы будем жить, в действительности определяется рядом возможностей, которыми мы располагаем. Выбор того, что есть за завтраком, принимается в контексте решения не стать ли нам вегетарианцами, или даже веганами (строгими вегетарианцами) — или же употреблять или не употреблять пищу, которая длительно транспортировалась (каждое из предшествующих решений определяет ряд имеющихся возможностей). Конечно, эти более значительные решения могут приниматься осознанно, а могут и неосознанно. Я должен признаться, что никогда в действительности не думал о том, чтобы приобрести машину, потому что никогда не посещал занятия по вождению. И на тот случай, если это заставляет меня казаться добродетельным, мне следовало бы признать, что я никогда в действительности не думал о том, следовало мне быть вегетарианцем или нет (хотя я полагаю, что если бы я хорошо подумал об этом, я мог бы решить, что следовало).

Другие решения определенно требуют каких-то мысленных усилий. Некоторые из них могут быть очень трудными. Среди них могут быть решения, относящиеся к повседневным событиям: например, когда вас останавливают на улице и просят дать денег. Я рационально и обдуманно могу решить, что давать деньги таким способом — плохая идея, и могу определить для себя, как поступить. Но почти всегда такие случаи ставят меня в трудное положение, отчасти потому, что я представляю себя выносящим вердикт о том, что было бы лучше для кого-то еще («возможно, ему нужны деньги только для того, чтобы купить себе спиртное, которое не пошло бы ему на пользу»). Кроме того, будучи очень осторожным, я знаю, что не следует давать себя втягивать в то, с чем я не смогу справиться, и для чего у меня

нет времени. У Христа, казалось, всегда было время для людей, но у него не было работы, он не был отягощен ответственностью за семью, и уж во всяком случае, он не располагал большими деньгами. Что у него только и было — так это время и дружеское расположение, их он и предлагал. Вечная занятость является проблемой нашей жизни. Из нас многие могли бы несколько снизить свою загруженность.

Но для этого надо решить вопрос о том, как проводить свое время. Если слишком много времени посвящать своим обязанностям и, соответственно, «загружать себя сверх головы», то можно лишиться способности реагировать на требование момента. В университете у меня много обязанностей, в том числе и обязанности директора бакалавриата факультета математики. Тем не менее, я принял за правило, что если порог моего кабинета переступают студенты, с какой-либо надобностью, то я должен сесть и слушать их (если это вообще возможно), как если бы все время мира было в моем распоряжении. Обязанности преподавателя должны стоять на первом месте, поэтому я могу назначить для встречи с ними другое время, но это должно быть, по возможности, в тот же день. На факультете получает высшее образование почти тысяча студентов, и поэтому я не могу знать их всех. Соответственно, для меня очень важно индивидуально уделять время каждому студенту, когда ему это потребуется.

Что вы делаете, когда вас просят взять на себя какую-то обязанность? Эта дилемма встает перед большинством Друзей, так как перед нами стоит много задач, которые требуют выполнения, а людей для этого не так уж много. Когда вас просят что-то сделать, перед вами встает три вопроса: во-первых, способны ли вы сделать то, о чем вас просят, во-вторых, есть ли у вас время сделать это, и, в-третьих, хотите ли вы это сделать. Если предложение приходит от квакерского Комитета по выдвижениям, то ответ

следует давать обоснованный, как этого требует наш подход к распознаванию.

Второе решение, касающееся времени — обычно именно то, что вы принимаете в первую очередь, ведь Комитет по выдвижениям может не знать всех ваших обязанностей.

Тем не менее, если предложение исходит от квакерского комитета по выдвижениям или равноценного ему органа, сомневаться по поводу вашей способности, вообще говоря, уже не ваше дело. Это обязанность комитета. Так, когда мне поступило предложение стать клерком Собрания в поддержку страждущих, а до этого самой большой группой, в которой я был клерком, оставалась группа кембриджских молодых Друзей, я решил довериться комитету по выдвижениям, хотя самому мне казалось невозможным представить себя в этой роли. А недавно меня попросили сделать эту Свортморскую лекцию, и я про себя опять подумал — что за странный выбор. Лето 2006 г. я провел в обдумывании этого предложения. Но я должен был доверять комитету, который, в конце концов, делает только одно назначение в год, и будет рассматривать его (мое назначение) тщательно; и я должен был верить их заключению, что мне есть, что сказать — даже несмотря на то, что меня почти каждый день с тех пор обуревали сомнения. Выполняя работу клерка, вы накапливаете опыт и таким образом учитесь ее выполнять. Но никто из нас не читает Свортморскую лекцию дважды (не считая Руфуса Джонса).

Такой подход налагает большую ответственность на комитет по выдвижениям. Человек, к которому обращаются с предложением, должен чувствовать уверенность в том, что члены комитета выполнят должным образом свою работу, стремясь с молитвой распознать как скрытый дар людей, которых они рассматривают, так и проблематику заданий. Поэтому очень важно, чтобы комитет распола-

гал временем, достаточным для выполнения своих обязанностей в полной мере.

Раз вы определили для себя, что вы должны доверять заключению комитета по выдвижениям о ваших способностях, и вы располагаете временем, ответ на третий вопрос будет ясен. Вам следует согласиться выполнить задание, каким бы устрашающим оно ни казалось.

Наконец, бывают случаи личной заинтересованности, когда кто-то чувствует сильный внутренний позыв сделать то, что порою бывает сделать трудно. Хотя у меня самого такого опыта не было, но я рассмотрю в конце последней главы (§7.6), как мы поддерживаем Друзей с их личной заботой.

ГЛАВА 7.
ПОСЛУШАНИЕ БОГУ

В этой последней главе я обращаюсь к рассмотрению того, как мы ищем Божьего водительства — каждый в отдельности и все вместе — и как оно ведет нас к действию. Несколько месяцев назад, когда моя работа над этой лекцией была в самом разгаре, один квакер написал в журнал «Френд» стихи об использовании слова «различение».

> Бывает удивительно слышать
> Квакерское «различать».
> Разве нельзя сказать
> «Установить», «найти», «заключать»?
>
> Курт Штраусс, журнал «Френд», 11.07.2008, стр. 16

Маленькое стихотворение выражает то, о чем я задумывался, когда работал над лекцией. «Распознавание» не входило в квакерский словарь, с которым я рос. Это слово даже не входит в список терминов предыдущей книги дисциплины, в то время как в *Квакерской вере и практике* список пунктов в индексе занимает несколько строк. С одной стороны, слово «распознавание» не присутствует явно ни в одном из поздних пунктов, и оно не полностью исключается более ранней «Дисциплиной». Изме-

нение заключается в том, что мы стали в большей степени сознательны в том, что процесс различения заслуживает особого упоминания. Возможно, предыдущие поколения Друзей принимали наш способ принятия решений как должное, и поэтому не нуждались в использовании специального слова для его описания.

Подход к принятию решений, описанный в предыдущей главе, привел нас к развитию ряда конкретных практических навыков, которые я сейчас рассмотрю.

7.1 СОБРАНИЕ ПО ЦЕРКОВНЫМ ДЕЛАМ

Официальное название для «деловых собраний» — «собрания по церковным делам», где слово «церковь» относится к духовному сообществу Друзей или, в более широком смысле, ко всем тем, кто старается следовать водительству Духа. В последние годы развилась практика называть эти собрания «деловыми богослужениями», чтобы подчеркнуть их молитвенный, духовный характер — такой же, как у обычного еженедельного богослужения.

Эти собрания обеспечивают рамки, внутри которых мы пытаемся применить принципы совместного принятия решений, описанные в §6.1. Мы собираемся на богослужение, чтобы искать водительства Духа. Дисциплина, которая управляет нашим участием в молитвенных собраниях — слушание других с целью услышать, как действует через них Дух, и проверка собственного побуждения говорить — применяются на этих деловых молитвенных собраниях.

Размышляя о нашем квакерском деловом методе, Маргарет Хитфилд в своей Свортморской лекции 1994 г. предупреждает:

> ...было бы ошибкой пытаться использовать наш квакерский метод ведения дел так, как будто он является некоей волшебной формулой, способной привести нас к распознанию воли Божьей, какими бы ни были сложившиеся обстоятельства. Исходя из долгого опыта квакерской традиции, лучше всего она работала, будучи укорененной в других аспектах нашей общинной жизни — когда люди хорошо друг друга знают и когда большая часть присутствующих знакома с практикой достижения сплоченного сознания Собрания в молитве и в делах.
>
> Маргарет Хитфилд *Мы вместе*, глава 7

Состояние нашего ума и степень, в которой сплочено собрание, влияет на то, как мы отвечаем водительству Духа, Божьему руководству.

> Тот, у кого нет музыки в душе,
> Кого не тронут сладкие созвучья,
> Способен на грабеж, измену, хитрость;
> Темны, как ночь, души его движенья
> И чувства все угрюмы, как Эреб:
> Не верь такому. — Слушай эту песню.
>
> *Уильям Шекспир. Венецианский купец,* акт V, сцена 1[1]

Это кажется достаточно негативным, но подводит к утверждению, которое в математике может называться «контрапозитивным». Шекспир говорит, что отсутствие музыки ведет к угрюмым чувствам и неверным решениям. Соответственно, также справедливо, что если мы стремимся к светлым чувствам и верным решениям, тогда нам и

---

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник

нашим собраниям нужна музыка – что я расцениваю как метафору, указывающую на состояние ума. Мы должны искать способы позволить своим чувствам петь.

Итак, важна подготовка каждого участника. В предыдущей главе я подчеркнул творческий аспект принятия решений, что требует от каждого участника быть открытым новому Свету. Для этого всех просят приходить с открытым умом, но не с пустым умом. Если информация о повестке дня рассылалась заранее, участникам может быть полезно прочитать ее и обдумать, а возможно и обсудить с другими, вне зависимости от того, собираются ли они присутствовать на встрече. Иногда бывает трудно не надеяться на какой-то конкретный результат, но такие ожидания должны отступать перед надеждами на то, что собрание сохранит верность водительствам духа.

Также важна подготовка всего собрания. Очень полезно, чтобы собрание развивало общую корпоративную деятельность через совместные богослужения, «сочувствие радостям и горестям жизни каждого» (*Советы и вопросы*, 18), общие развлечения и преодоление трудностей. В своей лекции Маргарет Хитфилд продолжает описывать конкретные проблемы Годового собрания, где нам приходится решать трудные вопросы, но мы не так хорошо знаем друг друга. Я признаю наличие этих трудностей; и, тем не менее, также верно, что во время встречи Годового собрания квакерское сообщество становится фокусом энергии всех присутствующих. А потому я, напротив, считаю, что встреча Годового собрания служит живой иллюстрацией того, как богатая корпоративная жизнь помогает эффективному принятию решений, особенно на встречах с совместным проживанием участников.

Когда мы размышляли о размере Собрания в поддержку страждущих, высказывались предположения о том, чтобы двое представителей, назначаемых большинством региональных собраний, могли участвовать по очереди;

и некоторые собрания так и посылают своих представителей. Тем не менее, если это становится нормой, Годовому собранию бывает намного труднее наладить корпоративную жизнь, столь необходимую для его эффективности.

Мы собираемся вместе в тишине молитвенного собрания до того, как через некоторый промежуток времени обращаемся к делам. В собрании, куда люди приезжают издалека, или где они недостаточно хорошо знают друг друга, я одобряю возможность для Друзей поприветствовать своих соседей, пока они собираются, и не настаиваю на том, чтобы все собирались в молчании. Единение может ощущаться на собранной молчаливой встрече, но оно также может быть выстроено через обмен друг с другом «маленькими вещами», пока мы собираемся вместе. Если Друзья чутки, то собрание погрузится в молчание, когда настанет назначенное время.

Затем, во время собрания важно бывает, чтобы участвовали все присутствующие. Одна из наших трудностей, когда мы приглашаем на наши встречи представителей других организаций, состоит в отсутствии роли наблюдателя на богослужении, каждый становится участником. Временами кто-то упоминает о том, что «они делали» на собрании, а не о том, что «делали мы». Если кто-либо чувствует себя зрителем, а не участником, собрание становится менее эффективным. Участие может заключаться в молитвенной поддержке собрания, сохранении тишины — таким бывает вклад большинства участников на большой встрече.

Разумеется, собрания по церковным делам сильно отличаются одно от другого. Сумбур маленькой группы, которая встречается за чаем, чтобы заняться какой-то задачей, отличается от происходящего на общей встрече Британского Годового собрания. Маленькое местное собрание может провести достаточно неформальное деловое собрание. Однако основополагающие принципы должны оста-

ваться теми же. Это все кажется ужасно трудоемким, но не обязательно должно быть или бывает таким. Процесс серьезен, но нам не следует относиться к себе слишком серьезно. Будет время для юмора и смеха, как и для слез. И в любой момент, как и на богослужении, мы можем обнаружить, что время, кажется, остановилось. Мы чувствуем, что вступили на святую землю, в Присутствие Бога.

7.2 КЛЕРК И ЗАПИСЬ РЕШЕНИЙ

Глава 3 *Квакерской веры и практики* дает хорошее общее описание того, как мы принимаем решения. Одной из отличительных черт наших собраний по церковным делам, наших деловых встреч является то, что у нас есть клерк, а не председатель или ведущий. Мне кажется, что это название использовалось по аналогии с клерком в суде (в чем у первых Друзей был большой опыт), записывающим судебное разбирательство, а не направляющим его. Наиболее заметное отличие, на мой взгляд, заключается в том, что председатель собрания несет особую ответственность за его результаты, тогда как клерк несет особую ответственность за его *процесс*. Действительно, когда рассматривается сложный вопрос, одним из важных, связанных с работой клерка аспектов, становится отсутствие ответственности за результат!

Из-за того, что клерк на деловых собраниях квакеров играет особую роль, я уделю некоторое время ее анализу, опираясь на свой собственный опыт. Поэтому следующие несколько страниц могут выглядеть как руководство для клерков — любопытное завершение лекции. Однако, как

и Барри Морли, я считаю наш опыт распознавания сути собрания центральным элементом нашей корпоративной жизни, тем пунктом, где мы больше всего осведомлены о Присутствии среди нас. Важно, чтобы все участники понимали роль клерка и записи решений в обосновании этого опыта.

Согласно нашей практике клерк председательствует на собрании, проводя Друзей через обсуждение деловых вопросов, а на более крупном собрании также определяя, кому предоставить слово. Тем не менее, ранние Друзья, видимо, считали, что председательствует Святой Дух, а роль клерка состоит лишь в том, чтобы записывать решения собрания. Кажется, сегодня нелегко узнавать подробности того, как проходили встречи ранних квакеров. Интересно, что на изображении Лондонского Годового собрания, проходившего около 1840 г., клерк Джордж Стейси сидит на собрании, а многие Друзья находятся позади него. У клерка имеется небольшой рабочий стол для записи, но в остальном он кажется просто одним Другом среди прочих. Это сильно отличается от нынешней конфигурации, где клерк является центром встречи — он может видеть каждого и сам виден каждому. Тем не менее, выступления на собрании не адресованы клерку, как это было бы с председателем или любым другим человеком. Они адресованы собранию в целом, как и все высказывания на любом другом квакерском собрании.

Клерк отвечает за подготовку повестки дня, обычно работая над ней с одним или несколькими помощниками или иногда, как в случае с Британским Годовым собранием, с комитетом по повестке дня. Маргарет Хитфилд (1994, стр. 94) пишет о том, что клерку необходимо «умение тактично вытащить как можно больше скрытых программ», подразумевая под «скрытой программой» стороны проблемы, которые известны только некоторым людям. У клерка есть много возможностей манипулировать при-

нятием решений, скрывая информацию или выбирая определенных людей для выступления, но такие действия были бы особенно неуместными на собрании квакеров по церковным делам. Клерк обязан поощрять открытость Друзей на собрании и готовность встречаться и работать через конфликт. Это возможно только если клерк откровенен с собранием и если собрание верит в откровенность клерка.

Ключ к роли клерка — запись решения, о чем свидетельствует количество ссылок на записи в пунктах *Квакерской веры и практики* о клерках (3.12–3.20). Я считаю, что именно ответственность за подготовку черновика протокола заседания кажется большинству из нас самым сложным, когда мы думаем о служении клерка. Как я буду реагировать, оказавшись перед чистым листом бумаги во время обсуждения трудного делового вопроса? Что я буду делать, если тема рассматривается в течение некоторого времени, а суть собрания мне не ясна, но я знаю, что все ждут решения поскорее?

Есть пуристы, которые приступают к служению клерка, веря в то, что слова всегда будут приходить к ним на собрании. Иногда характер делового вопроса предполагает, что у вас нет иного выбора. Я восхищаюсь верой тех, кто всегда способен работать таким образом. Обычно клерк старается узнать немного о каждом деле заранее, и для меня ключ к эффективному выполнению роли клерка – тщательная подготовка. Как часть этой подготовки, я делаю как можно больше до составления черновика, признавая, тем не менее, что иногда это составление невозможно из-за отсутствия предварительной информации о пункте повестки дня.

Я непременно готовлю наброски вопроса для рассмотрения, которые смогут составлять начальную часть каждой записи, хотя важно соблюдать осторожность, чтобы набросок отражал то, как вопрос будет фактически представлен

собранию, прежде чем предлагается черновик записи протокола — ведь вероятно, потребуется внести некоторые коррективы. Клерк отвечает за обеспечение того, чтобы рассматриваемый вопрос был надлежащим образом представлен собранию, и поэтому, если что-то расцениваемое клерком как важная информация не упоминается во введении, тогда клерку может быть полезно упомянуть ее — хотя и это требует осторожности, чтобы клерк не пытался влиять на результат. Что более спорно, я также иногда стараюсь готовить черновики возможных вариантов, если вопрос требует решения. Я нахожу полезным четко изложить мои собственные предвзятые мнения о возможностях, и бывает полезно записать готовые фразы на странице. Такая подготовка помогает подготовить многие необходимые слова, а остальные обычно приходят от собрания. Тем не менее, очень важно, чтобы клерк был готов признать, когда ни один из подготовленных материалов не оказывается полезным. Клерки никогда не должны составлять запись решения, основываясь на том, что, как они надеялись или ожидали, будет происходить. Хотя иногда возможно с осторожностью предупредить собрание о том, что оно могло бы сказать! Клерк всегда должен помнить о том, что решение принимается собранием.

Во время собрания я постоянно обдумываю решение, записывая сформулированные на собрании фразы, которые могут быть полезны. Формулировка решения может не прийти из сказанного на собрании. Тем не менее, важно делать какие-то заметки о каждом выступлении. Я до сих пор вспоминаю свое смущение в качестве клерка на Собрании в поддержку страждущих, когда Друзья продолжали ссылаться на что-то удивительно полезное, ранее высказанное, а ни я, ни помощник клерка не могли вспомнить ничего из содержания того выступления. Я не могу сейчас вспомнить, как мы справились с этим. Для клерка может быть самым лучшим предоставить помощнику веде-

ние подробных записей о высказываемом, чтобы сам клерк мог сосредоточиться на различении чувства собрания по мере его развития. Многого можно достичь, осматривая собрание и оценивая отклики на то, что говорится.

Председательствующая роль хореографии выступлений создает проблемы, которые сильно различаются в зависимости от размера собрания. Впервые очутившись за столом ежегодной встречи Годового собрания, я не мог мысленно подготовиться к выбору тех, кто должен говорить из примерно двадцати Друзей, стоящих на ногах. Некоторых из них я знал, а других — нет. Мне всегда было трудно; иногда сложно узнать Друзей в большом зале, и я вспоминаю, как в Йорке в 2005 г. нескольких Друзей вызывали выступать несколько раз в течение недели, хотя я думал, что предоставляю слово кому-то, кто раньше не говорил. Бывают случаи, когда собрание, кажется, сбивается с пути, и вы ищете безопасную пару рук — но это не всегда работает, и неразумно предсказать полезность (или бесполезность) выступления конкретного Друга. Трудность, которая более или менее уникальна для Британского Годового собрания, состоит в том, что всем Друзьям, которые чувствуют потребность говорить, невозможно быть вызванными клерком, а так же в том, что клерк не знает многих Друзей на собрании. Даже на Собрании в поддержку страждущих большинство Друзей, которые чувствуют, что должны выступить, либо получают эту возможность, либо признают, что их вклад уже не нужен. На большинстве других собраний высказывания следуют естественно, одно за другим.

Ежегодные встречи Британского (ранее Лондонского) Годового собрания сильно менялись в этом отношении на протяжении всей моей жизни. Помню, что когда я впервые присутствовал на ежегодной встрече в конце 1962 г., клерк вызвал нескольких Друзей одновременно, чтобы они говорили по очереди, возможно, для того чтобы со-

кратить время между выступлениями, и чтобы можно было услышать как можно больше Друзей. Затем в 1980-х сложилось мнение, что Друзья недостаточно внимательно слушают друг друга, и был введен строгий режим ожидания после каждого высказывания, пока клерк не укажет, кто должен говорить следующим. Это должно было побудить Друзей слушать выступающего, а не думать о том, что они сами хотят сказать потом, а затем в тишине подумать, есть ли у них что-то, чем поделиться. Эта практика продолжается, хотя в несколько смягченном виде. В конце концов, выступление на годовом собрании — достаточно непростой опыт для большинства из нас. На практике это изменение означает, что число Друзей, которые смогут говорить, может быть значительно сокращено, если продолжительность выступлений не будет значительно меньше.

На всех собраниях важная функция клерка — заботиться о проведении собрания, гарантируя, что люди не будут говорить слишком долго или слишком часто, что Друзья внимательно слушают друг друга, и что встреча остается сфокусированной. Есть особые проблемы на очень маленьких собраниях, таких как небольшие местные собрания или комитеты, где от клерка ожидается участие в качестве обычного члена, особенно если вопрос для обсуждения спорный; Друзьям может быть трудно отличить вклад клерка, как члена собрания и как клерка.

На неквакерских деловых встречах решение — это просто запись того, что происходило на собрании. В обсуждении на квакерских встречах — это иногда описывается таким образом, как будто происходит тройной процесс: обдумывание, распознавание (черновой протокол), решение (согласованный протокол). Для простых дел это часто так и работает. Однако назначение протокола не в том, чтобы записывать происходящее на собрании, хотя часто такое бывает. Цель протокола — записать распознавание собрания, Божье водительство. Как сказал

Джон Паншон, собрание должно быть слугой протокола, а не протокол — слугой собрания (Джон Паншон 1987, стр. 97). В этом причина особого внимания к протоколу в квакерском принятии решений. Различение продолжается на протяжении всего собрания, все Друзья, как ожидается, будут заниматься анализом того, что нужно от них собранию в каждый момент, размышляя о вопросах, внимательно слушая выступление, с молитвой поддерживая расстроенного или рассерженного Друга, задаваясь вопросом, действительно ли они призваны говорить, а те, кто говорят — нужно ли больше слов или стоит остановиться (что должно быть опцией по умолчанию). Такая внимательность особенно востребована от клерка, который несет ответственность за помощь в поиске собранием продвижения в деловом вопросе. По моему опыту частично записанный черновик решения на ранней стадии обсуждения может замечательным образом помочь собранию увидеть, что оно должно делать, и помочь обсуждению двигаться дальше. Это способ, которым клерк может показать собранию, куда оно, кажется, дошло. И это поможет некоторым Друзьям признать, что их выступление уже не нужно. Частично записанный черновик решения на ранней стадии обсуждения может быть частью окончательной записи решения, а может и не быть, так как собранию может стать ясно, как только решение прочитают, что это не то, где все должно закончиться.

Достигнув этапа представления черновика протокола для согласования, клерк должен прояснить это. Обычно на данном этапе не ожидается появления значительного нового материала, но желательно не быть слишком строгим в этом; заслушивание черновика протокола может пробудить существенное новое понимание. Именно на этом этапе собрания многие Друзья бывают разочарованы.

Этот этап собрания может легко пойти не так, как надо. Если запись решения в общем принята, то многие Друзья

будут готовы двигаться дальше, и их будут раздражать очевидные придирки других. Друзья могут уже устать, если это была долгая встреча. Клерк может быть уставшим. Клерк должен взвешивать значимость каждого высказывания по решениям. Может оказаться большой ошибкой предлагать поправки к протоколу в ответ на каждое высказывание по очереди. Выслушивание нескольких довольно коротких замечаний может быть полезным, поскольку ни одно из них не приобретает слишком большого значения. Я обычно считаю, что лучше всего прослушать несколько выступлений, потратить немного времени, чтобы обдумать их, предложить некоторые поправки к решению, если это кажется уместным, а затем стоять на своем, если мне совершенно ясно, что я все правильно понял. Собрание попросило вас быть клерком, а значит, оно уважает ваше мнение; и вы должны быть уверены в себе в этот момент. И вы сразу поймете, если сделали ошибку.

7.3 ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ СЛОЖНО ДОСТИЧЬ СОГЛАСИЯ

Кажется, до сих пор я рассуждал о том, как согласовать формулировку протокола при записи решений общего характера, что часто бывает на нашей ежегодной встрече, или же когда суть собрания абсолютно ясна. Однако ситуация обостряется, когда присутствующие не могут прийти к соглашению по какому-то более конкретному курсу действий. Два случая, представленные мной ранее, приводили к такого рода ситуациям в нескольких случаях. Трудно-

сти могут возникнуть, в частности, если решение должно быть принято к какой-то конкретной дате — либо из-за внешних обстоятельств, либо из-за того, что невыполнение этого вызовет проблемы. Может быть полезно вспомнить, что мы отыскиваем правильное решение для данного собрания в конкретном случае. Также может быть полезно сделать попытку опереться на решения, принятые ранее, а не начинать с нуля, хотя собраниям не следует быть связанными своими предыдущими решениями.

Квакерские процедуры оставляют для небольшой группы Друзей или даже одного Друга возможность заблокировать решение из-за ложного предположения о том, что собрание не может продолжаться без консенсуса. Если такое произойдет, единственным вариантом может быть запись решения предпринять некоторые действия, «несмотря на опасения некоторых Друзей» или что-то в этом роде. Собрание всегда должно взвешивать опасения любого Друга, так как они могут подсказать возможный выход. Но, в конечном счете, должна быть возможность продолжить, несмотря на это, если такова «суть собрания».

Часто проблема сложнее, чем просто различие взглядов на собрании. Одной из сильных сторон нашей практики является то, что запись решения способна отражать весь диапазон мнений, так что каждый чувствует себя услышанным. Если клерк различает четкое водительство для собрания, то запись составляется, чтобы это отразить. Иногда различение затруднительно, и клерку следует попробовать начать составление решения, чтобы помочь различению. Клерк должен открыто уведомлять собрание о своих действиях.

При обсуждении сложного вопроса или при существенном расхождении взглядов на собрании, бывает полезно провести «молотильное собрание». Я впервые присутствовал на таком в Нью-Йоркском Годовом собрании, и мне кажется, что эта практика гораздо больше распро-

странена в Северной Америке, нежели в Великобритании. Идея состоит в том, чтобы обсуждать рассматриваемый вопрос, не задаваясь целью принятия окончательного решения. Это дает возможность для обмена мнениями по данному вопросу. Затем, после перерыва — возможно раз в один-два дня или около того на годовом собрании, а на местном собрании раз в один-два месяца — вопрос снова выносится на повестку дня с перспективой принятия решения. «Молотильное собрание» предоставляет возможность обменяться сомнениями и страхами по какой-то теме, не влияя при этом на принятие решения. Это может стать освобождающим опытом. Время перед второй встречей дает каждому возможность обдумать вопросы и получше подготовить их к последующему рассмотрению. Помню, как мы использовали этот метод на встрече Годового собрания в 2002 г. (мой первый год за столом клерка) при рассмотрении благотворительного статуса — вопроса об отношении Друзей в Британии к властям, ответственным за руководство благотворительными организациями. Тема включала каверзные вопросы об отношениях между месячными собраниями и годовым собранием, а также о том, как положения закона о благотворительности могут повлиять на наши процедуры принятия решений. Я считаю, что «молотильное собрание» в этом случае сработало хорошо и обеспечило прочную основу для дальнейшего рассмотрения данных вопросов в последующие три года. Иногда бывает просто невозможно принять решение.

В целом, я очень плохо помню те собрания, где служил клерком. Тем не менее, помню, как перед годовым собранием в Йорке в 2005 г. распорядительный комитет приложил много усилий к работе с комитетом перестройки и попечительским комитетом по повестке дня для рассмотрения доклада комитета перестройки и взаимосвязанных вопросов о доверительной собственности. В конце концов, оказалось, что это было зря. Огромное

количество времени было потрачено на доклад, при весьма незначительном прогрессе. Многие Друзья, включая членов комитета перестройки, были разочарованы. Тем не менее, были вопросы, на усваивание которых потребовалось время, и Друзья действительно слушали друг друга. Мы смогли сделать достаточно для того, чтобы определить четкую программу работы на ближайшие девять месяцев. Затем, в следующем году собрание оказалось в состоянии двигаться вперед довольно легко, и многие из трудностей, казалось, испарились. Собрание предыдущего года, в какой-то степени, сыграло роль «обмолота».

7.4 УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ

Это подводит меня к другой главной ответственности клерка — управлению делами.

> Нет оправдания тому, чтобы терять драгоценное время на наших собраниях по церковным делам, руководствуясь предлогом или заблуждением, что мы можем спокойно допускать такое, потому что это работа Бога.
>
> *Квакерская вера и практика*, 3.29

Мой опыт работы в качестве клерка месячного собрания несколько лет назад показал мне необходимость полной ясности в отношении того, почему собрание просят уделить время каждому деловому вопросу. Что требуется от собрания. Деловой вопрос может быть представлен «для информации», но я не думаю, что деловое собрание квакеров — подходящее место для обмена информацией.

Поделиться «заботой» бывает хорошо, поскольку тогда собрание задумается о том, как откликнуться. Если собрание запутывается в деталях, клерк, который часто бывает наиболее осведомленным об этих деталях Другом, должен быть очень осторожен, чтобы не потерялась перспектива.

Такие нюансы могут иметь решающее значение, но часто они не принимаются во внимание, и собрание, как правило, соглашается с предложением о том, чтобы двое или трое людей в них разобрались после встречи или в обеденный перерыв. Клерк ответственен за то, чтобы помочь собранию наиболее эффективно использовать свое время. По моему опыту, если клерк пользуется уважением у собрания, то оно будет хорошо окликаться на предложения по использованию времени.

Простые дела часто бывает наиболее эффективным рассматривать, просто предложив собранию проект решения в начале рассмотрения. Такие проекты решений может быть полезно распространить заранее, и они могут быть приняты очень быстро, если все с ними согласятся. В других случаях я бываю против распространения проекта решений в начале или до начала заседания, в особенности, если они описывают то, что произойдет на этой встрече. Это подрывает отношения между собранием и решением; решение должно отражать опыт собрания, который невозможно заранее предсказать. Повестка дня может оказать значительное влияние на то, как прорабатываются деловые вопросы, что возлагает большую ответственность на клерка или комитет по повестке дня в случае годового собрания. Одна из возможностей — не готовить упорядоченную повестку дня. Я помню, что в период 1977—1978 гг, когда мы участвовали в Эванстонском собрании в штате Иллинойс, там у Друзей была такая практика. Деловые вопросы поднимались в том порядке, в котором Друзья ощущали водительство их поднять. Могу себе представить, что это может оказаться трудновыполнимым и привести к потере

времени, а практика Британского Годового собрания осознанно согласовывать повестку дня в начале заседания бывает полезна, так как это означает, что все собрание принимает на себя ответственность за повестку дня.

Служение клерка может показаться сложной перспективой, но оно очень полезно. Для меня наиболее трудно проводить небольшие встречи, отчасти потому что от клерка могут ожидать участие в качестве члена собрания, и это вызывает упомянутые ранее трудности, но также потому, что такие собрания могут легко переходить в неформальное общение, не оставляющее места для слушания. На большем собрании бывает проще, поскольку люди естественным образом ждут, когда им дадут слово. Это не означает, что собраниям нужно быть слишком серьезными; обычно ценится некоторая легкость подхода и даже хорошее чувство юмора со стороны клерка, хотя потребуется и забота, и серьезность в следовании цели.

Я волнуюсь заранее о выполнении задачи клерка собрания, особенно большого собрания, или же если предстоит обсуждение сложного делового вопроса. Однако, когда собрание уже в процессе, и я оглядываю лица Друзей, присутствующих в комнате (что всегда делаю перед рассмотрением вопроса), я испытываю замечательное ощущение поддержки с их стороны и знаю, что мои усилия будут приняты. Мне никогда не хочется нарушать тишину в начале собрания, чтобы перейти к делу — задача заключается в переводе этой тишины в рассмотрение делового вопроса.

Собраниям иногда нужно напоминать о необходимости дисциплины. Клерк несет ответственность за это совместно со старейшинами, но мне кажется, что старейшинам лучше давать клерку советы вне заседания и поддерживать клерка на собрании. Друзей может ввести в заблуждение и, вероятно, вызовет некоторое смущение у клерка, если старейшина призовет к дисциплине кого-то из Дру-

зей на собрании — возможно, из-за слишком долгого высказывания или отхода от темы. По моему опыту собрание ожидает от клерка, чтобы он обеспечивал такого рода руководство.

7.5 РАЗНООБРАЗИЕ ПРАКТИК СРЕДИ ДРУЗЕЙ

До сих пор я обсуждал процедуру принятия решений среди Друзей в Британии и Ирландии, а также в группах, выросших из данной традиции — как, например, у Друзей в Австралии и Новой Зеландии, которые в недавнем прошлом были частью Лондонского Годового собрания (сейчас оно называется Британским). Большинство европейских Друзей также относятся к этой традиции, хотя культурные различия привели к некоторым вариациям практики.

Тем не менее, большинство Друзей по всему миру живет в Северной Америке или же принадлежит к одной из групп — как большинство квакерских собраний в Африке или Латинской Америке — которые произошли из североамериканских традиций. В этих традициях присутствуют существенные различия, которые всегда меня поражали. Основное отличие касается роли клерка и того, как готовятся и затем используются протоколы решений. В большинстве североамериканских собраний функции клерка, которые я описал, обыкновенно распределяются между председательствующим клерком и записывающим клерком, роли которых больше похожи на традиционные роли

председателя и секретаря. Председательствующий клерк ведет собрание, представляя темы для обсуждения и предоставляя слово Друзьям, а также определяя, куда движется собрание. Записывающий клерк составляет черновик решения — задача, также предполагающая различение. Функция различения у клерков, таким образом, распределена между двумя Друзьями, а точная балансировка ответственности может быть разной в разных собраниях. В нашей традиции клерк и помощник клерка делят между собой функцию различения, и клерк обычно в значительной степени полагается на суждение помощника клерка, который обладает преимуществом различения, поскольку не ответственен за проведение собрания. Тем не менее, совершенно ясно, что основная ответственность остается за клерком.

Одним из последствий разделения ролей в североамериканской системе становится то, что в ней намного труднее использовать черновик решения, чтобы показать собранию, что происходит — так, как я это описывал. Действительно, зачастую решение бывает представлено собранию на позднем этапе, вероятно в конце собрания, или же — если речь идет о таком длительном процессе, как проведение годового собрания — в начале следующей сессии. Когда бы ни было представлено решение, практика внесения в него изменений клерком бывает разной. Запись решения в протоколе наиболее явно отличается от рассмотрения вопроса повестки дня, особенно сильным это отличие становится ближе к концу собрания.

Интересно, что книги дисциплины многих Годовых собраний, например, Нью-йоркского и Новоанглийского, описывают британскую практику, несмотря на то, что она неизвестна большинству североамериканских Друзей. Только совсем недавние переиздания включают упоминание записывающего клерка. Кажется разумным предполо-

жить, что практика назначения отдельного записывающего клерка зародилась в собраниях, принявших программированную форму богослужения. Вероятно, подобно тому, как эти собрания перешли к традиционным образцам богослужения в девятнадцатом столетии, отвечая на ожидания множества своих новых членов, таким же образом эти собрания приняли традиционные подходы к принятию решений. Например, «Книга дисциплины Северо-западного Годового собрания» — евангелического годового собрания с программированными встречами на северо-западе США — включает следующее положение (стр. 92), напоминающее неквакерскую деловую практику:

> Председательствующий клерк затем объявляет, что, как он понял из обсуждения, воля церкви заключается в том-то и том-то. Если не будет возражений, записывающий клерк тогда формулирует предложение и решение. Очень редко возникает необходимость в голосовании по таким вопросам или по другому поводу во время деловых собраний Друзей... При любых обстоятельствах этого следует избегать.

С другой стороны, в «Книге дисциплины Филадельфийского Годового собрания» от 1972 г. говорится, что «клерк председательствует на деловом заседании собрания» и «готовит запись решения собрания», в то время как все мои знакомые Друзья из этого собрания считали нормальной практикой того времени разделение ролей председательствующего и записывающего клерков. Тот факт, что особое выделение роли записывающих клерков только недавно признано в книгах дисциплины нескольких годовых собраний — либеральных и непрограммированных — предполагает, что эта практика относительно нова в таких годовых собраниях и пришла из программированных собраний.

Во многих либеральных книгах дисциплины присутствует дополнительное положение о том, что «члены со-

брания могут предлагать запись решения наравне с клерком».

В Северной Америке существует и другая практика, намного менее известная в нашей традиции. Я упоминал о возможности признания в решении того, что один или несколько Друзей с ним не согласны. Североамериканские Друзья иногда идут дальше этого, записывая, что определенные, названные по именам, Друзья «отстраняются от принятия» этого решения. У меня нет практического опыта подобных случаев, но я понимаю, что это может быть полезно в тупиковой ситуации. Тем не менее, это кажется противоречащим нашей практике принятия позиции «сплоченного» собрания, даже если она не соответствует нашим личным водительствам. Ближе всего я подходил к этому варианту, когда записывал решение о нашем согласии на использование дома собраний посторонней группой, «хотя одному Другу казалось, что этого не следует позволять». В том случае Друг принял решение, а значит — не отстранился.

Разумеется, и один несогласный Друг может обладать пророческим голосом, который впоследствии будет признан истинным.

7.6 ЛИЧНЫЕ ЗАБОТЫ И СОБРАНИЕ ДЛЯ ПРОЯСНЕНИЯ

Я рассуждал о личном принятии решений в конце предыдущей главы. Иногда человек может почувствовать себя призванным к действиям, которые кажутся необыч-

ными или требующими жертв. В таких случаях мы можем сказать, что у человека есть «забота», хотя Друзья сегодня все менее охотно используют этот термин.

Многие Друзья сегодня затрудняются сказать, что на них была возложена «забота», в полном смысле Богом данного поручения. А некоторым было бы легче сказать, что они осознали «водительство» или «побуждение» совершить определенное действие или поговорить с конкретным человеком. У нас нет сомнений, что многие ответы на такой опыт остаются незаписанными и даже не сообщаются, за исключением одного или двух из них. Получивший такой опыт Друг просто не «следует водительству» или «подавляет побуждение». Ему или ей обычно не кажется необходимым просить какого-либо подтверждения через формальную процедуру «тестирования», так как это связывается только с *необычным* «призванием» к действию или служению, когда бывают нужны поддержка и, возможно, участие собрания или всего Общества. Таким Друзьям «обычное», вероятно, представляется естественным результатом их несовершенного стремления жить своей повседневной жизнью под руководством духа. (*Характер и разновидности забот* — 1986, стр. 7).

В таких случаях важно, прежде чем действовать, проверить водительство, попросить сплоченное собрание подтвердить, что это водительство в Свете и оно истинно. В некоторых случаях может быть необходима практическая поддержка собрания для того, чтобы человек смог действовать, и это может потребоваться для большинства проблем, представляемых собраниям сегодня. Однако наше понимание духовного водительства, которому все открыты, требует, чтобы любое такое сильное побуждение прошло проверку. В конце концов, наша история полна примеров людей, которые верили, что у них было такое водительство, но, как оказывалось позже, ошибались.

> Утверждая, что есть нечто от Бога в каждом человеке, [Друзья] прекрасно понимают, что есть и многое другое в каждом человеке — в том числе, «тварные» склонности к эгоцентризму и своеволию. Мы также несем в себе другие голоса из сформировавшего нас опыта общения с родителями, учителями, сверстниками и другими посредниками общества в целом. Долгая практика медитации и молитвы раскрывает, что даже для опытного человека вполне возможно принять один из этих голосов за свое водительство. Изначально самые проницательные люди представляли свои водительства другим, чью способность различать они уважали — обычно неформально в письме или беседе. В распознавании формального водительства в служении для организаций Друзей стало привычным отдавать заботы на рассмотрение деловых собраний.
>
> Патриша Лоринг 1992, стр. 7–8

Итак, проверять водительство должно собрание, а не отдельный человек.

Обыкновенная процедура описана в главе 13 *Квакерской веры и практики*. Мой основной опыт этой процедуры был получен на Собрании в поддержку страждущих, когда требующие поддержки вопросы исходили от месячных собраний. Большинство из них были о поездках в служении, посещении Друзей, что обсуждалось на собрании несколько раз в 1970-х. Другой случай, который я помню, произошел в марте 1989 г., когда Крис Кук и Бренда Хилс поделились своей заботой о духовном воспитании Друзей, что привело к проекту «Эпплсид». Процедура эта следующая: Друг представляет свою обеспокоенность, заботу собранию, отводится время для вопросов и разъяснений, затем этот Друг уходит на то время, пока рассматривается вопрос. Если проблема «признана», собрание записывает в протокол решение о поддержке. Оно также может ока-

зать поддержку и другими способами, и следствием становится постоянная обязанность поддерживать Друга в продвижении заботы. Ожидается, что если вопрос представлен Собранию в поддержку страждущих, это значит, что он уже прошел предварительное тестирования на местном уровне.

Понятия «достаточно хороший» или «пригодный» полезны. Очень часто, оглядываясь на записанное решение, я кривлюсь от несоответствия языка и вижу, как можно было лучше сформулировать запись. Это не имеет большого значения. Важно то, что протокол проясняет, какие действия были согласованы (если таковые имеются), и кто должен продвигать их. Важно избегать значительных двусмысленностей, и с этой целью я бы рекомендовал делать предложения достаточно короткими; они имеют тенденцию расти в процессе написания. Тем не менее, протоколы не должны быть написаны в отточенной прозе, и предложения по стилистическим поправкам обычно не принимаются. Есть исключения из этого. Многие пожилые Друзья помнят Роберта Хьюисона, с которым я впервые встретился в редакционном комитете, работавшем над Посланием годового собрания в 1969 г. Роберт был госслужащим высокого ранга и прекрасно справлялся со словами. Как часто он поднимался на ежегодной встрече или Собрании в поддержку страждущих и с невероятной экономией слов, изящно предлагал замену некоторого неуклюжего и, возможно, двусмысленного отрывка, замену, которая наверняка была «отточенной прозой». Как сказал о нем один Друг, «его совет по деталям так часто превращал хорошую черновую запись в правильную запись, и его замечания всегда подавались клерку с такой нежностью и часто с мягким юмором» (*Записи Лондонского Годового собрания* — 1986, стр. 215).

На местном уровне для собрания может оказаться трудным адекватно рассмотреть вопрос. В таких случаях бывает полезным использовать комитет ясности, чтобы дать совет собранию и Другу. Эта практика гораздо чаще

встречается в некоторых североамериканских годовых собраниях, где первоначальная традиция назначения комитета ясности для соглашения по вступлению в брак была расширена для решения других вопросов, включая личные проблемы (см. *Квакерская вера и практика,* 12.22).

Отрадно, что такие комитеты ясности становятся все более привычными в нашем Годовом собрании. Меня впечатлило то, что мой старший сын и его невеста попросили собрать комитет ясности, прежде чем решили пожениться. Это помогло им начать чувствовать постоянную поддержку собрания (см. Хитер Роулендс и Майкл Экклс 2008, стр. 30).

Чувство, что собрание несет постоянную ответственность за поддержку вступающей в брак под его опекой пары, явно еще сильнее присутствует в некоторых североамериканских собраниях. Цель комитета ясности — помочь человеку с процессом распознавания. Это требует большой честности со стороны всех участников, поскольку группа не должна «говорить то, что человек хочет слышать» (Патриша Лоринг 1992, стр. 22). Цель — помочь человеку понять, что ему необходимо, поэтому роль других членов группы состоит в том, чтобы задавать вопросы, а не в том, чтобы дать совет. То, что сказано в группе, должно оставаться конфиденциальным, и любой отчет о результатах должен быть согласован со всем комитетом. Я считаю, что нам есть чему поучиться у североамериканской практики в этой области. Недавний пересмотр главы о членстве в *Квакерской вере и практике* включил использование комитетов ясности при рассмотрении заявок на членство. Большая часть нынешнего беспокойства по поводу «визита» должно исчезнуть, потому что роль комитета будет четко рассматриваться как поддержка соискателей членства, пока они проверяют свои собственные представления о распознании реальности их членства.

7.7 УЧЕНИЧЕСТВО

Идея того, что каждый отдельный Друг может попросить собрание о поддержке в принятии важных решений, отражает квакерское понимание ученичества. Интересно, что недавно, когда мое региональное собрание рассматривало проект нашего управляющего документа, Друзьям было трудно ссылаться на называемое *книгой дисциплины*, и они предпочитали называть ее *Квакерской верой и практикой*, подразумевая, что роль книги описательна и она просто предлагает информацию о квакерской вере и практике, что конечно же, верно — отчасти. Официальный термин «книга дисциплины» может вызвать предположение о том, что она содержит свод правил, с которыми нам неудобно сверяться. На самом деле, название указывает на то, что книга дает представление об ученичестве — что также верно.

Ученик — это некто «верящий и следующий тому или иному учению» (*Словарь Чэмберс Покит* 2006). Наше совместное распознавание может происходить, только если оно служит выражением нашего ученичества — нашего обязательства следовать велениям Духа; в частности, как они открываются на собранной встрече — и поддерживать в этом друг друга. «Книга дисциплины» предлагает «дисциплину», которой мы все обещаем следовать, когда становимся членами сообщества Друзей, Религиозного общества Друзей; и это дисциплина не правил, а дисциплина следования. Она может быть трудной, поскольку бывает трудно сосуществовать с другими учениками. Но всем нам нужно стремиться к созданию любящего сообщества взаимной поддержки, по мере того, как мы проникаем в окружающий мир. По нашему опыту в этом сообществе мы можем ощутить действие Святого Духа среди нас.

Я начал эту лекцию, рассматривая опыт молитвенного собрания, который находится в центре нашей коллективной жизни. Затем я счел необходимым попытаться найти способ осмысления этого опыта и включения его в мировоззрение, которое мог бы использовать. Современная наука представляет нам космос невероятного возраста и размера, по сравнению с тем количеством времени и пространства, которое занимает в нем человечество. Место человечества и даже место жизни в этом космосе неясны. Процесс эволюции, который вел от первого появления жизни на Земле до возникновения человечества, кажется грубым и насильственным. И все-таки он привел к нам — сознательным существам, делающим свой выбор и осведомленным о сознании друг друга. Невзирая на эту взаимную сознательность, мы можем действовать таким образом, что это причиняет боль окружающим или вредит сообществу. Но мы также ощущаем Присутствие среди нас — Дух внутри и вне нас, который показывает, что мы можем все это преодолеть.

Различение заключается в том, как мы — каждый по отдельности и все вместе — развиваем эту уверенность и определяем действия, к которым она нас призывает. Завершающая часть этой лекции отражает некоторые недавние попытки сделать это и определенные методы, которые были развиты Друзьями. Должно быть ясно, что я — ревностный сторонник этих методов, которые представляют собой нечто большее, нежели просто способы принятия решений; они отражают наши представления о сообществе веры. Как сказал Барри Морли (Barry Morley — 1993, стр. 24), «квакеры обладают достаточно мощным ритуалом для веры, избегающей внешнего ритуала... и он действует».

В конечном счете, значение имеет наша верность собственному опыту водительства Духа. Качество нашего опыта, когда мы встречаемся на молитвенном собрании,

зависит от каждого из нас. Присутствие среди нас всегда остается с нами, готовое поддержать и подкрепить нас. Оно призывает каждого из нас подняться над собственной слабостью и воплотить в жизнь нашу истинную природу.

> И где бы мы ни сделали паузу, вступив в молчание и отдыхая во внутреннем покое, мы слышим этот шепот, призывающий нас к тишине: никогда не забывай Добро, никогда не забывай Истину и никогда не забывай Красоту, ибо все они — лица твоего глубочайшего «Я», свободно показанные тебе.
>
> Кен Уилбер — Ken Wilber 1998, стр. 218

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

(1.1) Сейчас эта картина висит над Библиотечной лестницей Дома Друзей в Лондоне. В некрологе Пенроузу, опубликованном в журнале «Френд» 15 января 1932 г., Дж. Уолтер Вест дает красочное описание того, как художник пришел к замыслу этой картины: «В один прекрасный летний день я шел мимо местечка Джорданс и в совершенном одиночестве присел в том самом месте, где была написана эта картина... Мне показалось, что я вижу всех, кто поклонялся здесь в прошлом, в моем воображении они окружили меня, они все как бы собрались здесь. Мысленно я спросил, а что давало им столько сил в те прошлые времена, и понял, что силы они черпали, чувствуя присутствие среди них Христа — *Присутствие среди нас*. И в этом, как я ощутил, заложен тот замысел, который следует изобразить, хотя то, что я почувствовал, и не передашь словами, и это действительно стало для меня серьезным предприятием».

(1.2) *Квакерская вера и практика* (2005), 3.02. *Квакерская вера и практика* — действующая книга христианской дисциплины Британского Годового собрания Друзей, была утверждена Годовым собранием на сессии 1994 г. Это книга, в которой собраны цитируемые

и оригинальные документы, с целью зафиксировать положения веры и практики Друзей, обычно перерабатывается один раз за поколение. Большинство Годовых собраний публикуют свои собственные книги дисциплины. *Советы и вопросы* уже цитировались как п. 1.02 *Квакерской веры и практики*.

(1.3) Эти слова часто произносятся в церкви перед проповедью и посланием. О том, что стало важным для меня в восприятии традиционной христианской литургии, я расскажу в главе 5.

Глава 2

(2.1) В третьем веке до нашей эры Эратосфен даже смог подсчитать размер окружности Земли, сравнив длины теней, которые отбрасывает солнце в разных точках на земной поверхности. См. Карл Саган (Carl Sagan 1983, стр. 25–27)

(2.2) Это латинская версия арабского названия поскольку, подобно многим другим греческим текстам, оно пришло в средневековую Европу в виде перевода на арабский язык.

(2.3) На самом деле система была гораздо сложнее. Ночью, когда небо еще достаточно темное, каждый может ознакомиться с феноменом непостоянства режима движения планет относительно звездного неба на заднем плане — время от времени в течение нескольких недель планеты меняют направление движения на противоположное. И, вдобавок, яркость их свечения подвержена сильным колебаниям. Чтобы объяснить эти наблюдения, модель была усовершенствована. Каждая планета двигалась по круглой орбите, известной под названием эпицикл, центром которой была точка на небесной сфере. В свою очередь центр этой окружности (эпицикла) двигался вокруг Земли по окружности, названной деферент. Подобное движение мы можем себе представить на примере ярма-

рочных аттракционов, таких как Монстр на Плэже Бич[1] в Блэкпуле.

(2.4) Мы видим, что эта модель была полностью отражена в *Божественной комедии* Данте, особенно это касается третьей части — *Рая*. Данте видит девятую сферу — «изначального движителя», которая делит вселенную пополам. За пределами этой сферы находится похожая структура, с отдаленной фигурой Бога в центре и девятью кольцами ангелов вокруг. Таким образом, вселенная замкнута и ограничена, с Богом и сатаной на противоположных позициях. См.: Mark A. Peterson, «The geometry of Paradise», *The Mathematical Intelligencer*, 30 (2008), pp. 14–19.

(2.5) Арабские астрономы, по-видимому, уже понимали важность проведения тщательных наблюдений, это был ценный вклад в развитие научного метода в Европе.

(2.6) Эллипс — это та форма, которую вы видите, когда смотрите на окружность под углом. Это одно из так называемых «конических сечений» фигуры, которую можно получить, рассекая круглый конус (наподобие мороженого в вафельном стаканчике) под различными углами. Хотя греки и настаивали на окружностях, обсуждая движение планет, тем не менее, они в своей геометрии провели очень подробные исследования конических сечений. Поэтому все математические расчеты, понадобившиеся Кеплеру, были уже для него готовы. Это один из многочисленных примеров математических расчетов, сделанных чисто из-за присущей им красоты, а затем приобретших прикладное значение — в данном случае почти спустя две тысячи лет.

(2.7) Он также предложил два других закона движения, определяющих скорость, с которой планеты движут-

---

[1] пляж развлечений, — *прим. пер.*

ся. Закон в науке — или иначе закон природы — определяет, как вселенная работает. В правовой сфере закон определяет, как люди обязаны вести себя; законы могут нарушаться, но обычно существуют штрафные санкции. В отличие от этого, закон природы не может быть нарушен: если какой-то образ действия ему не соответствует, это означает, что либо закон неверен или неполон, либо наблюдение проведено с нарушениями. Цель науки заключается в открытии простых универсальных законов. Если полученные наблюдения могут соответствовать двум альтернативным законам, наилучшим решением считается наиболее простое из них («принцип Оккама»). В XVII веке законы Кеплера были значительным шагом вперед, они дали простое описание движения планет, одинаковое для всех планет. Эти законы проложили путь к законам движения и тяготения Ньютона, которые в свою очередь стали значительным шагом вперед, поскольку определяли движение всех объектов вселенной: и планеты, и объекты на Земле управлялись одними и теми же законами.

(2.8) Если мы что-то роняем в поезде, то, несмотря на быстрое движение поезда, это что-то движется вместе с поездом и нами, то есть падает вертикально вниз. Это объясняет, почему мы не ощущаем движения Земли, хотя она вращается вокруг своей оси (со скоростью 600 миль в час на широте Британии) и движется вокруг Солнца со скоростью примерно 67000 миль в час. В действительности эти круговые движения оказывают эффект на наше восприятие силы тяжести, но эффект этот крайне мал, и уловить его в семнадцатом веке не представлялось возможным.

(2.9) Церковью было принято считать, что судя по Библии ситуация совершенно ясна, например: «Ты установил землю недвижимой и твердой» (Псалом 93:1). Это принималось за утверждение, что земля зафиксирована и неподвижна.

(2.10) Книга, в которой была представлена эта теория (и многое другое), называлась *«Начала»* (или «*Математические начала натуральной философии*»), она была опубликована в Лондоне в 1687 г. См.: Исаак Ньютон (1995) перевод на английский. Ньютон писал: «Я не в состоянии вскрыть причину-механизм этого свойства гравитации, … и я не строю никаких гипотез… Достаточно того, что гравитация действительно существует и действует согласно раскрытым нами законам» (Isaac Newton 1995, pp. 442–443). Несмотря на сделанные в XX веке уточнения к теории гравитации, раскрытие механизма гравитационных сил остается фундаментальной проблемой теоретической физики.

(2.11) Я допускаю, что в представлении Роберта Баркли математика и физика входят составными частями в логику и философию.

(2.12) Это так называемое «красное смещение», или эффект Доплера, обусловливается соотносительностью движения. Чтобы понять его, полезно провести аналогию со звуком: когда аварийно-спасательный автомобиль движется к нам, высота звука (частота) повышается, так как звуковые волны сжимаются; когда автомобиль уезжает, высота звука снижается, так как звуковые волны растягиваются. В случае света снижение частоты волны приводит к покраснению света, то есть к «красному смещению». Тот факт, что большинство галактик удаляются от нас, не означает, что мы являемся центром вселенной. По аналогии с поверхностью раздувающегося шара, все точки поверхности шара удаляются друг от друга, но центральной точки на поверхности нет.

(2.13) Описание берет начало с мизерной доли секунды, и в течение первой секунды происходит громадное количество событий. Наиболее известными популяризаторами этого процесса стали Стивен Вайнберг (Steven Weinberg 1977) и Стивен Хокинг (Stephen Hawking 1988).

(2.14) Это означает, что вселенная стала прозрачной для электромагнитного излучения. Космическое фоновое излучение, впервые обнаруженное в 1965 г., датируется тем временем, когда вселенная была охлаждена примерно до 3000 градусов. Сейчас мы определяем это как минус 270 градусов, потому что «красное смещение», являющееся результатом расширения вселенной, понижает частоту излучения; а это отражается и в понижении температуры. Поразительно, что космическое фоновое излучение совершенно одинаково, в какую бы сторону мы ни смотрели, что свидетельствует об однообразном распределении материи на этой ранней стадии.

(2.15) А насколько далеко мы можем видеть? Вопрос с некоторым подвохом. Поскольку вселенной «только» 14 миллиардов лет, а свет распространяется с ограниченной скоростью, можно допустить, что за пределами этого расстояния в 14 миллиардов световых лет, то есть того расстояния, которое свет проходит за 14 миллиардов лет, видеть невозможно. Однако после того как объекты излучили свет, который мы видим, они продолжали удаляться от нас, и поэтому, согласно действующим представлениям о скорости расширения вселенной со времени Большого Взрыва, мы можем наблюдать объекты на расстоянии до 14 миллиардов световых лет, которые теперь удалились от нас на расстояние до 47 миллиардов световых лет. Оценки варьируют в зависимости от величины предполагаемой скорости расширения вселенной.

(2.16) Согласно бытующим представлениям, многие аспекты законов физики, например, соотносительные величины сил разной природы, были определены в первые же доли секунды существования вселенной, в процессе симметричного дробления. Детальное построение этих законов имеет решающее значение для вселенной и для существования жизни во вселенной. Эти идеи рассматриваются далее в §3.3.

Глава 3

(3.1) Поразительно, что Ньютон допускал возможность существования других звезд, у которых тоже есть планеты. Он был явно озадачен вопросом о том, почему вселенские силы тяготения не стягивают звезды в общую кучу. В действительности, звезды каждой из галактик сами движутся по орбите вокруг центра своей галактики, а расширение вселенной поддерживает обособленность галактик, оберегая их от случайных столкновений.

(3.2) Например, он не принял концепцию Троицы — он рассматривал Иисуса как сына Бога, но подчиненного Богу.

(3.3) См., например: «*Эгоистичный ген*» и «*Слепой часовщик*» (*The Selfish Gene,* 1989 and *The Blind Watchmaker,* 2006). Ричард Докинз — превосходный популяризатор научных идей. Тем не менее, его нападки на религию, видимо, базируются на весьма ограниченных представлениях о религии. Я согласен с его критикой «слепой веры» (см., например, «Эгоистичный ген», стр. 198; 330—331), но у веры нет необходимости быть слепой. Для меня, религиозная вера связана с нашим внутренним опытом, когда умение распознавать, как обсуждается в этой лекции, вытекает из нашей проверки истинности этого опыта, в процессе дополняющем научные исследования. Примеры того, как вера оправдывает действия, идущие вразрез с «порядочными человеческими чувствами», приведенные Ричардом Докинзом, не прошли бы процесс распознавания, описанный в главе 6.

(3.4) Поскольку нынешние темпы исчезновения видов явно выходят за пределы нормы, было высказано предположение, что мы сейчас находимся в середине следующего крупного, так называемого, голоценового вымирания. Считается, что оно вызвано, по крайней мере, частично увеличением численности человеческих существ. В качестве причин крупных вымираний, происходивших ранее,

наряду с падением большого астероида или столкновением с кометой выдвигается ряд других возможных причин; среди них вулканическая активность и температурные сдвиги, возможно, в результате дрейфа континентов.

(3.5) Полное объяснение проблемы тонкой настройки можно найти у Пола Дэвиса (2006).

(3.6) В предисловии к песне Майкл Фландерс ссылается на лекцию С. П. Сноу «Две культуры», в которой говорится о том, что не знать второй закон термодинамики — это то же самое, что проигнорировать и не прочитать пьесы Шекспира. Для более основательного, но читабельного обзора по термодинамике см. Питер Аткинс (2003), глава 4. Он также начинает с упоминания С. П. Сноу.

(3.7) Концепцию энтропии в показателях тепловой энергии и температуры ввел в 1856 г. Рудольф Клаузиус. Точное определение энтропии представляет некоторую трудность, но в 1872 г. Людвиг Больцман дал формулировку в терминах тогда дискуссионной теории атомной структуры материи. Эта теория впервые была выдвинута квакером Джоном Дальтоном в 1803 г. на его лекции в Королевском институте. Согласно принятой формулировке энтропия — это мера беспорядка в системе, того, что нам хорошо знакомо по собственному опыту.

(3.8) Читатель может задаться вопросом, почему равномерное распределение материи в ранней вселенной — это состояние с низкой энтропией, а равномерное распределение молекул в герметичном баке с водой — это состояние с высокой энтропией. Разница в том, что во вселенной доминирующей силой является гравитация, и таким образом энтропия увеличивается при сгущении материи в комки, что и происходит при формировании галактик. Гравитационное притяжение между молекулами воды в баке с водой относительно невелико по сравнению с силами межмолекулярных столкновений. Более полное обсуждение удивительно низкой энтропии ранней вселенной вы

найдете у Роджера Пенроуза (Roger Penrose, 2004, стр. 730). Мне было очень приятно обнаружить недавно, что Роджер Пенроуз — внук Джеймса Дойля Пенроуза, автора картины «Присутствие среди нас».

(3.9) Наиболее яркий пример того, как может происходить самоорганизация в неравновесной физической системе, дан Петером Ковени и Роджером Хайфилдом (Peter Coveney and Roger Highfield, 1990, стр. 186).

(3.10) Обсуждение различных антропоморфных принципов вы можете посмотреть у Джона Барроу (John Barrow, 2002, глава 8). А более всестороннее изучение этого вопроса вы найдете у Джона Барроу и Фрэнка Типлера (John Barrow and Frank Tipler, 1986). Так называемый слабый (не решительный) принцип гласит, что, будучи разумными существами, мы естественно находим себя живущими во вселенной, в которой именно в том месте, где мы живем, и тогда, когда мы живем, созданы условия, пригодные для разумной жизни. Исходно решительным принципом Брэндона Картера является утверждение, что вселенная должна быть пригодной для жизни.

(3.11) Я точно не знаю, это время по Гринвичу или по местному времени Эдема.

(3.12) Возможен вариант, по которому законы физики различны в различных частях одной единственной вселенной. Согласно ему, мы живем в той части вселенной — вселенной, доступной нашему обозрению, которая тонко настроена для жизни; другие ее части, наблюдать которых мы не можем, могут быть совершенно иными.

(3.13) Эти ученые считают, что даже в случае уже возникшей жизни, эволюция интеллекта, обладающего самосознанием, очень маловероятное событие. Из этого следует, что, если наш вид самоуничтожится, маловероятно, что на Земле разовьется другой вид, обладающий самосознанием, для этого просто не хватит времени стабильного су-

ществования нашего Солнца, сейчас оно находится на половине своего жизненного пути.

(3.14) Это еще более крутая версия твердого антропоморфного принципа. См., например, у Джона Барроу (John D. Barrow, 2002, стр. 164)

(3.15) Квантовая механика прекрасно представлена Брюсом Розенблюмом и Фредом Каттнером (Bruce Rosenblum and Fred Kuttner, 2007). Копенгагенская интерпретация квантовой механики рассматривается у них в главе 10.

(3.16) См. Дэниел Деннет — Daniel C. Dennett (1993, стр. 34–35). Дэниел Деннет, как и Ричард Докинз, активно настроен против религии.

(3.17) См. Майкл О'Ши Michael O'Shea (2005). Размышления над размерами физической вселенной, проделанные нами ранее, заставляют нас чувствовать себя очень маленьким, но в каком-то смысле мы объекты среднего размера во вселенной. К примеру, в человеческом теле около 10^{28} атомов (то есть 1 с последующими 28 нулями), в то время как звезд в обозримой вселенной «всего» около 10^{22}. Это означает, что на каждую звезду в наблюдаемой вселенной приходится около миллиона атомов в каждом человеческом организме!

(3.18) Дэниел Деннет и Дуглас Хофстедтер, кажется, придерживаются такого мнения, что мозг следует рассматривать как компьютер с сознанием, возникающим из сложности программирования. В то время как Джон Сёрль считает, что сознание происходит особым способом, каким функционирует мозг. Однако, мы не знаем «как нейробиологические процессы в мозге порождают наши субъективные состояния получения информации или ощущения; как именно эти состояния реализуются в структурах головного мозга; и как именно разумное сознание функционирует в общей системе мозга и, соответственно, как оно функционирует в нашей жизни вообще».

(3.19) В действительности, есть еще и третья проблема: может быть будущее предопределено, но вычислить его не представляется возможным, это означает, что, если бы мы даже смогли досконально изучить состояние системы в настоящем, в принципе не получится рассчитать будущее состояние системы. Роджер Пенроуз (Roger Penrose, 1989, стр. 220) предполагает, что это может стать важным компонентом понимания свободы воли.

(3.20) См. Джорж Эллис «*Вера, надежда и сомнение во времена неопределенности» (*George Ellis, *Faith, hope and doubt in times of uncertainty,* 2004) и сообщение, ориентированное на Друзей: Джордж Эллис «*Наука в вере и надежде*» (George Ellis, *Science in faith and hope,* 2008). И для получения более широкой информации: Нэнси Мёрфи и Джорж Эллис «*О нравственной природе вселенной*» (Nancey Murphy and George F.R. Ellis, *On the moral nature of the universe,* 1996).

Глава 4

(4.1) *Niente,* на итальянском это означает «ничто», присутствует в конце большинства симфоний Ральфа Вон Уильямса (Ralph Vaughan Williams). Музыка замолкает, и затем наступает тишина, безмолвие (ничто), в течение которого мы можем переосмыслить всю совокупность впечатлений от произведения.

(4.2) См., например, Пол Дэвис (Paul Davies, 1994). Это так называемая «тепловая смерть», когда достигнуто состояние максимального беспорядка (энтропии). Некоторые ученые рассматривали способы, с помощью которых жизнь могла бы развиваться так, чтобы продолжаться вечно. См., например, идею «точки Омега», об этом написано у Джона Барроу и Фрэнка Типлера (John Barrow and Frank Tipler) 1986, глава 10.

(4.3) Фраза взята из книги Альфреда Теннисона «В память А. Х. Х.», песнь 56 (Alfred Tennyson, *In memoriam A.H.H.*, Canto 56).

(4.4) Я нашел, что наиболее полезными являются рассуждения об этом Вильгельма Аарека (Wilhelm Aarek, 1954, стр. 39—46). Он рассматривает «раскаяние», как чувство неисполнения своего долга; «стыд», как чувство восприятия неодобрения в ответ на наши асоциальные действия со стороны окружающих, и «вину», как чувство греха или личной несостоятельности. Я не убежден, что эти слова используются для обозначения этих разграничений, но сами разграничения полезны.

Глава 5

(5.1) Собрание в поддержку страждущих является постоянным представительным органом Религиозного общества Друзей в Великобритании, его составляют, в основном, Друзья, выдвинутые региональными (прежде месячными) собраниями.

(5.2) Он указал мне, что для полного понимания слов Джеймса Нейлера мы должны понимать своеобразие языка тех дней. Тем не менее, я хочу здесь сосредоточиться на том, как мы реагируем на эти слова и как мы их используем. Ведь мы вложили эти слова в мирное свидетельство (*Квакерская вера и практика*, 24.04), как выражение опыта, который перешел к нам.

(5.3) См., например, Эдвин Б. Броннер (Edwin B. Bronner, 1966); чтение его работ было частью моей подготовки ко Всемирной конференции, или Бен Пинк Дендилаен (Ben Pink Dandelion, 2008).

(5.4) Например, Джордж Фокс (George Fox, 1975, стр. 27): «Я ничего не знал, но чистота, невинность и праведность возрождены в образе Бога во Христе Иисусе, так что я говорю: я пришел в состояние Адама, в котором он был до падения». Марджери Пост Эббот (Margery Post Abbott, 1997) предлагает антологию различных квакерских произведений, написанных на эту тему.

ОБ ИЗДАНИИ

The Presence in the Midst: Reflections on Discernment
by Peter J. Eccles
Swarthmore Lecture 2009
Иллюстрация на лицевой обложке: *The Presence in the Midst* by J. Doyle Penrose, 1916

Издание подготовлено организацией «Дом Друзей в Москве». Другие книги о квакерах и более подробную информацию о Религиозном обществе Друзей можно найти на сайте www.quakers.ru.

О СВОРТМОРСКИХ ЛЕКЦИЯХ

На заседании Вудбрукского комитета повышения квалификации, состоявшемся 9 декабря 1907 г., было принято решение об учреждении фонда для организации Свортморских лекций; в протоколе Комитета было сказано о выделении средств на «ежегодную лекцию на какую-нибудь тему, связанную с целями и работой Общества Друзей». Слово *Свортморская* было выбрано в память о Свортмор-Холле, доме Маргарет Фелл (Фокс), который всегда был открыт для искренних искателей Истины, и откуда исходили слова, исполненные любви и сострадания, а также значительная материальная помощь для собратьев по деятельности.

Организация и проведение лекций по сей день остаются ответственностью попечителей Вудбрукского квакерского учебного центра и являются значительной частью образовательной работы, которая ведется как в самом Вудбруке, так и из Вудбрука.

Организация Свортморских лекций имеет двоякую цель: во-первых, эти лекции дают возможность членам Общества Друзей лучше понять и интерпретировать для себя цели и задачи своей миссии, и, во-вторых, они представляют дух, цели и фундаментальные принципы Друзей широкой публике. Ответственность за высказываемые мнения целиком и полностью лежит на лекторах.

Лекционный фонд предоставляет средства как на подготовку и чтение самой лекции, так и на последующую публикацию книги. Чтение лекции обычно приурочено к Британскому годовому собранию Общества Друзей.

Лекция, представленная в данной книге, была прочитана в 2009 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение и благодарность 4
Глава 1. Присутствие в центре 9
1.1 Божественный язык 12
1.2 Различение 14
Глава 2. Продолжающееся творение Бога 18
2.1 «Донаучный» мир 20
2.2 Классический научный мир 24
2.3 Современный научный мир 28
Глава 3. Дух Бога в действии 33
3.1 Деятельность Бога 35
3.2 Происхождение жизни 38
3.3 Почему во вселенной есть жизнь? 42
3.4 Человеческое сознание 51
3.5 Как человек действует в этом мире 56
3.6 Объяснение свободной воли 60
Глава 4. Замыслы Бога 67
4.1 Как Бог действует в мире 69
4.2 Конечная цель 71
4.3 Страдания, беды и грех: Божья любовь 76
4.4 Наше восприятие Бога 84
Глава 5. Божественное присутствие 86
5.1 Наше восприятие окружающего мира 87
5.2 Я вырос в квакерском собрании 92
5.3 Традиционная христианская литургия 95
5.4 Квакерство в мировом масштабе 98
5.5 Восприятие Бога на молитвенном собрании 102
5.6 Жизнь в присутствии Бога 107

Глава 6. Водительство Бога 110
6.1 Воля Бога 111
6.2 Коллективное принятие решений: квакерский деловой метод 119
6.3 Анализ прецедента 1: отказ от уплаты военных налогов 128
6.4 Анализ прецедента 2: членство в Совете церквей Британии и Ирландии 136
6.5 Персональное принятие решения 144
Глава 7. Послушание Богу 150
7.1 Собрание по церковным делам 151
7.2 Клерк и запись решений 155
7.3 Что делать, если сложно достичь согласия 162
7.4 Управление делами 165
7.5 Разнообразие практик среди Друзей 168
7.6 Личные заботы и собрание для прояснения 171
7.7 Ученичество 176
Примечания 179
Об издании 191
О Свортморских лекциях 192

Питер Экклс

Присутствие среди нас

Размышления о духовном распознавании

Переводчик Татьяна Григорьева
Переводчик Наталья Журавенкова
Редактор Сергей Грушко
Редактор Наталья Журавенкова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Питер Экклс родился в 1945 г. Он профессор математики Манчестерского университета. С 2002 по 2005 гг. являлся клерком Британского Годового собрания Религиозного общества Друзей (квакеров).

Автор размышляет об основополагающем вопросе бытия: как мы воспринимаем мир вокруг нас и чем отвечаем на свое восприятие окружающего нас мира? Он считает, что научное понимание дополняет понимание, приходящее через духовный опыт, и что необходимо примирить два подхода, хотя это и не всегда бывает легко и может привести к проверке на прочность некоторых религиозных взглядов.